

ПОБЕДА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ЭНЕРГЕТИКА В ГОДЫ ВОЙНЫ
ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

Материалы: Департамент общественных связей и информации ОАО «СО ЕЭС»

E-mail: press@so-ups.ru Тел.: +7 (499) 788-19-85

Фотореконструкции: Сергей Ларенков

В издании использованы фотографии, найденные в сети Интернет в свободном доступе

Дорогие друзья!

Книга, которую вы держите в руках, – живой рассказ о судьбах ветеранов, тружеников тыла, детей военного поколения. Их собственные воспоминания и свидетельства близких. Для нас это уникальная возможность «из первых уст» узнать о том, как храбро сражались наши деды и прадеды, как самоотверженно работали на благо Победы оставшиеся в тылу, как ждали возвращения ушедших на фронт и радовались завершению войны все, кому довелось жить в то страшное время.

Все эти истории объединяет одно: их герои либо авторы – люди, связанные с оперативно-диспетчерским управлением в электроэнергетике. Содержание книги составляют интервью и воспоминания заслуженных ветеранов войны и труда, работавших в оперативно-диспетчерском управлении после Победы. Самые важные вехи истории Отечественной войны – оборона Москвы и Сталинграда, блокада Ленинграда и битва на Курской дуге, освобождение Крыма и Прибалтики, победное вхождение наших войск в Берлин и другие события, которые известны каждому из учебников истории, в этой книге представлены глазами очевидцев. Мы изнутри узнаем подробности о военном быте солдат и жизни оказавшихся в оккупации, восхищаемся историями о настоящей фронтовой дружбе и боевом товариществе, знакомимся с деталями военных операций и по-новому смотрим на историю того времени. Благодаря личным свидетельствам участников событий мы узнаем о том, как работала энергетика военного времени, в каких условиях ковалось оружие Победы. Этого не прочесть ни в каких учебниках.

Людей, заставших трагические события 1941–1945 годов, остается все меньше, скоро никто не сможет рассказать нам, как это было. Сохранить память о судьбах и о подвигах тех, кто прошел войну, пока есть такая возможность, – самое меньшее, что мы можем сделать. И наш долг – передать эту память следующему поколению. Уважение к истории страны – необходимый атрибут истинного патриотизма, ведь не зря говорят, что народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего. Ради этого будущего, ради наших детей, ради того, чтоб никогда не повторилась страшная трагедия мировой войны, давайте будем помнить о тех, кому мы обязаны свободой страны и нашей сегодняшней мирной жизнью.

Эта книга – рассказ о мужестве, стойкости, верности долгу, силе духа и не умирающей несмотря ни на что надежде. Собранные в ней трогательные, драматичные и захватывающие истории никого не оставят равнодушным.

Председатель Правления
ОАО «СО ЕЭС»

Б. И. Аюев

СОДЕРЖАНИЕ

Победа ковалась в тылу	5
Георгий Степанович КОНЮШКОВ. Первый начальник ОДУ Северного Кавказа	31
Клара Владимировна ИВАНОВА. Завтра была война	39
Алексей Алексеевич УСАЧЕВ. Партизанский связной	45
Зоя Васильевна ПЕТРОВА. Зоя — строгий командир	51
Виталий Константинович БЛИНОВСКИХ. Четырнадцатилетний учитель	53
Маргарита Ивановна МЫЛЬНИКОВА. Юный геолог	57
Виктор Алексеевич КЛЕПНЕВ. Летящие торпеды капитана Клепнева	63
Николай Тихонович СТРЕЛКОВ. «...Мы еще потанцуем»	67
Юрий Васильевич БУРЛАКОВ. Двенадцатилетний энергетик	73
Макар Витальевич СВЕРЧКОВ. Строитель надежного фундамента	77
Владимир Петрович ИЛЬИН. От Москвы до Берлина	87
Альбина Петровна КЕРБЛЕР. Тыловой бухгалтер	93
Усман Киамович КУРБАНГАЛИЕВ. «От границы мы Землю вертели назад...»	97
Николай Михайлович МАЛЫШ. Две Победы сержанта Малыша	105
Николай Владимирович ЛИСИЦЫН. У войны не детское лицо...	107
Никандр Дмитриевич КУЗНЕЦОВ. Защитник Великих Лук	117
Евгений Исаакович БЛАНК. На фронт со школьной скамьи	121
Игорь Александрович ПАТРИКЕЕВ. Мой трудовой фронт	125
Дмитрий Данилович САХНО. Освобождавший Маньчжурию	133
Евгений Васильевич ОСЕЧКИН. «Я всю жизнь служил энергетике»	137

ЭНЕРГЕТИКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

1940 год

Суммарная мощность электростанций страны – 11,2 млн кВт.
Выработка электроэнергии – 48,3 млрд кВт·ч.

СССР занимал третье место в мире
и второе в Европе по уровню мощностей
электростанций и производству электроэнергии.

Прирост мощности за 1940 год – 1300 МВт.

В СССР функционировали четыре крупные энергосистемы:

- Московская
- Ленинградская
- Уральская
- Южная.

Их суммарная мощность достигала 43% всей мощности
электростанций страны, выработка электроэнергии – 68%.

Сооружена первая межсистемная связь 220 кВ Днепр–Донбасс.

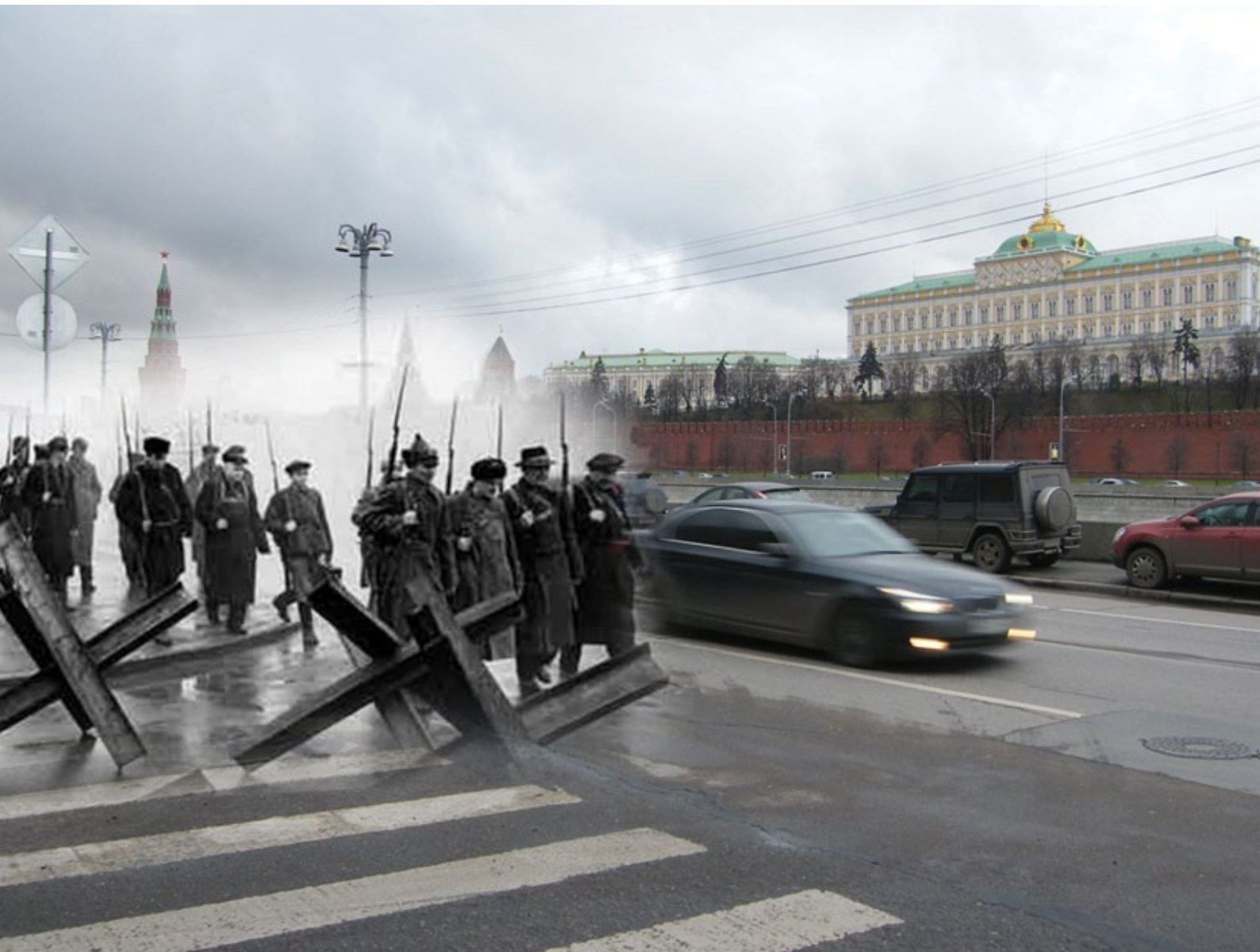
Создано ОДУ Южной энергосистемы – ОДУ Юга.

ПОБЕДА КОВАЛАСЬ В ТЫЛУ

Победа ковалась не только на фронтах Великой Отечественной. В заводских цехах и на фабриках, в машинных залах ГЭС и котельных ТЭЦ шло свое сражение за Родину. Упорный труд советского народа в тылу — зачастую без сна и отдыха, под бомбами и огнем артиллерии — значил для победы не меньше, чем ратный подвиг советских солдат. Ни один танк, ни один снаряд не смогли бы выйти из заводских цехов без самоотверженной работы тружеников тыла, важное место среди которых занимали энергетики. В годы Великой Отечественной войны энергетика сыграла огромную роль в укреплении и развитии военной промышленности и, как следствие, победе над фашистской Германией. Это стало возможным благодаря высокому научно-техническому уровню и мощному потенциалу энергетической отрасли, достигнутым к началу войны, а также усилиям тысяч энергетиков, самоотверженно работавших в нечеловеческих условиях, в эвакуации и на только что освобожденных от врага территориях.

В годы войны особое значение имело оперативно-диспетчерское управление. В условиях недостатка генерирующей мощности и сетевой инфраструктуры при растущем промышленном потреблении надежное электроснабжение было возможно только благодаря концентрации всех усилий и навыков работников оперативно-диспетчерского управления. Задачу обеспечения стабильного функционирования энергосистем любой ценой диспетчеры военного времени с успехом решали в самых сложных условиях. В то время нередко частота в энергосистеме опускалась значительно ниже 45 Гц. Низкие уровни частоты и напряжения в сети были чреваты нарушениями устойчивого функционирования энергосистем, выходом из строя оборудования, при этом разрешение на ограничение или отключение потребителей получить было практически невозможно — промышленность должна была непрерывно работать на нужды фронта. Многие процессы, которые сейчас автоматизированы, в том числе самые сложные расчеты, выполнялись вручную. Ответственность диспетчеров в те годы была высока как никогда.

Несмотря на все трудности, энергетики обеспечили энергию для победы и последующего восстановления страны. Имена этих профессионалов навеки вписаны золотыми буквами в историю страны.

Москва. Софийская набережная. 1941 год - н. в.

Битва за Москву

В середине июня 1941 года, за несколько дней до нападения фашистской Германии на СССР, руководство Мосэнерго получило секретный приказ правительства о подготовке к работе подземного диспетчерского пункта и максимальном накоплении топливных резервов и запасного оборудования. По сути это означало переход к работе в условиях военного времени.

22 июня диспетчер Мосэнерго передал распоряжение на московские энергопредприятия: «Немедленно развернуть работу по мобплану...». Начался срочный перевод работы энергопредприятий «на военные рельсы». Прежде всего, потребовалось как можно скорее завершить работы по строительству подземного диспетчерского пункта и организовать перевод туда дежурных. Специалистам службы релейной защиты пришлось поработать, чтобы предотвратить неправильные действия реле при сотрясении панелей, которое вызывали взрывы авиабомб.

Большое внимание уделялось разработке комплекса оперативных мероприятий на случай захвата столицы фашистскими войсками. Вот что пишет о подготовке Московской энергосистемы к войне в своей работе известный специалист в области истории отечественной энергетики, кандидат технических наук Владимир Гвоздецкий:

«Планировался вывод из строя центрального управления Мосэнерго, находившегося на Раушской набережной, крупнейших ТЭЦ, электро- и теплокоммуникаций. Москву предполагалось оставить без тепла и света. Кроме того, под видом энергетиков в городе оставались специально сформированные из сотрудников НКВД подпольные диверсионные группы по 3—6 человек — так называемые

Диспетчерский пункт Мосэнерго в годы Великой Отечественной войны

1941 год

	Силы	Советские войска	Немецко-фашистские войска	Соотношение
Личн. состав (тыс. чел.)		1250	1800	1:1,4
Орудия и минометы		7600	свыше 14 000	1:1,8
Танки		990	1700	1:1,7
Самолеты		677	1390	1:2

Суммарная мощность электростанций — 6,7 млн кВт
(снижение по сравнению с 1940 годом на 40,6%).

Выработка электроэнергии — 46,7 млрд кВт·ч
(снижение на 3,4%).

С приближением линии фронта к Москве стал вопрос об эвакуации энергооборудования в глубокий тыл, где ему предстояло обеспечивать светом и теплом предприятия, выпускающие военную продукцию. Работники Мосэнерго в экстремальных условиях, несмотря на бомбежки, в предельно короткие сроки демонтировали и эвакуировали 46 паровых котлов, 18 турбогенераторов, 728 км ЛЭП и 22 подстанции 35–220 кВ, 99 трансформаторов. В опустевших зданиях стали вытаскивать корпуса снарядов и мин, детали орудий; в машинном зале электростанции на Бережковской набережной — ремонтировать танки.

Эвакуация промышленности вглубь страны, форсированное строительство новых заводов в тыловых регионах потребовали интенсивного развития энергосистем Урала, Северного Казахстана, Центральной Сибири и Средней Азии.

Суммарная доля выработки электроэнергии в этих энергосистемах возросла с 22,2% в 1940 году до 48,5% в 1945 году.

Линия фронта к исходу 29 сентября
Направления планируемых ударов
немецко-фашистских войск (операция "Тайфун")

Перегруппировка и выдвижение
советских войск в октябре-ноябре

Нерукозависимый отход советских войск

ремонтно-эксплуатационные бригады. В случае привлечения их к наладочно-восстановительным работам «бригады» по специально разработанному плану должны были совершать террористические акты в отношении расквартированных в Москве войск и оккупационной администрации».

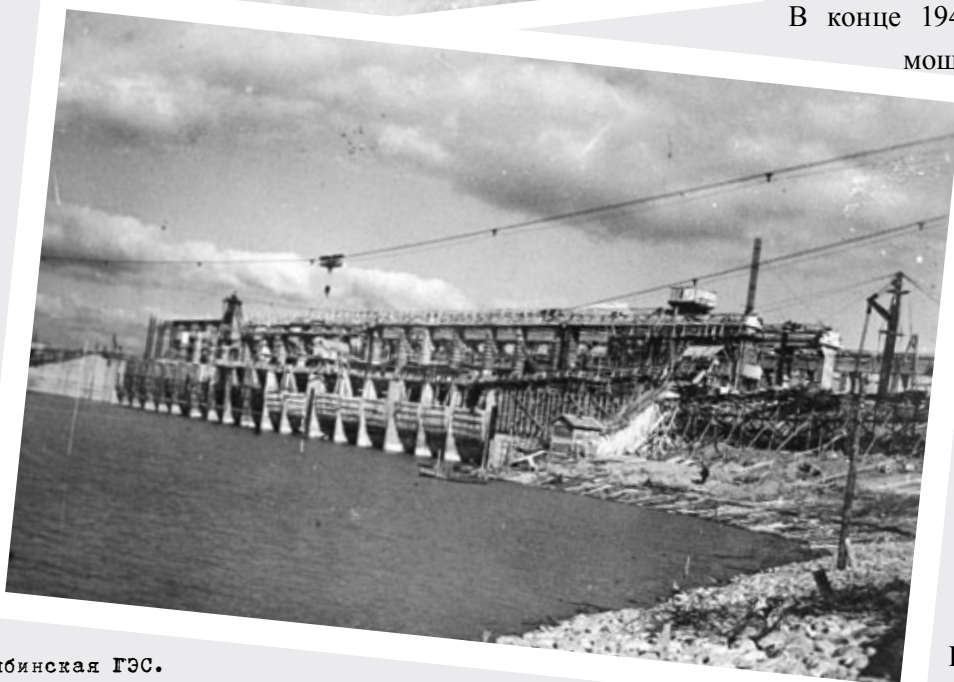
Оборудование большинства энергообъектов было эвакуировано на восток. Из директивы Государственного комитета обороны СССР:

«...все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции, вообще всякие силовые и трансформаторные подстанции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов...».

К началу Великой Отечественной войны установленная мощность электростанций управления Мосэнерго составляла 1160 МВт, что для того времени являлось очень высоким показателем. Непрерывно развивались и совершенствовались электрические сети энергосистемы – протяженность ЛЭП напряжением 110 кВ достигала к началу войны 2450 км. На энергообъектах Москвы и области трудились тысячи квалифицированных специалистов: рабочих, мастеров, инженеров. В конце 1941 года установленная мощность электростанций

Московской энергосистемы сократилась более чем в два раза. Вся нагрузка по электроснабжению Москвы ложилась на электростанции северо-восточного, восточного и юго-восточного секторов энергосистемы. Важнейшая роль отводилась Шатурской ГРЭС. Посильную лепту вносила и Каширская

Машинный зал
Каширской ГРЭС.
1941 год

Рыбинская ГЭС.
1940 год

станция, в нескольких километрах от которой осенью 1941 года были остановлены танковые соединения Гудериана. ГРЭС находилась практически в зоне боевых действий, но не прекращала работу. В ноябре враг вплотную подошел к станции с юга. Наибольший урон от боевых действий несла линия электропередачи 110 кВ Кашира – Тула. Монтеры восстанавливали ее под частыми обстрелами и бомбежками. Под угрозой возможного танкового прорыва врага станцию заминировали. Взрыв Каширской ГРЭС был приостановлен в самый последний момент.

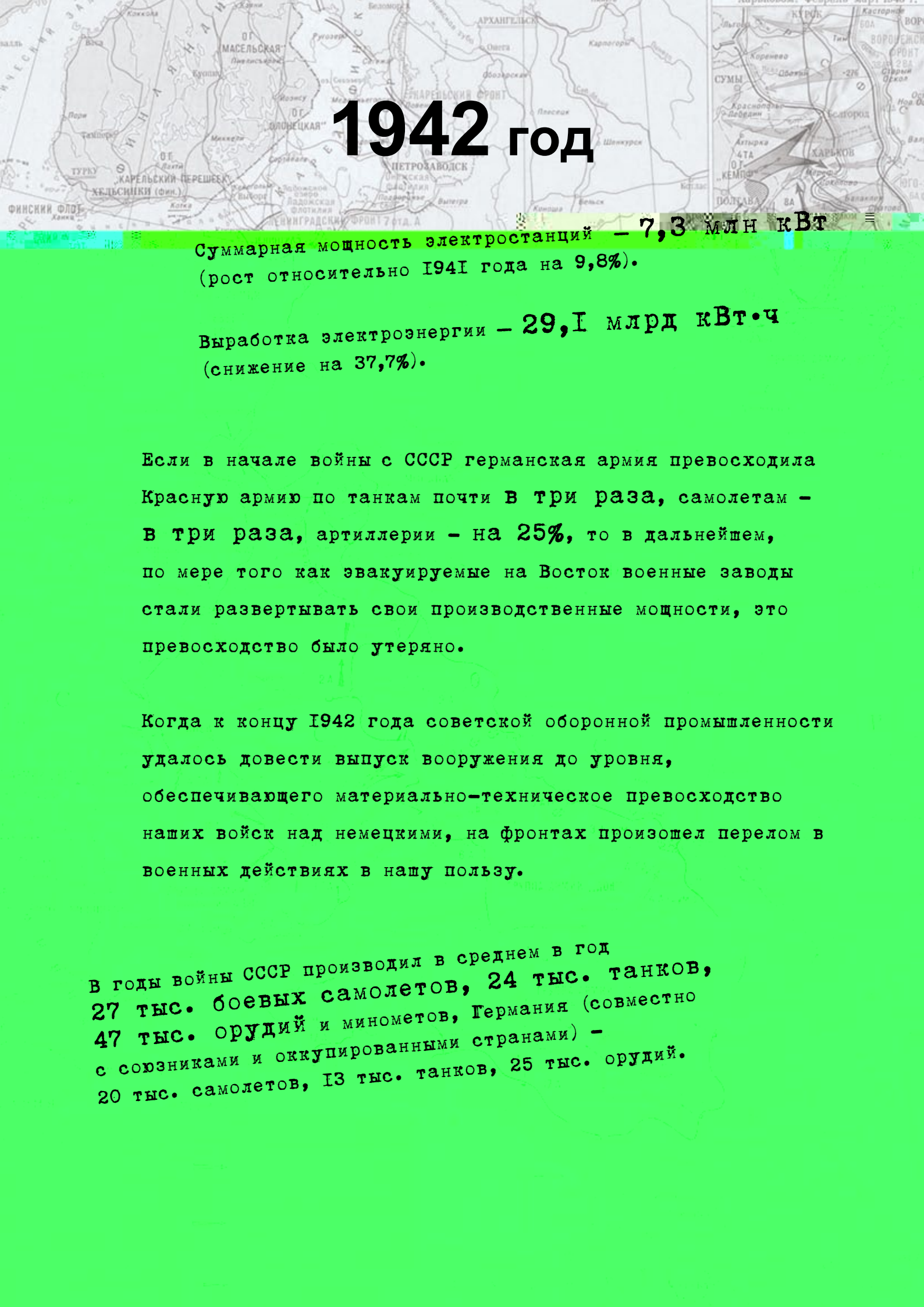
Обеспечить электроснабжение Москвы в конце 1941 года можно было только вводом в строй Рыбинской ГЭС. Строительство станции шло в невообразимых в мирное время условиях. Переброска линии электропередачи 220 кВ через Волгу казалась непосильной задачей: постоянные бомбардировки, не позволявшие установить опоры, пронизывающий ледяной ветер, грязь, в которой утопали телеги, доставлявшие оборудование и стройматериалы, нехватка рабочей силы, бытовая неустроенность и плохое питание строителей. Рыбинскую ГЭС ввели в работу досрочно. Это был поистине подвиг. Электроэнергия в Москву была подана вечером 18 ноября 1941 года.

Нельзя не вспомнить и о подвиге московских энергетиков, золотыми буквами вписанном в историю обороны Москвы. 8-й отдельный инженерно-строительный батальон при Управлении спецработ Западного фронта, созданный в конце лета 1941 года, когда враг уже рвался к Москве, должен был в кратчайшие сроки разработать и построить фронтовое оборонительное электрозаграждение. Уже к октябрю 1941 года эта задача была выполнена: на 300 километров протянулось электрифицированное высоковольтное полукольцо вокруг столицы. Сети Мосэнерго снабжали электроэнергией 30 подземных подстанций, питали подвешенные на ограждения оголенные провода. Кроме стационарных электрозаграждений, при обороне Москвы успешно применялись электризованные сети, питаемые от специальных передвижных электростанций. Весьма эффективными оказались и электроуправляемые противотанковые и противопехотные минные поля. Немецкие войска так и не смогли преодолеть оборону, возведенную вокруг столицы московскими энергетиками. А опыт использования мощных высоковольтных заграждений в сочетании с взрывными устройствами, управляемыми по радио, в дальнейшем с успехом применялся в ходе Великой Отечественной войны, в том числе в битве за Сталинград и на Курской дуге.

За проявленный во время войны героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 апреля 1945 года коллективы ГРЭС-3, ГРЭС-4, ГРЭС-5, ТЭЦ-9 награждены Орденом Трудового Красного Знамени. Этим же указом орденами и медалями награждена большая группа работников предприятий Мосэнерго. А в 1985 году коллектив Мосэнерго за самоотверженную работу в годы войны был награжден орденом Отечественной войны I степени, который вручался только за боевые заслуги. Этим труд московских энергетиков был приравнен к ратному подвигу.

Москва. Ул. Тверская. 1941 год - н. в.

1942 год

Суммарная мощность электростанций — 7,3 млн кВт
(рост относительно 1941 года на 9,8%).

Выработка электроэнергии — 29,1 млрд кВт·ч
(снижение на 37,7%).

Если в начале войны с СССР германская армия превосходила Красную армию по танкам почти в три раза, самолетам — в три раза, артиллерии — на 25%, то в дальнейшем, по мере того как эвакуируемые на Восток военные заводы стали развертывать свои производственные мощности, это превосходство было утеряно.

Когда к концу 1942 года советской оборонной промышленности удалось довести выпуск вооружения до уровня, обеспечивающего материально-техническое превосходство наших войск над немецкими, на фронтах произошел перелом в военных действиях в нашу пользу.

В годы войны СССР производил в среднем в год 27 тыс. боевых самолетов, 24 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, Германия (совместно с союзниками и оккупированными странами) — 20 тыс. самолетов, 13 тыс. танков, 25 тыс. орудий.

«Сталинградскую ГРЭС

рвут на части...»

Территория Северного Кавказа, кроме Дагестана, частично, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, а также значительная часть Сталинградской области с лета 1941 и до начала 1943 года была оккупирована врагом. Перед отступлением советских войск основное оборудование ряда электростанций, в соответствии с директивой Государственного Комитета Обороны СССР, было демонтировано и вывезено в восточные районы страны.

Также были разукomплектованы подстанции и некоторые линии электропередачи. Но необходимость до последнего момента обеспечивать электроснабжение жизненно важных объектов не оставила времени на ор-

ганизованный демонтаж, эвакуацию оборудования и персонала: часть энергообъектов пришлось вывести из строя, чтобы враг не мог получить ни киловатта электричества. Так мы потеряли Новороссийскую ГРЭС, Шахтинскую и Кисловодскую ТЭЦ, Баксанскую ГЭС.

Новороссийская ГРЭС работала до самого вторжения германских войск в город. Энергетики покидали электростанцию и отходили в направлении Геленджика, когда дорога уже простреливалась захватчиками. Сталинградская

ГРЭС, оказавшаяся в трех километрах от линии фронта – практически на передовой, – продолжала бесперебойную работу, несмотря на непрерывные авианалеты и артобстрелы. Всего по станции было выпущено более 900 снарядов, из которых свыше 200 попали в агрегаты и технические сооружения. Но только после массированных воздушных налетов 4-5 ноября 1942 года, когда на ГРЭС было сброшено более 200 бомб, она была полностью выведена из строя.

«Очень трудно со снабжением электроэнергией заводов.

Сталинградскую ГРЭС рвут на части. Создается впечатление,

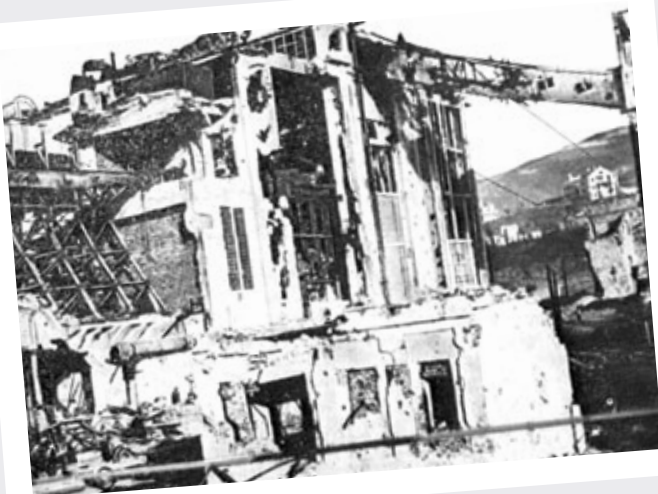
что делим электроэнергию, как хлеб

в 1919 году – по четвертушкам.

Когда враг оккупировал Донбасс, электростанция оказалась отрезанной от донецкого угля. Пришлось немедленно строить причал на Волге для прибывающих из

Баксанская ГЭС.
1943 год

Новороссийская
ГРЭС. 1942 год

Баку барж с мазутом, строили насосную, прокладывали 900-метровый мазутопровод с переходом через железнодорожную магистраль. Возвели мазутохранилище и еще одну насосную – для перекачки подогретого мазута в котлы. Персонал котельного цеха в считанные дни

реконструировал котлы для сжигания в них мазута вместо угля.

В августе 1942 года началась эвакуация оборудования и специалистов на Урал.

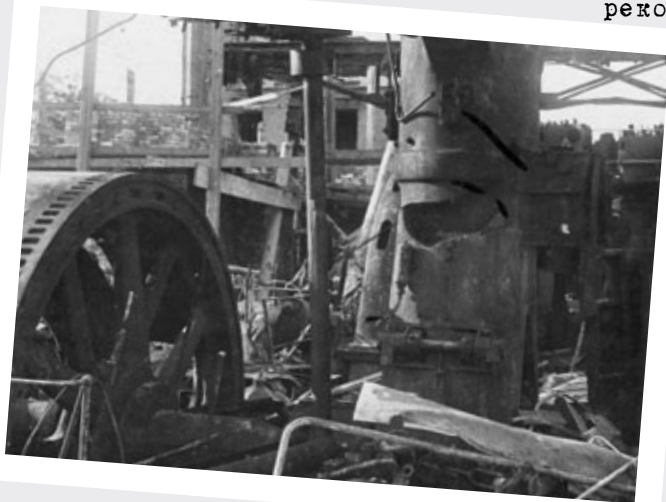
В сентябре было отправлено в тыл 900 сотрудников и свыше 2000 членов их семей. На ГРЭС в те дни работал один турбогенератор.

В городе – колоссальные разрушения, пожары, уничтожены все линии электропередачи 110 кВ, все подстанции, обесточены насосные. Лишенный электроэнергии, город у Волги погибал без воды. Оставшийся на станции персонал – 123 человека – круглые сутки самоотверженно восстанавливал агрегаты, химический цех давал не только техническую, но и питьевую воду для фронта и части города».

Из воспоминаний
ветеранов-энергетиков

Коллектив смог вернуться на станцию, чтобы приступить к восста-

новлению уцелевшего оборудования и станционных корпусов только в феврале 1943 года, когда враг был отброшен от Сталинграда. На первенца ГОЭЛРО было страшно смотреть – территория изрыта воронками от снарядов и бомб, разрушены главный корпус, цеха и градирни. Тем не менее, первые агрегаты – котел и аварийная турбина – были пущены энергетиками в работу уже через месяц. Поднимавшиеся из руин заводы требовали все больше и больше энергии. К 1944 году на станции уже работали пять котлов, мощность Сталинградской ГРЭС достигла 70 МВт, а к 1948 году станция была полностью восстановлена.

Пятигорская
Тепловая
электростанция.
1943 год

Сталинградская
ГРЭС. 1942 год.

Сталинград (Волгоград). Дом коммунальщиков. 1943 год - н. в.

	Советские вооружения	Немецко-фашистские вооружения	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	1286	до 900	2:1
Бронетанковые подразделения	более 21 000	более 7 000	3:1
Авиация (штук)	2400	около 1,2 тыс.	2:1
Артиллерия	более 3 000	более 1,1 тыс.	2,7:1

1941–1945 годы

Положение войск сторон к 1 июля	1 июля
2 августа	2 августа
5 августа	5 августа
Направления ударов советских войск	
Мониторинг немецко-фашистских войск	
Оборонительные рубежи и отступления немецко-фашистских войск	
Выдвижение советских войск	
Перегруппировки немецко-фашистских войск	

За четыре года войны в СССР было разрушено 60 крупных электростанций общей мощностью 5,8 млн кВт, на семи гидроэлектростанциях демонтировано оборудование.

Приостановилось строительство крупных электростанций общей мощностью 1 млн кВт.

Оккупанты уничтожили около 10 тыс. км линий электропередачи.

Суммарная установленная мощность электростанций снизилась до уровня 1934 года.

За период оккупации специальные подразделения войск противника демонтировали и вывезли в Германию 1 400 турбин, такое же количество паровых котлов, 11 300 генераторов, большое количество трансформаторов и электромоторов; на электростанциях и подстанциях была изъята значительная часть силового и телефонного кабеля, приборов измерения и защиты. Демонтаж и вывоз оборудования сопровождался планомерным разрушением инфраструктуры отрасли.

СОСТАВ СИЛ СТОРОН			
МОСКОВСКО-ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ к 3 августа			
Вид войск	Советские вооружения	Немецко-фашистские вооружения	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	980,5	до 100	3:1
Бронетанковые подразделения	более 12 000	более 3 000	4:1

Энергетическая блокада

8 сентября 1941 года замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда, и город оказался отрезанным от всех загородных электростанций, снабжавших его энергией. Были разрушены многие подстанции и линии электропередачи. В самом Ленинграде работало только пять тепловых электростанций. Однако и на них из-за недостатка топлива резко сократилась выработка энергии, которой хватало только на госпитали, хлебозаводы и правительственные здания, имевшие отношение к фронту. Прервалась

передача электроэнергии с Волховской ГЭС, основное оборудование которой в октябре 1941 года было демонтировано и вывезено на Урал и в Среднюю Азию. На станции остались в работе два вспомогательных гидроагрегата по 1 000 кВт, работавшие для железнодорожного узла Волховстрой и воинских частей. Была парализована работа оборонных заводов, остановились трамваи и троллейбусы, перестал функционировать водопровод. Многие энергетики ушли на фронт, а оставшиеся продолжали трудиться в суровых условиях голода и холода, обеспечивая выработку возможного количества электроэнергии. Началась энергетическая блокада Ленинграда.

Сразу же после начала блокады все предприятия энергосистемы стали объектами нападения. На электростанции и подстанции города за время блокады было сброшено 300 фугасных и свыше 1 000 зажигательных авиабомб, выпущено около 3 000 снарядов. Было нанесено более 2 000 повреждений высоковольтной воздушной сети и свыше 3 500 повреждений кабельной сети.

Ленинград.
1943 год

Волховская ГЭС.
1940 год

К декабрю 1941 года среднесуточная выработка электроэнергии снизилась до 1,6 млн кВт·ч – за год до этого выработка в энергосистеме Ленинэнерго составляла 11,4 млн кВт·ч. В городе было введено жесткое лимитирование энергопотребления: полностью прекратилось движение трамваев и троллейбусов, не работал водопровод. Чтобы поддерживать в работе еще действующие электростанции, энергетики Ленинграда собирали остатки топлива с эвакуированных или бездействовавших предприятий, разбирали деревянные дома.

Государственный комитет обороны принял решение о восстановлении Волховской ГЭС для снабжения электроэнергией осажденного города. Эшелоны с оборудованием для станции прибыли с Урала и из Средней Азии в феврале 1942 года, а первый гидроагрегат был пущен в эксплуатацию в апреле. Электроэнергия в Ленинград должна была пойти по пяти кабельным линиям напряжением 10 кВ, проложенным по дну Ладожского озера. На ленинградском заводе «Севкабель», находившемся под артобстрелом врага, женщины и дети начали изготовление кабеля, названного «кабелем жизни». К началу августа 1942 года было изготовлено уже более 100 км подводного провода. Кабель прокладывали по ночам – днем это было невозможно из-за постоянных авианалетов.

23 сентября 1942 года благодаря этому уникальному техническому решению энергетическая блокада была прорвана. До конца 1943 года Волховская ГЭС передала в Ленинград более 25 млн кВт·ч электроэнергии.

За все время блокады в Ленинградской энергосистеме не было аварийных ситуаций, при которых происходило полное погашение окруженного города, хотя в отдельные дни частота существенно снижалась. Самым тяжелым днем для энергетики Ленинграда стало 25 января 1942 года. Во всей энергетической системе работала только ГЭС-1, неся нагрузку всего в 3000 кВт. Электроэнергию получали хлебозавод, госпиталь и Смольный.

Зимой 1942 года немецкий артиллерийский снаряд поджег корпус здания, в котором помещались Центральный диспетчерский пункт энергосистемы и пункт дежурных инженеров распределительных электросетей. Был срочно сооружен временный диспетчерский пункт с элементарным техническим оснащением, в который было переведено управление энергосистемой.

Опорный край державы

Великая Отечественная война затормозила развитие электроэнергетики на значительной части территории Центра, Юга, Северо-Запада. Было полностью разрушено энергетическое хозяйство Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик и ряда западных районов РСФСР.

Промышленность и энергетика перебазировались вглубь страны: эвакуировали все оборудование, которое можно было демонтировать. В тылу шло форсированное строительство промышленных объектов. Принятый Правительством СССР мобилизационный план предусматривал перевод народного

Ленинград (Санкт-Петербург). 1941 год - н. в.

1941–1945 годы

По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в стране было полностью или частично разрушено 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень.

Фашисты сожгли и разрушили свыше 6 млн зданий и лишили крова свыше 25 млн человек, разрушили и нанесли тяжелые потери крупнейшим промышленным и культурным центрам нашей страны.

Было разрушено 31850 промышленных предприятий, где до войны трудилось около 4 млн рабочих, 65 тыс. км железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций.

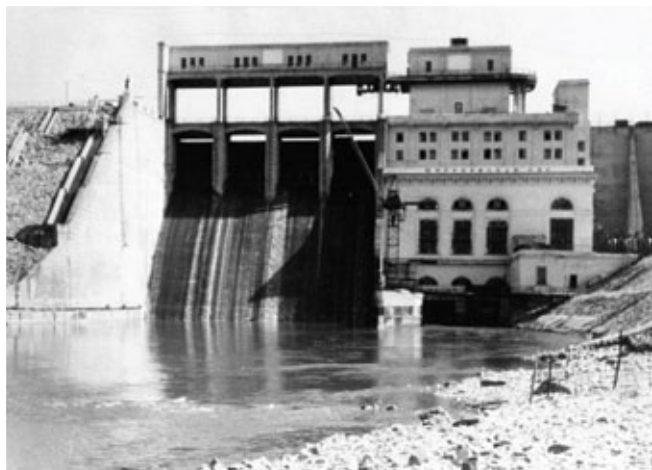
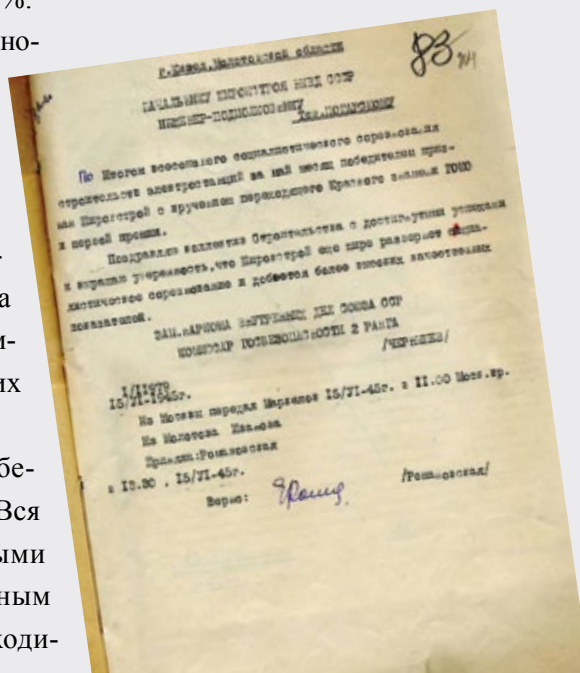
Колоссальный ущерб был причинен сельскому хозяйству. Разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций.

хозяйства на рельсы военной экономики. Энергосистемы Средней Азии и Казахстана, Урала и Сибири, находившиеся на территории тыла, интенсивно развивались, чтобы обеспечить работу эвакуированных заводов и предприятий. В Предуралье и в Сибири в течение 1941–1943 годов были образованы новые энергосистемы: Уфимская (позже «Башкирэнерго»), Омская, Томская, Красноярская, Барнаульская и Оренбургская. Значительно увеличилась мощность созданных в предвоенные годы Кузбасской и Новосибирской энергосистем. В результате удельный вес выработки электроэнергии в общесоюзном балансе за период 1940–1945 годы возрос для Урала с 12,8 до 28,3 %, для Сибири и Дальнего Востока с 6,6 до 14,2 %, для Средней Азии с 2,8 до 6,0 %.

В условиях стремительного роста оборонно-промышленного потенциала Урала на энергетиков легла тяжелейшая задача по обеспечению как минимум таких же темпов увеличения генерирующих мощностей. Был утвержден список ударныхстроек, в который, в частности, вошли электростанции, имевшие оборонное значение. Только за 1942 год были пущены Челябинская ТЭЦ-1, Пермская ТЭЦ-6, Кировская ТЭЦ-3 и целый ряд других энергообъектов.

Урал превращался в арсенал страны, обеспечивающий фронт оружием и боеприпасами. Вся ответственность за выполнение промышленными предприятиями установленных Государственным комитетом обороны планов выработки необходимой фронту продукции была возложена на наркоматы и партийные организации областей. 27 июня 1942 года постановлением Совета народных комиссаров СССР «Уралэнерго» было разделено на три энергосистемы: Свердловскую, Челябинскую и Молотовскую (Пермскую). Этим же постановлением для оперативного руководства вновь образованными энергосистемами было создано первое в Российской Федерации Объединенное диспетчерское управление (ОДУ) Урала.

В военные годы Объединенная энергосистема Урала работала в исключительно напряженных условиях, вызванных резким увеличением нагрузки на электрические сети. В 1944 году мощность электростанций по сравнению с довоенной выросла почти в два раза. За пять лет – с 1940 по 1945 год – выработка электроэнергии увеличилась в 2,5 раза и достигла 12,2 млрд кВт·ч – почти 30 % суммарной выработки по стране! В военное время, в соответствии с программой энергетического строительства, на Урале началось расширение Челябинской, Закамской, Красногорской, Среднеуральской, Кизеловской и других

В 1943 году
началось
строительство
Широковской ГЭС

теплоэлектростанций. Развернулись работы по сооружению Широковской гидроэлектростанции. Быстрый рост мощностей и выра-

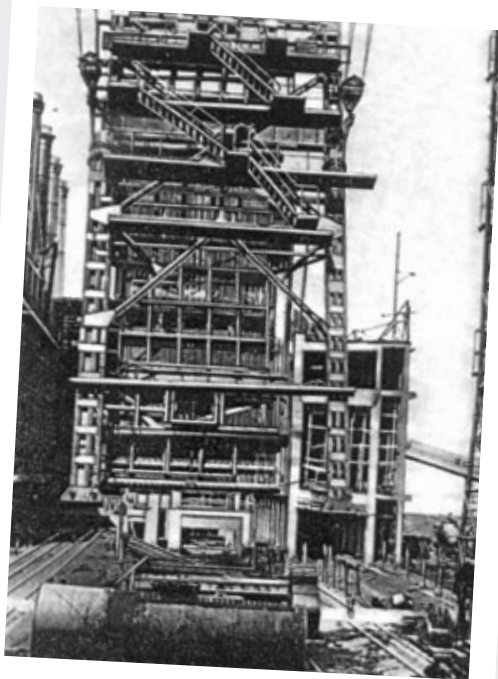
ботки электроэнергии требовали расширения электросетей. С этой целью были построены вторые цепи ЛЭП 110 кВ, на Среднем и Южном Урале созданы три высоковольтных кольца, расширены подстанции энергосистемы. К концу 1945 года протяженность ЛЭП 35–110 кВ достигла 3 687 км. В итоге Уральская энергосистема за период войны превратилась в наиболее мощную энергосистему Советского Союза.

Перед работниками ОДУ Урала стояла нелегкая задача: обеспечить оперативное управление энергосистемами Свердловской, Челябинской, Пермской областей таким образом, чтобы предприятия оборонного комплекса снабжались электроэнергией бесперебойно. Именно здесь началось широкое внедрение устройств линейной и противоаварийной автоматики и методов ремонта линий электропередачи под напряжением.

О том, в каких тяжелых условиях работали уральские энергетики военного времени, свидетельствуют цифры. Вот данные только за 1942 год. Комиссиями расследовано 2 032 случая брака в работе энергосистем (в среднем 5–6 серьезных случаев ежедневно). На электростанциях ОЭС Урала произошло 435 аварий (в среднем каждый день 1–2 аварии с повреждением оборудования или недоотпуском электроэнергии). Кроме того, в течение года энергетики работали на ликвидации 84 электросетевых аварий (в среднем 1–2 аварии в неделю) и 33 межсистемных (из них 27 с нарушением статической устойчивости, 6 с нарушением динамической устойчивости).

В энергосистеме все было напряжено до предела. Приближалась зима 1942–1943 годов, росла потребность в электроэнергии, частота в системе постоянно снижалась ниже 45 Герц. Контролировать положение в энергосистеме было необычайно сложно. Диспетчеры ОДУ Урала прошли суровую школу управления режимом энергосистемы в условиях острого недостатка генерирующих мощностей, приобрели бесценный опыт работы.

Руководство страны понимало и высоко оценивало важность электроэнергетики в военное время, поэтому в целях сохранения кадрового состава коллективов энергообъектов Государственный

Строительство
Челябинской
ТЭЦ-1. 1943 год

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2436 ОТ 23.10.1942 Г.

Государственный комитет обороны устанавливает, что в результате попустительства со стороны наркома т. Жимерина, а также недисциплинированности директоров предприятий, нарушающих установленные лимиты потребления электроэнергии в системе Уралэнерго, создается угрожающее и аварийное положение, заключающееся в том, что частота вместо нормальных 50 периодов систематически снижается до 42–43 периодов.

Считая такое положение нетерпимым, могущим привести к разрушению турбин, генераторов, а также электрооборудования предприятий и тем самым длительным перебоям работы уральской промышленности,

ГКО постановляет:

Утвердить на время с 23 по 31 октября 1942 г. ежесуточный лимит отпуска электроэнергии потребителям 800 тыс. кВт·ч с распределением по наркоматам согласно приложению.

Обязать наркома т. Жимерина при всех условиях обеспечить в системе Уралэнерго частоту 50 периодов. Предупредить зам. Наркома т. Угорца, управляющих Свердловэнерго т. Маринова, Челябинэнерго т. Бондарева, Молотовэнерго т. Солнцева, что за допущение работы системы с пониженной частотой они будут привлечены к уголовной ответственности как дезорганизаторы работы электростанций.

Обязать наркомов гг. Тевосян, Ломако, Зальман, Шахурина, Первухину, Банныкову, Устинова, Вахрушева, Хрулева, Паршина, Окопова, Ефремова, Сосянина и других наркомов 23.10 установить лимиты по предприятиям, а также графики частичного или полного отключения отдельных агрегатов и цехов. Сообщить наркому т. Жимерину и в Совнарком тов. Сабурову. Предупредить директоров промышленных предприятий Урала, что они будут нести уголовную ответственность за превышение лимитов.

Обязать директоров Магнитогорского комбината Носова, завод №183 Максарева, УЗТМ Мазукова, Н. Тагильского Резникова обеспечить установленную нагрузку своих электростанций, а также выдачу в сеть установленного избытка электроэнергии против лимита, установленного для данного предприятия.

Разрешить наркомату электростанций иметь своих дежурных по всем заводам, имеющим заводские центральные подстанции для контролирования за соблюдением установленных лимитов потребления электроэнергии данного предприятия. Предоставить право указанным дежурным наркомата электростанций отключать отдельные фидеры в случае, если этот завод превышает лимиты, утвержденные наркомом соответствующей отрасли промышленности, и не подчиняется распоряжению диспетчера энергосистемы.

Список контролеров утвердить товарищу Жимерину.

Поручить прокурору Союза товарищу Бочкову по представлению Наркомата электростанций немедленно привлекать к судебной ответственности всех виновных в нарушении данного постановления.

26.10.42. Сталин 7.00

Постановление № 2436
от 23 октября 1942 года

Дмитрий Жимерин,
нарком (министр)
электростанций СССР в
1942–1953 годы

комитет обороны сразу после начала войны принял решение о том, что рабочий и инженерно-технический персонал энергетических организаций не подлежал мобилизации, исключалась и возможность добровольного ухода на фронт. И тем не менее среди подавляющего большинства работников отрасли царилостремление попасть на передовую.

Известный советский энергетик Г. Л. Асмолов (в 1941 году он возглавлял Азово-Черноморскую энергосистему) писал в своих воспоминаниях:

«Мы столкнулись с непредвиденным: сотни специалистов высшего класса, без которых электростанции работать нормально не могут, заявили о своем желании добровольно идти на фронт. Они требовали освобождения от брони, а на отказ военных комиссариатов жаловались в обкомы, крайкомы и даже в Москву. С трудом удалось разъяснить людям, что электростанции — предприятия особого типа. Бесперебойная их работа необходима, иначе фронт останется без оружия и боеприпасов».

Уральские энергетики, строители, монтажники, рабочие на заводах трудились поистине героически. Люди преодолевали трудности военного времени, уральского сурового климата, плохого материально-технического снабжения, нехватки питания, одежды и жилья. Предельное напряжение на рабочем посту усугублялось огромными бытовыми трудностями. К декабрю 1941 года в результате эвакуации из центральных и западных районов страны население одного только Челябинска возросло со 150 до 450 тысяч человек, то есть в три раза.

Вклад уральской энергетики в исход Великой Отечественной войны бесценен. Именно она обеспечила уникальный промышленный рывок, потрясший не только наших союзников по антигитлеровской коалиции, но и верхушку Третьего рейха. «Магнитка победила Рур», — так оценил позже Г. Гудериан роль Урала в победе.

Объединенное диспетчерское управление энергосистемами Урала. 1942 год – н. в.

Энергетика возродила страну

«Наше дело правое! Победа будет за нами!» – с этим девизом миллионы советских солдат прошли от Сталинграда до Берлина. Победители вернулись на пепелище, оставленное после себя захватчиками, и возвели здесь новые города. Откуда они, истощенные тяготами четырехлетней войны, брали силы, где черпали волю?..

Энергетики шли следом за нашей армией, которая зубами вырывала у фашистов каждую пядь родной земли. Наладить энергоснабжение отбитых у врага территорий было первоочередной задачей – без этого возрождение промышленности страны было невозможно.

Работы по восстановлению разрушенного энергетического хозяйства начались в конце 1941 года и расширялись по мере освобождения оккупированных территорий. После разгрома врага под Москвой все силы были брошены на восстановление разрушенной энергосистемы столицы и Подмосковья. Уже к концу 1942 года мощность электростанций Мосэнерго составила 84 % от довоенного уровня, а к 1945 году, достигнув 1 135 МВт, вплотную к нему приблизилась. Быстрее других были введены в строй стратегически важные Каширская и Шатурская ГРЭС, которые заработали на полную мощность уже к середине 1943 года.

После снятия блокады и освобождения Ленинградской области началось восстановление энергетического хозяйства Ленэнерго. В первую очередь работы развернулись на Волховской ГЭС, на которую в январе 1942 года были возвращены из эвакуации два агрегата. Все внимание энергетиков было направлено на скорейшее восстановление генерирующих и электросетевых объектов ленинградской энергетики. Электростанции были сильно повреждены, их восстановление шло с большими трудностями: не хватало оборудования, материалов, рабочей силы. Но несмотря ни на что Ленинградская энергосистема быстро восстанавливала свою былую мощь, и к 1950 году ее мощность уже на 16 % превышала довоенную.

В 1943 году фронт восстановительных работ был развернут и на юге Советского Союза. В 1944 году полностью восстановлена и введена в эксплуатацию сильно поврежденная во время ожесточенных боев Сталинградская ГРЭС. Крупнейшие гидрогенерирующие источники Северного Кавказа – Баксанская и Гизельдонская ГЭС – были взорваны фашистами при отступлении и разрушены практически до основания. Работы по возведению станций ве-

лись днем и ночью, и первые агрегаты были поставлены под нагрузку уже во второй половине 1943 года. Одновременно шло восстановление ТЭС Грозного, Майкопа, Кисловодска, других городов Северного Кавказа. В 1943–1944 годах

Восстановление
ГЭС Белый Уголь

**ПРИВЕТСТВИЕ
ТОВАРИЦА И. В. СТАЛИНА
строителям и монтажникам
Баксанской гидроэлектростанции**

Кызбурун

**Баксанская гидроэлектростанция
товарищам Гиндину, Зурабову, Цискрели**

ПОЗДРАВЛЯЮ СТРОИТЕЛЕЙ И МОНТАЖНИКОВ БАКСАНСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ С УСПЕШНЫМ ВОССТАНОВЛЕНИЕМ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ И ПУСКОМ В РАБОТУ ПЕРВОЙ ГИДРОТУРБИНЫ.

СВОЕЙ ОБРАЗЦОВОЙ РАБОТОЙ ВЫ ДОКАЗАЛИ, ЧТО ТРУДНАЯ ЗАДАЧА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ, РАЗРУШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ВАРВАРАМИ, МОЖЕТ БЫТЬ РЕШЕНА В КОРОТКИЕ СРОКИ.

ЖЕЛАЮ ВАМ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В ВАШЕЙ РАБОТЕ.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль

**Председателю
Государственного Комитета Обороны
Товарищу СТАЛИНУ**

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Немецко-фашистские варвары, отступая под мощными ударами Красной Армии с Северного Кавказа, взорвали и разрушили одну из лучших и красивейших гидроэлектростанций Советского Союза — Баксанскую ГЭС. С первых же дней освобождения Кабардино-Балкарской АССР от немецких захватчиков трудящиеся республики, при помощи братских республик — Грузии и Армении, начали восстанавливать станцию. При недостатке рабочей силы, материалов и транспортных средств, используя местные ресурсы и рационализаторскую инициативу передовых рабочих и инженеров, илалетий строителей ударным самоотверженным трудом выполнили постановление Государственного Комитета Оборонь по восстановлению станции, и сегодня мы рады доложить Вам, товарищ Сталин, что из груды развалин и обломков восстановлена в кратчайший срок первая очередь Баксанской ГЭС. 25 декабря 1943 года электроэнергия подана потребителям, промышленность Северного Кавказа получила новую мощность.

Заверю Вас, товарищ Сталин, что мы, строители и монтажники Баксанской ГЭС, вдохновленные Вашим докладом о 20-й годовщине Октября и героическими подвигами Красной Армии, приложим все силы и опыт для выполнения любых заданий Государственного Комитета Оборонь по полному восстановлению Баксанской ГЭС и строительства других гидроэнергетических объектов.

Начальник строительства ГИНДИН.

Главный инженер ЗУРАБОВ.

Секретарь парторганизации ЦИСКРЕЛИ.

Технографы заводного под-фа. Пальчик, Малобазария, 4. Т...

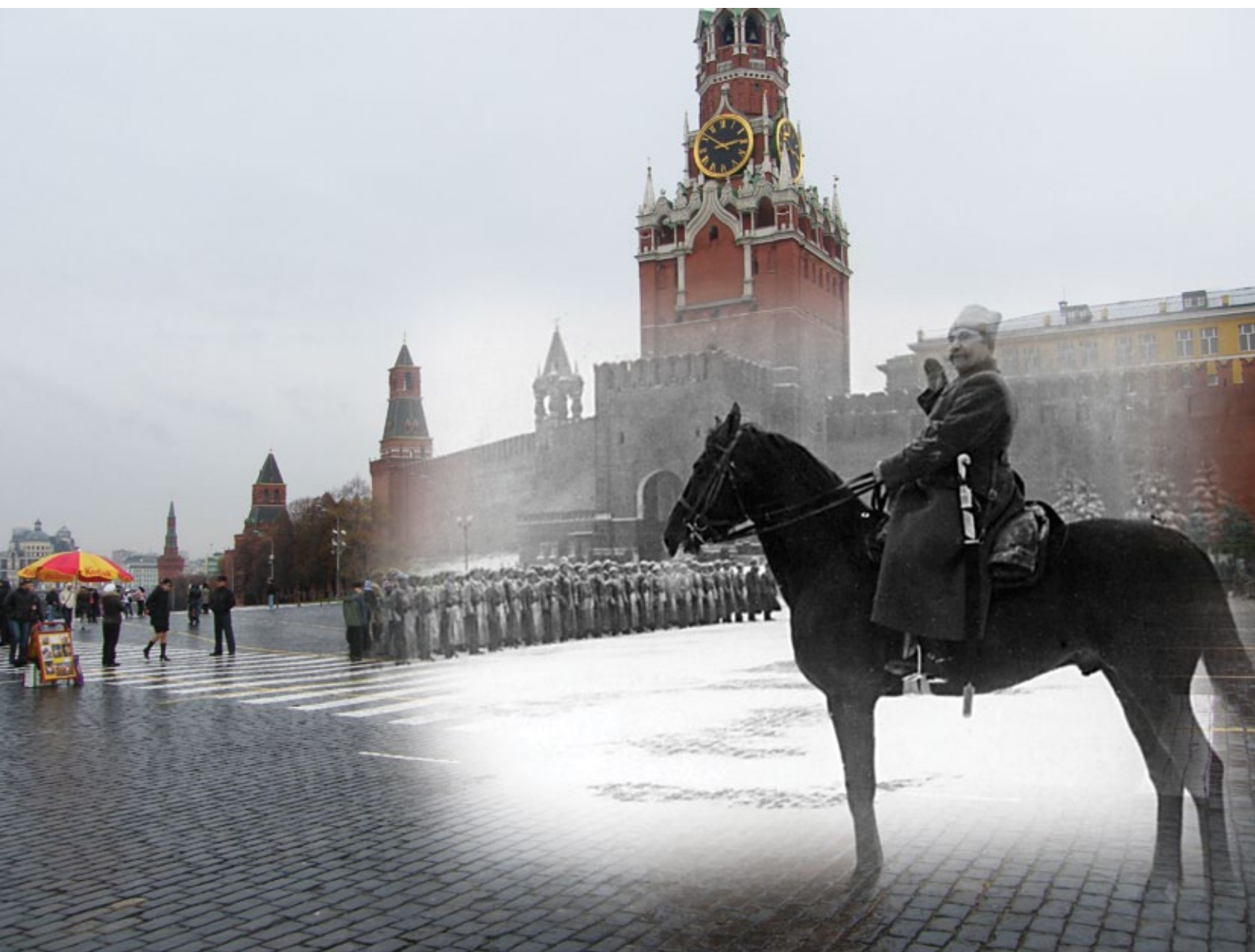
были развернуты работы по восстановлению Ростовской, Донбасской, Харьковской, Киевской, Днепровской, Брянской, Воронежской и других энергосистем. Предметом особого внимания стало возрождение Днепрогэс. В декабре 1944 года Государственный комитет обороны принял специальное постановление о восстановлении станции. За период 1943–1944 годов на электростанциях, располагавшихся на освобожденных территориях, введено в эксплуатацию более 1 млн кВт мощностей. Таким образом, еще до окончания войны страна восстановила 20 % потерянных мощностей. В 1945 году работы по восстановлению велись уже на всей территории СССР.

Большую роль на первом этапе восстановительных работ сыграли энергопоезда, выполнявшие роль мобильных электростанций. В качестве парогенераторов использовались паровозы. Турбоагрегат и конденсатор к турбине монтировались на отдельных железнодорожных платформах, распределительное электрическое устройство с щитом управления и жилые помещения размещались в двух крытых вагонах. Для ввода в действие энергопоезда требовалось от двух до четырех недель —

Восстановление
Днепрогэс.
1944 год

Москва. Красная площадь. 7 ноября 1941 года - н. в.

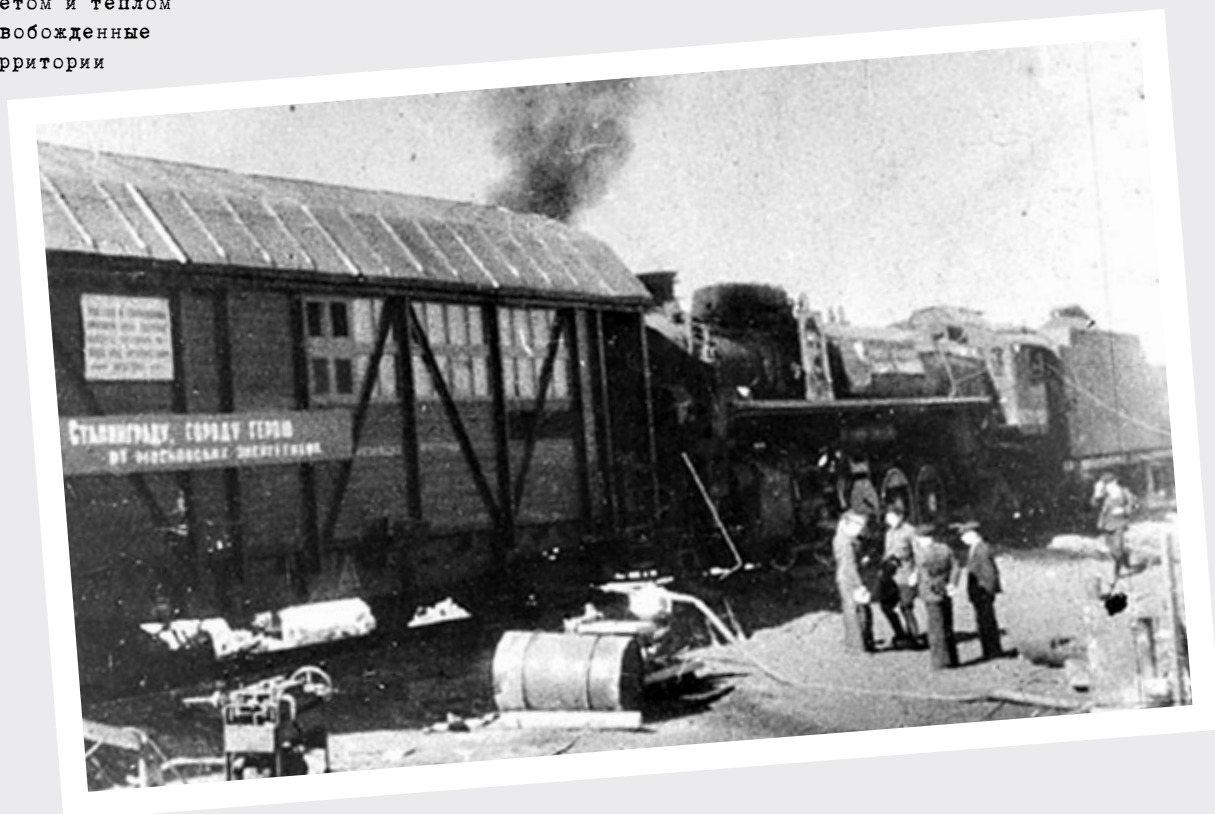
ничтожное время по сравнению со временем на восстановление электростанции. В течение 1943–1944 годов было создано 19 энергопоездов суммарной мощностью 21 тыс. кВт. За это время они выработали 15,5 млн кВт·ч электроэнергии. Энергия поездов шла на освещение, подачу воды в жилые помещения, ее откачку из затопленных шахт, проведение восстановительных работ. После восстановления электростанций энергопоезда передвигались в другие районы.

В 1944 году вновь стало функционировать ОДУ Юга. В 1945 году для оперативного управления сформировавшейся Объединенной энергосистемой Центра было создано ОДУ Центра, осуществлявшее координацию параллельной работы Московской энергосистемы и трех энергосистем Верхней Волги – Горьковской, Ивановской и Ярославской. Одновременно продолжалось строительство электростанций и сетей в восточных районах страны.

События Великой Отечественной войны изменили до неузнаваемости не только контуры, но и саму суть энергетического хозяйства СССР. Новые энергосистемы, созданные в районах Томска, Омска, Караганды, Барнаула, расширили базу для электрификации всего региона. Продолжали развиваться ОЭС Центра и Урала. Завершилось формирование ОЭС Юга, объединившей четыре энергосистемы – Донбасскую, Днепровскую, Ростовскую и Волгоградскую. Электростанции этих ОЭС вырабатывали около половины всей электроэнергии, производимой в стране. Однако ОЭС Центра, Урала и Юга работали изолированно друг от друга. На повестке дня стояла задача создания Единой энергосистемы Европейской части страны.

Трудовой подвиг советских энергетиков всегда будет стоять в ряду самых значимых свершений нашего народа. Благодаря ему страна не только выстояла в тяжелейшей за всю историю человечества войне, но и в рекордные сроки поднялась из руин.

Передвижные
электростанции
(энергопоезда)
обеспечивали
светом и теплом
освобожденные
территории

ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

Новороссийск. Малая земля. 1943 год - н. в.

**Георгий
Степанович
КОНЮШКОВ**

1912—1986

ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК ОДУ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Как Конюшков Баксанскую ГЭС взрывал...

В результате стремительного продвижения немецких войск к Кавказскому хребту в 1942 году не было ни времени, ни средств, чтобы демонтировать и эвакуировать основное оборудование Баксанской ГЭС и Кисловодской ТЭЦ. По указанию Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) руководство Баксанского энергокомбината провело совещание инженеров-энергетиков с участием саперов Красной армии, на котором был намечен план вывода из строя БГЭС с таким расчетом, чтобы немцы не смогли воспользоваться энергией электростанции, и вместе с тем ее можно было сравнительно легко и быстро восстановить по уходу фашистов. В том, что немцы на Кавказе долго не задержатся, сомнений ни у кого не было.

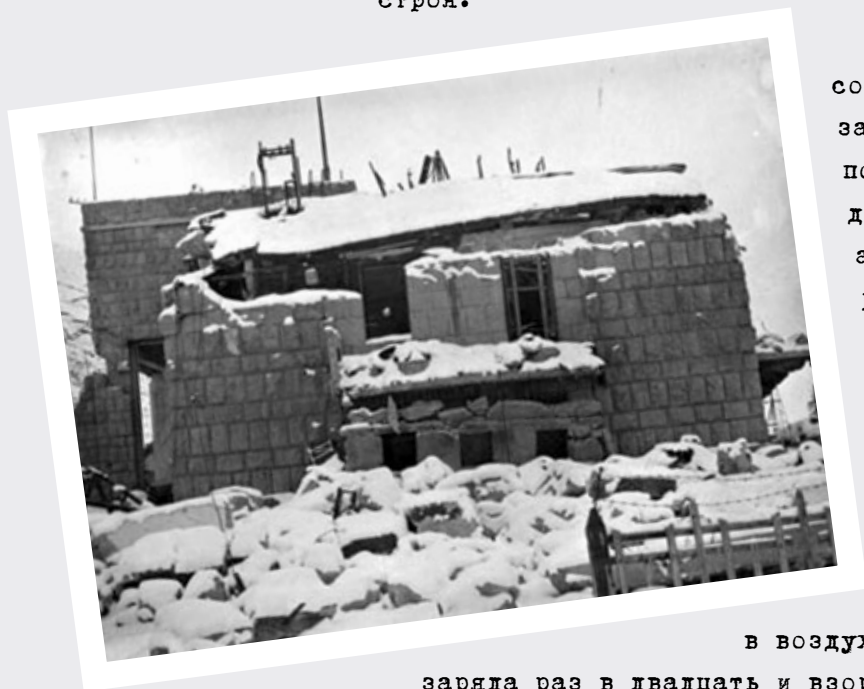
Но как всегда, особенно в военной неразберихе, при беспорядочном отступлении наших воинских частей, саперы «забыли» про намеченный взрыв Баксанской ГЭС. Вот как вспоминает об этих днях Георгий Степанович Конюшков, работавший начальником технического отдела этой станции:

Окончил Московский энергетический институт в 1941 году и Энергетическую академию Министерства электростанций СССР в 1956.

Трудовую деятельность в электроэнергетике начал до войны электромонтером в электрических сетях Донбассэнерго, затем работал начальником подстанции, диспетчером, начальником службы релейной защиты Шахтинских электрических сетей Ростовэнерго.

В 1941—1942 годах — начальник техотдела, начальник центральной службы релейной защиты, автоматики и измерений Баксанской ГЭС. С 1943 по 1947 год — заместитель управляющего Баксанского энергокомбината по восстановлению Баксанской ГЭС и Кисловодской ТЭЦ. После войны работал главным инженером строительства и эксплуатации Свистухинской ГЭС, главным инженером электрических сетей и главным диспетчером Ярославльэнерго. В 1958 году назначен начальником созданной на Северном Кавказе Оперативно-диспетчерской службы, на базе которой в 1964 году основано ОДУ Северного Кавказа. В настоящее время это — Филиал ОАО «СО ЕЭС» «Объединенное диспетчерское управление энергосистемами Юга».

«Взрывчаткой мы располагали. Имели и команду-распоряжение о взрыве БаксанГЭС. Осуществить это должен был сапер, которого нам обещали прислать. Но сапер все не появлялся. Немцы уже приближались к городу Прохладный. Ждать дальше было нельзя. Я обложился литературой по направленному взрыву и стал рассчитывать количество взрывчатки, необходимое для осуществления вывода ГЭС из строя.

Такой предстала разрушенная гитлеровцами Баксанская ГЭС перед освободившими Северный Кавказ в 1943 году советскими войсками. Отступая, гитлеровцы взорвали на ней все, что было возможно

Окончив расчеты, мы собирались уже закладывать заряд в плотину, как появился обещанный и долгожданный сапер Красной армии. Я показал ему свои расчеты. Он рассмеялся и сказал, что такого количества взрывчатки хватит не только для небольшого отверстия в центре плотины, но и для того чтобы вся плотина вместе с нами взлетела

в воздух. Он уменьшил количество заряда раз в двадцать и взорвал плотину направленным взрывом. Размер разрушения точно соответствовал тому, что мы хотели получить. Кроме того, были осуществлены микровзрывы на верхних и нижних частях напорных трубопроводов».

Из статьи «Энергетика Северного Кавказа: вклад в Победу», опубликованной на сайте ОАО РАО «ЕЭС России» в 2005 году

После взрыва станции Георгий Степанович был направлен в Пермь на отладку подстанции, предназначенной для электропитания военного завода. В Перми Конюшкова поселили вместе с будущим чемпионом мира по шахматам Михаилом Ботвинником, который был направлен для работы на тот же объект. Георгий Степанович хорошо играл в шахматы и, уже работая руководителем ОДУ Северного Кавказа, хвастался коллегам, что иногда выигрывал у самого Ботвинника.

...и как он ее восстанавливал

Как и ожидалось, немцы недолго пробыли на Северном Кавказе. После поражения под Сталинградом началось паническое бегство фашистов

с Северного Кавказа. Они опасались попасть в очередной «мешок», если бы наши части перерезали им путь отступления через Ростов.

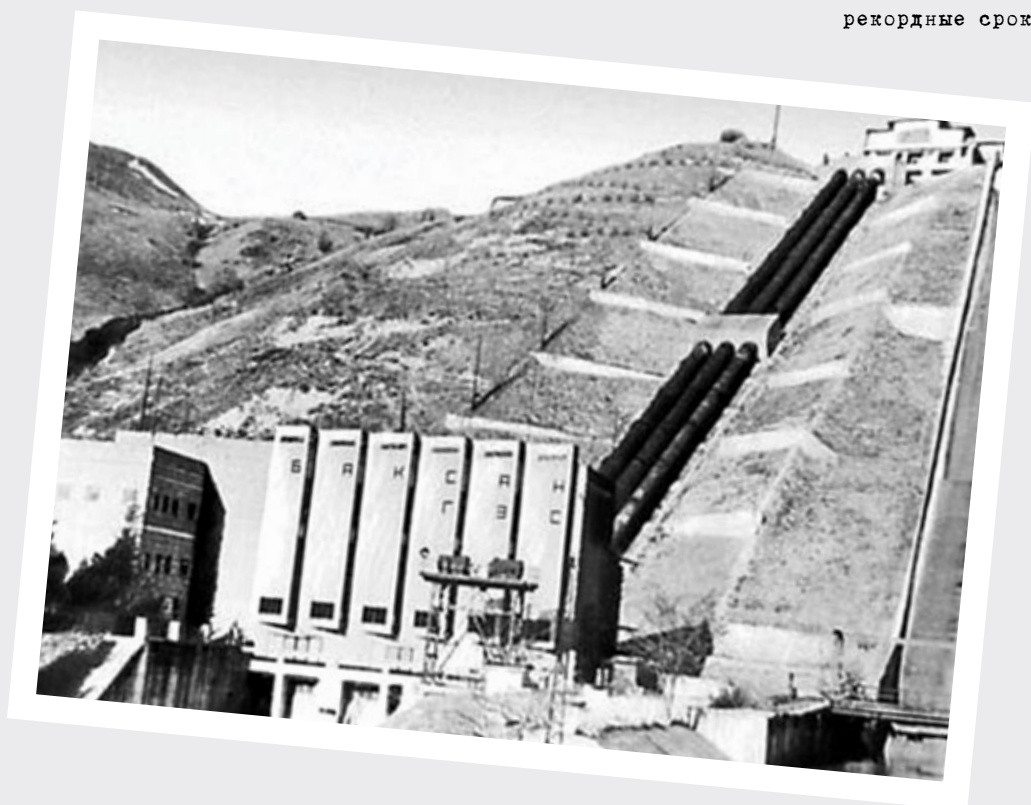
При своем отступлении они с немецкой педантичностью уничтожали все, что могло бы содействовать укреплению промышленности и военного потенциала СССР. Баксанская ГЭС пострадала очень сильно – фашисты взорвали каркас здания БГЭС, все три агрегата, щит управления, ЗРУ, холостой водосброс, все оборудование открытой подстанции 110 кВ.

В феврале 1943 года начались восстановительные работы. Главный инженер Баксанского энергокомбината Лазарев вел технический надзор за осуществлением проекта восстановления ГЭС. Первый агрегат был получен из Армении с действующей Зора ГЭС. Щит управления и щит собственных нужд прислали из Челябинска. Напорные трубопроводы были восстановлены Московским трестом «Стальконструкция». Первый агрегат был включен в работу 25 декабря 1943 года. Второй и третий – в 1944 году.

В конце апреля 1944 года от БаксанГЭС было подано напряжение на подстанции Нальчик, Машук и Тырныаузский комбинат.

В восстановлении БГЭС активное участие принимали персонал и руководство БЭК, в том числе и Георгий Степанович Конюшков – будущий начальник ОДУ Северного Кавказа. По иронии судьбы Конюшкову пришлось и взрывать БГЭС, и восстанавливать ее. В приказе по БЭК-у № 87-у от 20 октября 1947 года о нем сказано следующее: «В 1943–1944 годах тов. Конюшков с проектной группой в короткие сроки выполнили проект электрической части Баксанской ГЭС и Кисловодской ТЭЦ, что дало возможность ускорить монтаж и ввод в эксплуатацию отдельных агрегатов и объектов. Возглавляя восстановление системы в качестве заместителя управляющего, тов. Конюшков показал себя как квалифицированный инженер и хороший организатор строителей и монтажников».

Баксанская
ГЭС была
восстановлена в
рекордные сроки

«Человек огромного роста и огромной души...»

Для организации параллельной работы энергосистем и осуществления диспетчерского управления Объединенной энергосистемой Северного Кавказа приказом министра электростанций СССР А. С. Павленко от 7 декабря 1957 года № 77 была организована Объединенная диспетчерская служба (ОДС) энергосистемами Северного Кавказа. Местоположением Объединенной диспетчерской службы Северного Кавказа был определен г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР. Первым начальником ОДС и ее организатором,

создавшим Службу буквально «на пустом месте», был Георгий Степанович Конюшков, назначенный на эту должность приказом министра № 66 от 13 августа 1958 года. Работа первых северокавказских диспетчеров была сложной. Даже с выходом на проектную мощность БГЭС и Кисловодской ТЭЦ район Кавминвод и Кабардино-Балкария испытывали жесточайший дефицит электроэнергии, но работа диспетчеров затруднялась не только поэтому, но еще и из-за плохой телефонной связи с оперативным персоналом объектов диспетчеризации.

Под непосредственным руководством Георгия Степановича происходили организация и становление Объединенной энергосистемы Северного Кавказа – были включены на параллельную работу все энергосистемы объединения, была организована параллельная

работа ОЭС с Украиной, Центром России и республиками Закавказья, началось интенсивное оснащение ОЭС средствами связи, телемеханики и противоаварийной автоматики.

Основным вопросом в 1958–1963 годах, которому постоянно уделял внимание Г. С. Конюшков, был вопрос о кадрах. Готовых специалистов не было. Их надо было подбирать и растить – либо приглашать работников из состава энергосистем, что обострило бы отношения с руководством энергосистемы, либо брать со стороны и готовить необходимых специалистов на месте.

Г. С. Конюшков,
начальник —
главный
диспетчер
ОДУ Северного
Кавказа
за диспетчерским
пультом. 1966 год

Сталинград (Волгоград). Советские танки Т-34 у вокзала. 1943 год - н. в.

ОДС росла не только количественно, но и качественно. Дело в том, что контингент работников ОДС состоял тогда в основном из молодых людей, окончивших институт всего год-два назад. Это были выпускники Северо-Кавказского горно-металлургического института (СКГМИ). Шла, так сказать, «обкатка» молодых инженеров, так как специальность «Электроснабжение промпредприятий», по которой готовил СКГМИ, не слишком подходила для нужд ОДС. Раз в неделю, а то и чаще проводились теоретические занятия, семинары по устойчивости энергосистем, токам короткого замыкания, электрическим машинам, релейной защите и другим актуальным проблемам, затрагивающим сложные вопросы работы энергосистемы.

Для всех молодых специалистов эти семинары воистину были энергетической академией. Занятия проводились на высоком профессиональном уровне талантливыми инженерами и педагогами Георгием Степановичем Конюшковым и Виктором Алексеевичем Клепневым. На эти лекции не надо было загонять людей, они сами с нетерпением ожидали их. Молодежь рвалась к знаниям. В то время руководство ОДС могло позволить себе такую роскошь, как педагогические эксперименты с молодыми инженерами.

Вот что рассказывал в своей статье, опубликованной в книге «ОДУ Юга. Дорога длиною в полвека», главный диспетчер ОДУ Виктор Алексеевич Клепнев:

ОДС Северного Кавказа возглавлял Георгий Степанович Конюшков. Мне довелось с ним работать с апреля 1961 года и до выхода его на пенсию в 1972 году. Учился он блестяще, в 1941 году с красным дипломом окончил МЭИ, кроме того, в 1956 году окончил энергетическую академию. Был женат. Детей он не имел и все свое свободное время отдавал работе.

Когда он по приказу министра электростанций СССР появился в Орджоникидзе, это был уже опытный инженер, имевший разностороннюю подготовку. Так что выбор министра не был случайностью.

Конюшкову предстояло немало сделать для воплощения идеи организации Объединенной энергосистемы Северного Кавказа и включения ее в состав Единой энергосистемы Европейской части СССР, впоследствии – ЕЭС СССР. Как никто другой, он обладал колоссальным багажом знаний, интуицией, умением работать с людьми, пробудить в них интерес к осуществлению этой грандиозной задачи. Я это чувствовал на себе: мне, как и всем моим коллегам, нужно было перестраиваться на другие масштабы.

С ним было работать одновременно и легко и сложно. Он обладал великолепной памятью. К примеру, знал наизусть все электрические и тепловые схемы подстанций и электростанций, вплоть до разъединителей и паровых задвижек, помнил, где, какие, с какими уставками расположены устройства РЗ и ПА, хранил в памяти таблицу десятичных логарифмов.

Коллеги вспоминают первого начальника ОДС самыми теплыми словами. Это был высокообразованный, высококультурный и в высшей степени эрудированный человек. Двухметровый красавец с веселым и жизнерадостным характером, тонким юмором и доброжелательностью – эти качества вместе с высоким профессионализмом и большим жизненным опытом привлекали к нему молодежь. Он не старался показать, какой он знающий и опытный инженер, не принижал достоинства молодых специалистов, а разговаривал с ними как с равными. Во время подготовки к экзаменам по Правилам технической эксплуатации и технике безопасности у Георгия Степановича была одна слабость – задавать заковыристые теоретические или практические вопросы, и, если собеседник не мог вразумительно ответить, то он подробнейшим образом, детально разжевывал проблему до такой степени, что слушавшему его становилось абсолютно все ясно. Готовившиеся к экзаменам знали эту «слабость» и частенько пользовались ею.

У него был замечательный дар – доверять людям, и они ему платили тем же и старались не подводить его. Наказывал он в случае промаха в работе также оригинально. Он вызывал провинившегося и спрашивал: «Ну скажи, пожалуйста, сколько процентов полагается с тебя?» Чувствуя вину, работник называл цифру. Конюшков чаще всего соглашался с наказанием, определенным самим провинившимся, или иногда смягчал его.

Одним словом, Георгий Степанович был не просто начальником, но и наставником. И все старые сотрудники ОДУ считают себя его воспитанниками, говоря: «Нам повезло, что пришлось работать с Георгием Степановичем – человеком не только огромного роста, но и огромной души, честности и благородства».

На диспетчерском
пункте ОДУ
Северного Кавказа.

1966 год.

Б. Я. Абаев,
В. А. Клепнев,
Е. А. Аникина,
Г. С. Конюшков,
Н. Н. Скоритовский,
М. В. Андреев,
Г. Т. Борисов,
М. И. Мкртычев

Тула. Советские бойцы в окопе на перекрестке ул. Коммунаров (современный пр. Ленина) и Советской улицы. 1941 год - н. в.

**Клара
Владимировна
ИВАНОВА**

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

До войны мы жили в Белоруссии близ Бобруйска. Мама – домохозяйка, отец – бухгалтер на торфяном заводе. В семье трое детей – два брата и я. Когда я училась в девятом классе, отца перевели главным бухгалтером в белорусское Полесье. А меня оставили в Бобруйске в семье подруги, чтобы я смогла доучиться и получить аттестат в своей школе.

На выпускном вечере 19 июня 1941 года мне вручили аттестат с отличием, с которым я могла поступить в любой вуз Советского Союза без экзаменов. Правда, действовала эта льгота только в течение двух лет.

В Полесье к родителям я приехала ночью с 21 на 22 июня, братья меня встретили, так как папа был в командировке. А утром уже была война. Отца своего я больше никогда не видела. Прямо из той командировки, как рассказал нам потом его знакомый, папа отправился на фронт. Просил передать, что обязательно нам напишет, но этого не случилось. Все наши попытки что-либо узнать о нем после войны не дали результата. Ответ – пропал без вести.

Мы вместе с другими сотрудниками завода жили в бараке. Он стоял на краю болота, которое со всех сторон окружали сосновые леса. Ближайшим населенным пунктом, приблизительно в полутора километрах, была деревня Малые Овсяюки.

Ветеран войны и труда.

С 1 июня по декабрь 1943 — боец партизанского отряда 2-й Калининградской бригады им. Фрунзе (Белоруссия). С марта до 1 июня находилась в составе партизанского отряда численностью 27 человек. Награждена одиннадцатью правительственными наградами, в том числе орденом Победы II степени, медалями «Партизану Отечественной войны II степени», «За победу над Германией», другими и юбилейными медалями. В системе Татэнерго работала с 1950 по 1985 год, в том числе на протяжении 11 лет в должности заместителя главного инженера Татэнерго.

С началом войны торфяной завод прекратил работать и люди стали разъезжаться по своим деревням, а нам ехать было некуда, да и не на что. Мама – неграмотная крестьянка, умница, умела шить и обшивала всю семью. Она, как только узнала о том, что началась война, смастерила патронташ с ячейками и заложила туда документы. Так она сумела сохранить документы всей семьи, в том числе и мой аттестат.

Клара с братьями
Робертом и Львом

В августе 1941 года на заводе появились наши танкисты. Но советские войска отступали, и вскоре они покинули эту территорию. А через неделю пришли немцы.

Мама от них прятала меня под печкой. Но оккупанты тут пробыли всего несколько дней и тоже ушли с завода. Так во всем здании мы остались одни. В конце ноября приехал незнакомый юноша, который узнал о нашей семье летом, когда приезжал навестить родственников. Он сказал, что оставаться здесь опасно и предложил переехать к его тете. Она жила в деревне Боруски. Мы переехали, провели у этой женщины зиму. Потом, по предложению старосты деревни, мы вселились в пустующий дом.

У нас была корова – шведской породы, которую мамина сестра Юзефа, передовая колхозница, получила в качестве подарка во время участия в Выставке достижений народного хозяйства, а потом подарила ее нам. Коровка эта в то время стала главной кормилицей всей нашей

большой семьи. В конце июля пришли полицаи, собрали весь скот в табун, чтобы отогнать его в другую деревню и передать немецкой армии. Помню, я как раз была на улице, корова наша паслась рядом. Полицаи приказали гнать ее в стадо. Я шла последней, и когда мы проходили через лес, я свернула вместе с коровой в сторону. Но меня заметил полицай, догнал и заставил вернуться обратно. Я вернулась. На дороге стояли еще два полицая. Они застрелили корову и хотели расстрелять меня. К счастью, один из них по моему внешнему виду понял, что я не деревенская, и решил выяснить у старосты, кто я такая.

Привели старосту. Тот объяснил, что я приезжая, из очень бедной семьи и никакой опасности не представляю, и попросил отпустить меня. Так я была спасена от расстрела.

Знакомство с партизанами

Вскоре после этого случая я впервые услышала слово «партизаны». Мы ведь жили на оккупированной территории, не получали никакой информации извне и не знали, что происходит вокруг. Но когда белорусские партизаны

стали взрывать железные дороги, немцы выставили посты, а неохраняемые участки должны были караулить жители деревень, находящихся поблизости. И если рельсы взрывали, то всю деревню оккупанты сжигали. В конце октября 1942 года на другом конце нашей большой деревни слышалась стрельба, занялись пожары. Вместе с остальными сельчанами мы побежали в лес, где переночевали, а утром двинулись в деревню Большие Овсюки. Мы поселились в бедной семье, где в избе не было даже кроватей, только полати. Жить не на что, и мама была вынуждена просить подаяние.

Мама меня не выпускала днем из дому, очень боялась, что со мной что-нибудь случится. Но несколько раз вечером я была на молодежных посиделках и там слышала разговоры о партизанах. Оказалось, что в восьми километрах от Овсюков есть деревня Ужинец, где ни полицаев, ни немцев нет, там партизаны. В нашей же деревне часто проводились облавы, молодежь отправляли в Германию на работу. Остаться здесь было опасно, и я решила отправиться в Ужинец. Мне казалось, что там я сразу встречу партизан и упрошу командира забрать в лес мою семью.

Затемно я вышла из деревни, чтобы меня никто не видел. Благополучно добралась до Ужинца, устроилась на ночлег. Утром увидела, что вся деревня заполнена партизанами – выяснилось, что они совершали марш-бросок. Я сумела попасть к их командиру, попросилась в партизанский отряд и получила согласие. Но принять туда мою маму и братьев категорически отказались. Я плакала, очень просила за своих родных, и командир приказал позвать товарища Панина, который руководил небольшим отрядом. Решили, что он сейчас заберет только меня, а потом уже и мою семью из деревни. Так в марте 1943 года я ушла в лес вместе с отрядом, в котором было всего 27 человек.

Я все время просила за своих близких, но ни оружия в достаточном количестве, ни продовольствия не было, и взять дополнительно людей в отряд было практически невозможно. Только в конце мая командир выделил двух бойцов с оружием, и мы отправились в деревню за мамой и братьями. Шли долго, целую неделю. Когда я нашла маму, она уже жила в другом доме и с ней был только старший брат Роберт. Младший – Лева – попал в облаву. Но ему чудом удалось спастись. Во время отправки в Германию, в момент остановки на границе, он с другом сбежал из эшелона и остался в Польше. Мальчишки, которых подкармливали и указывали дорогу поляки, прошли всю страну, перешли границу Украины и попали в партизанский отряд имени Андреева. Все это мы узнали только после войны, когда нашли своего Леву.

Когда я с родственниками пришла в свой отряд, нас ждали большие перемены. Из 1-й Калинковичской бригады пришла группа партизан и командный состав, которые в этой области Полесья должны были собрать все мелкие партизанские отряды во 2-ю Калинковичскую партизанскую бригаду. Стали формировать взводы. Роберта взяли в разведку, в группу из четырех человек – командир и три бойца. Маму определили на кухню. Дошла очередь до меня, но я сказала, что можете меня расстрелять, но в хозвзвод я не пойду. Мне говорят: даже ребятам не хватает оружия, как мы тебя возьмем в боевой взвод? Но я стояла на своем: на кухню не пойду! Меня определили в охрану, там оружие выдавалось только, когда заступали на дежурство. Мой пост был на въезде в лагерь, два часа стоишь

с винтовкой и внимательно смотришь вокруг, чтобы в случае чего поднять тревогу. Напарник отдыхает сидя, а третий человек пару часов может спать. И так мы менялись, сутки охраняем, сутки отдыхаем.

Как я потеряла свою винтовочку

В боевых операциях партизан я тоже участвовала. Наша разведка выявляла места, где можно проводить подрывы немецкой техники. Была сформирована группа из пяти человек, в которую попала и я. Накануне пришли к железной дороге, выбрали место подрыва. Заложили мину, закопали веревку, с помощью которой заряд приводился в действие, подрывник замаскировал поверхность. Распределили места, которые все должны занять в момент подрыва, стали ждать пока пройдет контрольная дрезина. После того, как прошла дрезина, мы заняли свои места. Меня поставили в зарослях у путей, чтобы я дала отмашку подрывнику – сигнал, что можно взрывать. Состав поравнялся с миной, отмашка, подрывник дергает веревку, но... взрыва нет. Дожидаемся темноты, наш подрывник выкапывает мину и что-то в ней исправляет. Опять все повторяется: мы заняли позиции, поезд пошел. Я даю отмашку, и на этот раз раздается взрыв. Паровоз складывается домиком, вагоны наползают друг на друга, страшный грохот. Мы кинулись в лес. Через пару минут выскакивают немцы и пулемет строчит в нашу сторону. За лесополосой начиналась прямая, открытая местность и надо было как можно скорее ее пересечь. Мы бежали, что было сил, ребята помогали мне. С трудом пробрались через ельник, промокли насквозь. Но главное – живы!

Бывали и радостные события в моих партизанских буднях. Однажды прибегаю встречать брата из разведки и вдруг вижу, тащат ребята три немецкие винтовки и полную сумку с патронами. А у Роберта был кавалерийский карабин: такая маленькая винтовочка, с магазином на пять патронов. Я упростила командира отряда разрешить мне взять эту винтовку, и меня, как имеющую оружие, перевели в боевой взвод. Как же я любила и берегла свою винтовочку! Каждую свободную минуту чистила ее, протирала и никогда не выпускала из рук.

Однажды нас с братом взяли для участия в большой операции в составе группы из 25 человек. По реке Припять каждый день проходил пароход, на нем немцы что-то важное перевозили. Задача была потопить его. Пришли к реке, и нас цепью в полтора метра друг от друга положили вдоль берега. Три часа лежим, никакой команды нет, парохода не видать, и я решила не терять зря времени и почистить свою винтовочку. Навернула тряпку на шомпол и загнала его в дуло. И вдруг раздалась команда: внимание, огонь! Про все забыв, выстрелила, и мою винтовку буквально разорвало на части. Я чудом осталась жива, но готова была умереть от стыда. Задание выполнено, пароход подорван, никто из партизан не ранен, но моя винтовочка безвозвратно погибла! Отправились обратно. Я все время держалась особняком, было жалко утраченное оружие. Пришли в отряд, я пошла к маме поплакаться. А на следующий день на дереве появился плакат, где был нарисован пароход, на корме стояла бочка, из нее торчал немец вверх ногами, а в районе пятой точки у него торчал шомпол, на нем тряпка

и надпись: «Клара стрельнула, немцы решили, что мы подвели тяжелую артиллерию и тут же скапутились».

В нашем отряде было более 200 человек, из них всего девять женщин. Вскоре к нам в бригаду стали летать самолеты У-2, в лесу сделали посадочную полосу, которая отмечалась небольшими кострами, привозили лекарства, оружие. Приближался фронт – наши наступали, и поступило распоряжение всех не держащих оружие отправить в тыл. Моя мама уехала, а я еще некоторое время участвовала в боевых действиях. Роберт ушел добровольцем в армию, которая уже начала теснить врага, и дошел до Берлина.

Начало мирной жизни

Нам с мамой выделили крошечную квартирку в городке Мозырь. Война шла к концу, и я решила поступить в институт. Особенно выбирать не приходилось, главным для меня было наличие общежития. Первым на мои письма откликнулся Московский энергетический институт. Я решила, что туда и поеду. А одежды нет никакой. Как быть? Но выход нашелся. В центре гуманитарной помощи мне выдали кирзовые сапоги, подбитые белыми деревянными гвоздями, поношенное демисезонное пальто и два летних платья. И поехала я в Москву. Но тут новое препятствие: мой «золотой аттестат» уже не давал права поступить без экзаменов, прошло больше двух лет после окончания школы, льгота не действовала, и нужно было поступать на общих основаниях. В общежитии мне выделили комнату, дали учебники, и я начала готовиться к экзаменам. Было очень трудно: за три года войны я не держала в руках ни одной книжки, кроме медицинского справочника. Но я очень хотела учиться. Читаю страницу, и она у меня запечатлевается, все вспоминаю. И я поступила!

Вскоре мы отыскивали Леву, он после побега из плена тоже воевал в партизанском отряде. Потом тяжело заболела наша мама, и мне пришлось забрать ее к себе в Москву. Почти погода, пока я заканчивала учебу, мама жила у меня в общежитии на «нелегальном» положении.

Начальник
группы защиты
и изоляции
Уруссинского
электрокомбината

Служение энергетике

В 1950 году я окончила институт – и началось мое служение энергетике. По распределению уехала работать в Уруссинский район Татарской АССР, в ГСК «Туймазаэлектроток», который в 1951 году был преобразован в Уруссинский электрокомбинат.

У меня в трудовой книжке вы не найдете должностей инженера, старшего инженера и так далее, у меня сразу стоит запись начальник. Первая должность – начальник группы защиты и изоляции. В январе 1951 года меня перевели руководителем лаборатории электрического цеха Уруссинской ГРЭС. Уже в 1955 году получила новое назначение: начальник ЦСРЗАИ Уруссуэнерго, позже в течение нескольких лет возглавляла Центральную службу релейной защиты и автоматики Татэнерго. Много сил и внимания в то время я уделяла подготовке кадров, и считаю, мне удалось создать в Татэнерго высокопрофессиональный коллектив релейщиков.

Клара
Владимировна
стала первой в
Советском Союзе
женщиной –
заместителем
главного
инженера
энергосистемы

В 1970 году я стала первой в Советском Союзе женщиной-энергетиком, назначенной на должность заместителя главного инженера энергосистемы. Нужно учесть, что в те годы Татэнерго являлось одной из крупнейших энергосистем в стране. Этой работе я отдавала много сил и все свои профессиональные знания. В круг моих обязанностей, в частности, входили подготовка перспективных проектов развития энергосистемы, участие в государственной приемке в эксплуатацию новых электростанций, подстанций, линий электропередачи, в повышении квалификации инженерно-технического персонала и развитии системы конкурсных соревнований рабочих бригад. В то же время я на протяжении нескольких

лет возглавляла Государственную экзаменационную комиссию на электроэнергетическом факультете Казанского филиала МЭИ.

За время моей работы в энергосистеме были построены и введены в эксплуатацию Заинская ГРЭС, Нижнекамские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, Набережночелнинская ТЭЦ, Казанская ТЭЦ-3, расширены Казанские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, Нижнекамская ГЭС, построены подстанции и линии электропередачи напряжением 220 и 500 кВ. Это было время создания энергосистемы Татарстана и включения ее в Единую энергосистему страны.

В течение одиннадцати лет я работала заместителем главного инженера, после чего несколько лет, перед выходом на заслуженный отдых в 1985 году, посвятила работе в Службе перспективного развития Татэнерго.

У меня есть награды. Но самая знаковая – это медаль «Партизану Великой Отечественной войны». Не всех удостоили такой высокой награды, а я бережно храню эту медаль. Мне дорог орден Отечественной войны, звание «Заслуженный энергетик РСФСР», медаль «Ветеран труда».

С моим большим юбилеем в прошлом году меня поздравил президент России. Годы так быстро летят. Наступила моя 91-я весна. Моя юность, опаленная войной, дала закалку, научила ценить мирное небо, яркое солнце, саму жизнь. А о деле, которому я верно служила 36 лет, можно сказать только самые добрые слова. Ведь мы, энергетики, несем людям тепло и свет!

**Алексей
Алексеевич
УСАЧЕВ**

ПАРТИЗАНСКИЙ СВЯЗНОЙ

Я родился 21 сентября 1936 года в Бобруйске в семье военного. В 1939 году началась освободительная война, так ее тогда называли. Наша часть участвовала в освобождении западной Беларуси, а затем двинулась на восточную Польшу.

В Польше часть была расквартирована в городе Бельск – это рядом с белорусской границей. Отца в 1940 году перебросили на Финскую войну, в ходе которой он погиб. Мама ездила на похороны в Лодейное Поле – город в Ленинградской области, где отца похоронили с соблюдением всех воинских почестей.

После возвращения мамы мы ждали, что нас переведут в Сталинград. Я ходил в детский сад в Бельске. И вот в одно утро мама разбудила меня очень рано и сказала, что началась война. К тому времени я в свои пять лет уже не раз сталкивался с войной, поэтому все понял, встал и начал помогать маме собираться. В спешке упаковали все, что успели, и сели в кузов грузовика, подъехавшего за семьями военнослужащих.

От Бельска мы отъехали, наверное, километров на 50, когда над нами бреющим полетом пронесся немецкий самолет. Водитель крикнул: «Будут бомбить! Выпрыгивайте и прячьтесь в канаву! Я поставлю машину в лесу». Высадив пассажиров, он успел проехать несколько десятков метров. Прямым попаданием машина была уничтожена. Водитель погиб.

Когда в 1939 году началась Вторая мировая война, Алексею Алексеевичу было всего три года. Он как сын офицера Красной армии вместе с воинской частью переехал из белорусского города Бобруйск в восточную Польшу. С началом Великой Отечественной войны ему с мамой пришлось скрываться от фашистских войск в отдаленных польских деревнях, где они присоединились к партизанскому отряду. Несмотря на свой юный возраст, Алексей Алексеевич вносил посильный вклад в разгром Германии.

После войны он избрал путь строителя и поступил в Уральский политехнический институт. При его непосредственном участии было построено здание ОДУ Урала. За многолетний труд был награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР» и целым рядом отраслевых наград.

Минск. Площадь Ленина (Независимости). 1945 год - н. в.

Мы двинулись на Минск пешком. Когда добрались до города, у нас на минском вокзале стали спрашивать документы, которые остались в Бельске. Поняв, что без документов мы мало куда сможем уехать, мама приняла решение возвращаться обратно в Бельск.

Однако вернувшись в Польшу, мы поняли, что совершили ошибку. Соседка, увидев маму, с криком: «Советская курва!» побежала сдавать нас оккупационным властям. Я, несмотря на маленький возраст, хорошо знал город, поэтому взял маму за руку и повел ее по задворкам и своим путям, пока не вывел из Бельска. За городом местности я уже не знал.

Мы с мамой дошли до первой попавшейся деревни. Спасло то, что крестьянам в селе всегда нужны дополнительные рабочие руки. Мы помогали им, а они нас кормили и пускали переночевать. Когда появлялись немцы, мы перебирались в следующую деревню. Так постепенно мы дошли до деревни Зубово, а когда немец зашел и туда, мы перебрались на одноименный хутор.

Там, к нашему счастью, мы встретили польского милиционера, которого я знал еще по Бельску, где он охранял одно из административных зданий. У нас с ним даже была игра – я дразнил его, а он начинал в шутку за мной гоняться. Когда после смерти отца мама сильно заболела, он несколько раз помогал нам по хозяйству. На хуторе жили его родители и брат. После того, когда немцы вошли в Бельск, полицейские приняли бой, но силы были слишком не равны, и ему, как представителю прошлой власти, пришлось тикать. Так мы и поселились на хуторе Зубово. А этот милиционер – Иван Вышковский – стал мне как отец.

Мне уже тогда – в пять лет – пришлось стать довольно самостоятельным: я сам ходил в магазин, что-то готовил из еды, подметал пол. Вот только помойное ведро выносить сил не хватало.

Постепенно, маленькими группками, на хуторе начали появляться оставшие советские и польские военные, а также бойцы сопротивления. Жили они в лесу, но заходили на хутор попросить молока, картошки или хлеба. Когда появлялись немцы, они уходили в лес. Туда немец соваться боялся. В лесу были обустроены землянки, окопы, хранилось оружие. Я, как разведчик, ходил смотреть, есть ли немец на хуторе или нет. Если было безопасно – подавал специальный знак партизанскому отряду.

Зимой, когда продуктов стало мало, наша семья перебралась обратно в Бельск. Отчим устроился на железную дорогу грузчиком. Мы с мамой жили в городе под его фамилией. Он знал, какие и когда составы идут через железнодорожный узел, и часто отправлял меня или маму до связной точки. Там я передавал записку или устную информацию в отряд.

В 1944 году, когда немец, чувствуя свое грядущее поражение, начал готовить, нам пришлось снова перебраться на хутор. Там уже никто из партизан не прятался. Немецкой армии было не до маленьких крестьянских хуторков.

Однажды отряд услышал работу артиллерии рядом с нашим расположением. Меня и моего польского сверстника – восьмилетнего мальчишку – отправили поискать корову с хутора, а заодно посмотреть, что там за пушки. Мы спокойно шли через гороховое поле, ели горох и беседовали, когда внезапно кто-то сбил нас с ног и прижал к земле. Слышим по-русски вопрос: «Кто такие?» Друг

мой ответил по-польски, что ничего не понимает. А я буквально по манерам, по разговору и даже по запаху понял, что это советские военные. Единственное, что вводило в заблуждение – это погоны. У отца их не было. Тут я указал на погон и спросил по-русски: «Что это?» «Это погоны. С 43-го уже у нас погоны», – ответил боец. Это оказались советские разведчики. Мы рассказали им, что на хуторе стоят партизаны и отвели их в расположение.

Несколько дней наши военные братались с партизанами. Потом все построились, и партизаны вместе с Красной армией отправились на запад. Ушел и мой отчим. А мы с мамой поехали в уже освобожденный Бельск.

Через некоторое время отчима демобилизовали. Он был коммунистом, такие кадры нужны были для восстановления польской государственности. Ему предлагали высокие посты в руководстве новой польской республики, но мама наотрез отказалась от жизни в Польше. Так мы втроем переехали в Минск, где мама хотела поселиться у своей сестры. Но когда доехали до места, увидели только руины, оставшиеся после бомбежки, и табличку, на которой были перечислены погибшие жители дома. Среди них была упомянута и моя тетя.

В итоге поселились мы в Барановичах. Там я окончил среднюю школу. Неожиданно нам пришло письмо из Свердловска. Писала моя тетя, которую мы считали погибшей. Оказалось, за несколько часов до бомбежки, разрушившей дом, ее вместе с двумя сыновьями успели эвакуировать. Так они оказались на Урале, где и «пустили корни». После этого письма я твердо решил, что после школы и службы в армии поеду их навестить.

В Свердловск я приехал после трех лет службы на Тихоокеанском флоте. Город понравился. И когда двоюродные братья повели меня первый раз в Уральский политехнический институт (УПИ) на какой-то их торжественный вечер, я понял, что это настоящий храм науки. Очень меня привлек этот институт, и я решил поступать. Выбирал из двух направлений – радиофак, поскольку на флоте я получил специальность «воздушный стрелок-радист», или стройфак, поскольку со строительной специальностью всегда смогу построить себе жилье. Когда пришел в кадровую службу УПИ, мне предложили работу в лаборатории строительного факультета, поэтому в итоге склонился к нему.

После учебы случайно встретил своего друга-строителя, он сказал, что увольняется с подстанции «Южная» и ему нужен человек, который мог бы его заменить. Так я попал в энергетику. Проработал в Западных электрических сетях Свердловэнерго семь лет. Построил дом для сотрудников этого предприятия и сам получил в нем квартиру.

В 1973 году кто-то предложил мою кандидатуру начальнику ОДУ Урала Якову Григорьевичу Макушкину. Ему нужен был человек, готовый взяться за строительство диспетчерского центра. Он встретился со мной, переговорил, при мне позвонил директору Западных электросетей и сказал, что забирает Усачева.

Строить пришлось буквально с нуля. Все было в новинку – материалы, техническое оснащение здания, применяемые технологии. Это действительно очень сложный объект с огромным подземным хозяйством, собственным теплоснабжением, насосной, трансформаторной, специальным подвалом. В случае бомбежки ОДУ Урала должно было продолжить свою работу.

Минск. Площадь Ленина (Независимости). Т-34 с бойцами на броне. 1944 год - н. в.

Новое здание и диспетчерский пункт
ОДУ Урала. 1977 год

На должности начальника Службы
эксплуатации зданий и сооружений
ОДУ Урала

Очень много приходилось ездить практически по всему Союзу и договариваться с производителями материалов в Прибалтике, на Украине, в Казахстане. Впервые столкнулся с фальшполом, фальшпотолком, звуко-изоляцией, теплоизоляцией, алюминиевой плиткой.

Много приходилось общаться с разными подрядчиками. При этом моя должность была всего лишь старший инженер. А мне надо было напрямую контактировать с управляющими строительных трестов. Порой приходилось пробиваться через секретарей в приемных. Но с руководством трестов мы всегда говорили на равных, они понимали значимость моего объекта.

Когда закончилось строительство, со всеми подрядчиками расстались на очень хорошей ноте. Я построил еще несколько зданий для Объединенного диспетчерского управления, включая жилой дом для сотрудников. До 2001 года руководил службой эксплуатации зданий в ОДУ Урала.

Мне очень повезло, что я попал в это предприятие. Там мне довелось работать с действительно большими людьми. Это чувствуется, когда человек легко говорит, легко находит общий язык, легко принимает решения и добивается поставленных целей. Уже сменилось несколько поколений руководителей и диспетчеров, но та закваска, которая была в ОДУ еще в 70-е годы, — она есть до сих пор.

**Зоя
Васильевна
ПЕТРОВА**

ЗОЯ — СТРОГИЙ КОМАНДИР

Когда я училась в школе, мне очень нравились точные науки, особенно физика. Глядя на мои успехи в этой области, учитель физики посоветовал мне поступать в Свердловский энергетический техникум. После 7-го класса, когда мне было 14 лет, я поступила в это учебное заведение. В техникуме учились в основном одни парни. На нашем курсе было всего три девушки, включая меня. После школы, где «на десять девчонок по статистике девять ребят», такое соотношение было необычным.

По окончании техникума в мае 1942 года меня по распределению направили в город Молотов, где я была назначена на должность старшего инженера третьего района высоковольтных сетей районного энергетического управления (РЭУ) «Молотовэнерго». В то время это управление только создавалось. Из-за эвакуации большого количества заводов и предприятий резко возросла нагрузка на энергосистему Урала, изменилась структура управления энергетическим хозяйством. В связи с этим Советом народных комиссаров СССР было принято решение о разделении Уральской энергосистемы на Молотовскую, Свердловскую и Челябинскую с образованием энергетических управлений Молотовэнерго, Свердловэнерго и Челябэнерго. Для оперативного руководства энергосистемами этим же постановлением было создано первое в Российской Федерации Объединенное диспетчерское управление – ОДУ Урала.

В 1942 году окончила Свердловский энергетический техникум. В 18 лет по распределению приехала в Пермь (в то время город Молотов). В годы войны была старшим инженером района высоковольтных сетей РЭУ «Молотовэнерго», которое обеспечивало электроснабжение города и большого количества заводов и предприятий, эвакуированных на Урал из западных районов страны. С 1953 года работала помощником диспетчера и диспетчером Центральной диспетчерской службы РЭУ «Молотовэнерго» (с 1962 года РЭУ «Пермэнерго»). В 1978 году ушла на заслуженный отдых. В трудовой книжке Зои Васильевны десять благодарностей за многолетний и добросовестный труд. В разные годы она трижды была занесена на Доску почета РЭУ «Пермэнерго». Награждена несколькими Почетными грамотами и знаком «Победитель социалистического соревнования 1974 года». Удостоена почетного звания «Ветеран труда».

Диплом
об окончании
Свердловского
энергетического
техникума.
1942 год

де дежурного инженера выполнялись беспрекословно.

Во время одного из таких дежурств я по телефону познакомилась со своим будущим мужем – Юрием Васильевичем Петровым. В тот день он был дежурным инженером ТЭЦ авиамоторного завода № 19 (ныне Пермская ТЭЦ-6). Во время нашего дежурства возникла угроза крупной аварии в энергосистеме из-за значительного снижения частоты. Угрозу мы ликвидировали совместными усилиями за счет выделения ТЭЦ на изолированную работу и снижения энергопотребления авиапредприятия.

Когда после Победы Юрий Васильевич решился пригласить меня в кино и мы познакомились поближе, он признался, что во время этого непростого дежурства ему очень хотелось узнать, кто этот строгий командир на другом конце телефонной линии, который требует быстрого и неукоснительного выполнения своих команд.

Свадьбу сыграли в победном сорок пятом. Из-за беременности и родов на несколько лет оставила работу. Вернулась в Молотовэнерго в 1953 году на должность помощника диспетчера Центральной диспетчерской службы, а через семь лет меня назначили диспетчером ЦДС. Юрий Васильевич много лет был заместителем управляющего электрическими сетями Пермэнерго.

Жили мы дружно, вырастили двух сыновей. Старший сын стал доктором наук, профессором. Сейчас он ректор Пермского государственного технического университета.

Зоя Васильевна
и Юрий Васильевич
Петровы
в молодости

Часто приходилось заступать на дежурство в качестве дежурного инженера, на которого в те годы возлагались диспетчерские обязанности. Дежурный инженер контролировал соблюдение электростанциями заданных графиков нагрузки, давал команды на изменение нагрузок электростанций в нормальных и аварийных режимах, руководил ликвидацией аварий в энергосистеме.

Во время Великой Отечественной войны после эвакуации промышленности на Урал Молотовская энергосистема работала в напряженных условиях. Генерирующей мощности не хватало, резко увеличилась нагрузка на электрические сети. В таких условиях удерживать заданное значение частоты было непростым делом. Чтобы избежать аварий в энергосистеме с повреждением оборудования электростанций и заводов, во время дежурства нередко приходилось давать команды на снижение потребления. Все коман-

**Виталий
Константинович
БЛИНОВСКИХ**

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ УЧИТЕЛЬ

Я родился в 1930 году в деревне Уфимка Нижнесергинского района Свердловской области. Это около 130 километров от Екатеринбурга (тогда Свердловска). Я был четвертым сыном в семье.

День начала войны помню достаточно хорошо. Было обычное воскресенье на летних каникулах. Отец с матерью сидели во дворе на скамейке нашего дома и беседовали с зашедшим соседом, а я лежал рядом на лужайке. Смотрим, подходит соседка и говорит, что по радио только что объявили о начале войны.

Буквально на следующий день за моим старшим братом приехали военные. Он сел в кузов машины, собиравшей по деревням мобилизованных парней, меня посадил рядом, и я с ним проехался до соседней деревни. Там мы с ним простились. Он меня высадил, и я пошел домой пешком. Больше я его не видел, на фронте он пропал без вести. Двое других братьев позже тоже ушли на фронт и оба погибли.

В годы войны жить было туго, но мы справлялись. Отец был мастеровитым человеком — чинил косы, замки, жатки, косилки. Возле нашего дома была даже маленькая кузница, в которой мы с отцом ремонтировали сельхозтехнику.

Великая Отечественная война началась, когда Виталию Константиновичу Блиновских было всего 11 лет. Когда ему исполнилось 14, он из-за огромного дефицита преподавательских кадров в годы войны был назначен учителем начальных классов в сельской средней школе деревни Уфимка Нижнесергинского района Свердловской области. Преподаванию в школе он посвятил десять лет жизни, после чего в возрасте 26 лет поступил в Уральский политехнический институт на специальность «Электрические станции, сети и системы». С 1961 по 1977 годы работал в нескольких энергетических проектных институтах Урала. С 1977 по 2001 годы возглавлял Службу перспективного развития ОДУ Урала. При его непосредственном участии разрабатывались схемы развития Объединенной энергосистемы Урала и региональных энергосистем. Виталий Константинович награжден медалью «Ветеран труда». Ему присвоены почетные звания «Почетный энергетик» и «Ветеран энергетики».

В деревню, несмотря на то, что она была достаточно далеко от крупных городов, было эвакуировано несколько семей из районов, попавших под немецкую оккупацию. Среди них оказались и учителя моей школы. Директор школы Сергей Юрьевич Высоцкий был учителем истории из Курска, его супруга – учителем географии и биологии, математику у нас вела преподаватель из киевского института, русский язык и литературу – учитель из Львова. Они дали нам достаточно высокий уровень знаний для сельской школы.

В 1944 году я окончил Уфимковскую неполную среднюю школу и собирался продолжить учебу в восьмом классе в школе в соседнем селе. В тот год эвакуированные из западных районов СССР учителя уже начали возвращаться в свои родные города, поэтому учителей в нашей деревенской школе стало не хватать. Мне предложили поработать учителем начальных классов, и я согласился. В том же году я поступил заочно в Свердловское педагогическое училище имени М. Горького.

Зимы у нас в деревне были холодными, а школа отапливалась одной только печью-голландкой. Я приходил в школу в шубе и валенках, надевал тяжелые ватные брюки и так вел уроки.

Учителя и ученики Уфимской неполной средней школы. Виталий Константинович во втором ряду справа. 1945 год

В общей сложности в школе проработал 10 лет. Первые два года вел начальные классы, а потом математику для 5–7-х классов. Самым сложным было то, что мне, четырнадцатилетнему, приходилось обучать, помимо учеников начальных классов, ребят 15–17 лет, эвакуированных из районов боевых действий. Но ученики ко мне относились уважительно, несмотря на мой возраст. Когда пришло известие о Победе, мы очень радовались: деревню буквально охватило ликование – люди выходили на улицу, разговаривали, смеялись, пели. Еще

до войны один из братьев научил меня играть на баяне. Он мечтал создать трио баянистов со мной и другим нашим братом. Я, кстати, до сих пор могу играть по нотам. Через несколько дней после Победы я по собственной инициативе устроил небольшой концерт – играл на баяне в сельском клубе для жителей Уфимки. Хотелось подарить праздник моим односельчанам.

В 1954 году я переехал в Свердловск, где жила моя сестра. Через два года окончил вечернюю среднюю школу с серебряной медалью. Параллельно преподавал математику в другой свердловской школе рабочей молодежи. После школы выбирал, продолжить работать учителем и поступить в педагогический институт на учителя математики и физики или пойти в технический вуз. Выбрал второе и поступил в Уральский политехнический институт специальность «Электрические станции, сети и системы».

После окончания института меня по распределению направили на должность инженера в проектный институт УралТЭП (Уральское отделение ВГПИ «Теплоэлектропроект»). Этот институт проектировал практически все крупные тепловые электростанции на Урале. Меня взяли в сектор перспективного развития. Это во многом совпадало с темой диплома, который я писал по проблемам передачи электроэнергии на дальние расстояния. Сектор перспективного развития занимался разработкой схем развития региональных энергосистем и отдельных энергоузлов Урала, а также схемами внешнего электроснабжения крупных промышленных предприятий.

В 1962 году в Екатеринбурге было создано Уральское отделение проектного института «Энергосетьпроект» (Урал-энергосетьпроект), куда я перевелся в отдел проектирования развития энергосистем. Этот институт занимался проектированием схемы развития ОЭС Урала, схем отдельных энергосистем на пятилетку. Практически все существующие сегодня в ОЭС Урала сети 500 кВ были предусмотрены этими схемами развития, разработанными Урал-энергосетьпроектом. Одним из первых проектов, за который мне пришлось взяться, была линия электропередачи 500 кВ Тюмень – Сургут. Сейчас все привыкли к калькуляторам, компьютерам, а тогда и токи короткого замыкания, и расстановку реакторов, и другие необходимые параметры линии я рассчитывал с помощью обычной логарифмической линейки.

Однако самая интересная часть моей трудовой биографии пришлось на работу в ОДУ Урала. В 1977 году меня туда пригласил Федор Яковлевич Морозов, с которым мы были знакомы еще по Уральскому политехническому институту. На тот момент он был главным диспетчером ОДУ Урала, а впоследствии стал начальником ЦДУ ЕЭС СССР.

Через ОДУ согласовывалась практически вся проектная и рабочая документация, разработанная УралТЭПом и Уралэнергосетьпроектом. По всем объектам мы давали заключения, участвовали в совещаниях по рассмотрению документации. При необходимости пересогласовывали проектные решения уже

Виталий
Константинович
до сих пор
играет на баяне

в ходе реализации. Для этого даже приходилось выезжать на объект, рассматривать, почему принятое проектное решение не подходит и каким решением его предлагается заменить. В целом был очень высокий темп работы, потому что энергетика в 1980-е годы развивалась стремительно. К примеру, как-то к нам в ОДУ Урала через Главуралэнерго обратился замминистра энергетики СССР Вениамин Алексеевич Лукин. По его просьбе мы должны были на полтора страницах сформировать перечень основных объектов, необходимых для развития ОЭС Урала. Он должен был выступить с докладом по этому вопросу в отделе тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС. В ходе подготовки этой пояснительной записки мы встречались с Вениамином Алексеевичем восемь раз. Я прилетал в Москву, и мы обсуждали перечень объектов и формулировки в пояснении. Возвращался в Екатеринбург, где дорабатывал документ и через неделю снова летел в столицу. И так эта процедура повторялась на протяжении двух месяцев.

За время работы в ОДУ Урала я принимал участие в согласовании практически всех проектов, реализующихся до настоящего времени. Я искренне благодарен судьбе, что мне посчастливилось принять непосредственное участие в формировании современного облика электроэнергетики Урала.

Служба
перспективного
развития
ОДУ Урала.
1997 год

**Маргарита
Ивановна
МЫЛЬНИКОВА**

ЮНЫЙ ГЕОЛОГ

Я родилась в 1930 году в Свердловске. Наша семья жила в большом частном доме в центре города. Я была самым поздним ребенком в семье. Младший из братьев старше меня на 16 лет. Когда началась война, двое старших братьев уже жили со своими семьями, а младший – вместе с нами.

День начала войны я помню хорошо. Это были летние каникулы, воскресенье. Мы с подругой поехали на озеро и очень хорошо провели там время. Когда вернулись в город, узнали о начале войны.

К счастью, в нашей семье на войне никто не погиб. Двое моих братьев сразу же ушли на фронт. Старший вернулся уже после окончания войны, а средний в 1943 году получил сильное ранение и был демобилизован по состоянию здоровья. Младший был участником Финской войны, где он попал в окружение, простудился и сильно заболел. После возвращения в Свердловск ему диагностировали туберкулез, поэтому в Великой Отечественной войне он уже не участвовал. Отцу на момент начала войны было больше 60 лет, поэтому он тоже не воевал.

Самым тяжелым стал первый год войны, особенно зима 1941–1942 годов. Люди были не готовы к войне. В городе начался голод. Ели лепешки из картофельной кожуры, выкапывали и сушили корни одуванчиков – измельчив, мы заваривали их вместо кофе. Хотя у нас был частный дом,

Начала свой трудовой путь во время войны. В 12 лет помогала геологоразведочной партии искать нефть в Башкирии. Закончив в 1953 году Уральский политехнический институт по специальности «Электрические станции, сети и системы», Маргарита Мыльникова пришла в Службу режимов ОДУ Урала. На протяжении 16 лет возглавляла Службу тепловых и гидроэнергетических режимов ОДУ Урала. Маргарите Ивановне присвоено почетное звание «Ветеран труда», она награждена Почетной грамотой Министерства энергетики и электрификации СССР и рядом других отраслевых наград.

но до войны мы никогда не сажали ни картошку, ни морковку. Весной 1942 года мы посадили огород, поэтому следующая зима прошла гораздо легче. В тот год жители засадили овощами буквально каждую городскую клумбу.

К нам в город эвакуировали людей из западных регионов страны. У нас жила девочка из Днепропетровска, студентка горного института. Очень скоро ее забрали в армию. Она была зенитчицей, воевала под Москвой. Через некоторое время пришло известие, что она погибла. Потом к нам поселили женщину – врача-педиатра, кандидата медицинских наук из Москвы. Она прожила у нас до 1943 года и вернулась домой.

Маргарита
Ивановна
в молодости

На Урал эвакуировалось множество производственных предприятий. Заводы начинали работать сразу же, даже когда цеха еще не были построены.

Город как мог помогал фронту. Были организованы уличные комитеты помощи фронту. В школе работал госпиталь. Поскольку прачечных в городе было мало, а поток раненых постоянно прибывал, комитет, в котором состояла моя мама, помогал в стирке белья. Мама стирала простыни, штопала их и гладила. Даже я, несмотря на малый возраст, была задействована: ходила полоскать белье на речку. Помогали чинить телогрейки, шили для фронта. У меня была малица – традиционная северная шубка с капюшоном, которую отец привез из экспедиции. Когда она мне стала мала, мы пошили из нее варежки и отправили на фронт. Старались, как могли. Все хотели, чтобы фашист наконец был побежден.

Отец во время войны работал в геологоразведочной экспедиции от Ленинградского института нефти. Они искали нефть в Свердловской области на границе с Башкирией. С 1942 года я летом ездила в экспедицию вместе с ним. Первый год работала реченицей – помощником топографа, который держит рейку, пока тот снимает показания. Для меня это была очень тяжелая работа. В 12 лет девочке очень трудно устоять целый день на одном месте, держа рейку, пока топограф снимает план местности. Хочется побегать, попрыгать, поиграть.

Второй год, когда я снова работала в геологоразведочной партии, был гораздо интересней. В партии были геологи-разведчики, искавшие нефть, и палеонтологи, которые занимались своей работой. Партия стояла в деревне Абдулино в Башкирии. У меня было несколько обязанностей. Во-первых, с утра я, вместе с одним дедушкой, должна была наловить рыбы для всей геологической партии. Потом мы с ним отправлялись плести лапти. У него это очень хорошо получалось – он умел плести лапти, не пропускающие воду. Я тоже плела, но такого качества, как у него, мне добиться не удалось. Когда надо было помочь, я ходила в маршрут с палеонтологами, поскольку была маленькой и могла залезть в те места, куда не могли взрослые. Однажды даже нашла две раковины, до сих пор помню, как они называются – фузулина и фораминифера. Палеонтологи были очень довольны и выдали мне премию – корзинку с красной смородиной.

Ленинград (Санкт-Петербург). Исаакиевская площадь. Урожай капусты. 1942 год - н. в.

Женщины ОДУ Урала
в день 8 марта.
Маргарита
Ивановна слева
в первом ряду.
Начало 1950-х
годов

Третье лето я работала уже в конторе этой экспедиции. Помогала чертить, раскрашивать и подписывать карты. Красиво писать шрифтом я так и не научилась, но чертила хорошо. Впоследствии мне это очень пригодилось.

Объявление о Победе тоже хорошо помню. Я спала под «тарелкой» радио-

репродуктора. И где-то часов в пять утра радио неожиданно включилось, и диктор сообщил о подписании Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Все выбежали из дома на улицу, кричали, радовались. Праздновали весь день.

После школы я поступила в Уральский политехнический институт на специальность «Электрические станции, сети и системы». Получив образование, была направлена в Службу режимов ОДУ Урала. В

М. И. Мильникова,
В. П. Ложкина,
Г. П. Жукова.
1970-е годы

то время ОДУ Урала входило в структуру Главуралэнерго. Восемь лет я проработала в этой организации, до тех пор, пока она не была реформирована. В 1960 году на базе технического отдела Главуралэнерго было

сформировано несколько служб ОДУ Урала, в том числе и Служба тепловых и гидроэнергетических режимов. Поскольку я занималась гидроэлектростанциями, то перешла в эту новую службу. В задачи службы входило экономичное распределение нагрузок между электростанциями энергообъединения. В этой службе я проработала 18 лет. Прошла путь от старшего инженера до начальника службы.

В ОДУ Урала был очень хороший коллектив, и оно всегда числилось среди передовиков во всей системе оперативно-диспетчерского управления. Начальник ОДУ Яков Григорьевич Макушкин очень хорошо видел перспективу. К примеру, у нас одних из первых появились электронные вычислительные машины. На время моей работы пришлось много интересных проектов. К примеру, программный комплекс по прогнозированию наполнения и сработки водохранилищ Камской и Воткинской ГЭС. Мы сотрудничали с Всесоюзным научно-исследовательским институтом энергетики. В итоге получилось прекрасное программное обеспечение. Нарботки, полученные тогда, до сих пор используются в ОДУ Урала.

Но главное достижение, которым я горжусь – это экономичное распределение нагрузок между электростанциями. Раньше экономили не деньги, а топливо. Каждый год утверждался план мероприятий по снижению удельных расходов топлива на электростанциях, велась модернизация оборудования, ну и, конечно, важную роль в этом играло распределение нагрузок. Нашей службе удавалось так распределять нагрузки между электростанциями, что на Урале был один из самых низких удельных расходов топлива в СССР.

Отчасти наша хорошая работа была нам не на руку. Ежегодно за снижение удельных расходов топлива всем ОДУ выдавалась премия. Поскольку мы были среди передовиков, и снижать эти расходы нам было практически некуда, мы получали самую маленькую премию в стране. Но удовлетворение от того, что мы были первыми, все равно было.

Думая о тех, кто прошел войну, не важно, на фронте он был или в тылу, я вспоминаю один спектакль. В нем молодой человек сказал отцу-фронтовику замечательную фразу: «Вы когда выиграли войну, так обрадовались, что так и живете всю жизнь, радуясь». Мы – поколение оптимистов...

Коллектив Службы
оптимизации
тепловых и
гидроэнергетических
режимов ОДУ Урала.
1975 год

Ленинград (Санкт-Петербург). Девушки-регулировщицы на Театральной площади. 1944 год - н. в.

**Виктор
Алексеевич
КЛЕПНЕВ**

1918–2008

ЛЕТАЮЩИЕ ТОРПЕДЫ КАПИТАНА КЛЕПНЕВА

Судьба Виктора Алексеевича Клепнева сложилась так же, как и у многих его ровесников. В их юность властно вмешалась война.

В июне 1941 года он получил диплом инженера-электрика, а уже 10 июля молодой специалист был призван Московским военкоматом и отправлен на краткосрочные курсы лейтенантов, а затем на фронт. Военная специальность – сапер. Воевал на Воронежском, Ленинградском, 1-м Украинском. Именно про него и его товарищей предельно точно сказано: «Пол-Европы прошагали, полземли...»

Кроме минного дела, которое входило в обязанности саперов, талантливый инженер Клепнев с коллегами сумел придумать и создать по существу новую разновидность оружия – «летающие торпеды». Торпеды позволяли вести бои в условиях, когда нужны буквально точечные удары по объектам противника. Война близилась к концу, и тем упорнее становилось сопротивление фашистов. Дрались за каждую улицу, за каждый дом. Пехота несла огромные потери. Особенно трудно было штурмовать здания, которые стояли на отшибе. И тут пригодилась инженерная смекалка саперной артиллерии. А придумали, как бить врага его же оружием, несколько военных инженеров-саперов, в числе которых был и капитан Виктор Клепнев. Вначале они просто закапывали в определенном

Родился 22 января 1918 года. В 1941 году окончил Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства по специальности инженер-электрик. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации из армии с 1947 по 1984 год работал в энергетике, в том числе 23 года – в ОДУ Северного Кавказа. Воспоминаниями о боевых подвигах Виктора Алексеевича и его работе в мирное время поделился его коллега Юрий Яковлевич Коржев, заместитель руководителя Представительства Дагестанского филиала ОАО «РусГидро», один из первых диспетчеров ОДС Северного Кавказа, с 1975 по 1993 г. – заместитель начальника ОДУ Юга.

порядке в неглубокие траншеи трофейные снаряды, затем замыкали электрическую цепь, и в результате – взрыв. Но эффект от него был небольшим. Виктор Клепнев предложил усовершенствовать торпеду и превратить ее в летающую. Потребовалось много труда, расчетов, испытаний – и все это прямо во время боев. Изобретение было очень простым в исполнении. Саперы монтировали летающие торпеды, помещая снаряд и запал в центр большой трубы, а в пространство между ее стенками заливался тол. К трубе прикрепляли деревянные стабилизаторы, оставалось только замкнуть электрическую цепь. Эффект поразительный. Торпеда уничтожала на своем пути буквально все: пробивала толстые стены, разрушала многоэтажные дома.

Из фронтовой газеты «На разгром врага»:

«Из всех видов оружия, которое стреляет по врагу это, пожалуй, самое простое. Его изготавливают тут же на поле боя, в нескольких кварталах от улицы, где идет бой. Самое мощное орудие саперов — летающая торпеда».

Вот всего лишь один эпизод военных будней капитана Клепнева. Его рота получила задание разрушить отдельно стоящее пятиэтажное здание. Засев в доме, гарнизон фашистов сдерживал своим огнем продвижение нашей пехоты. Под шквальным огнем на открытом пространстве гибли сотни советских солдат. Виктор Клепнев и его товарищи применили свое изобретение, установили летающие торпеды. Подключили ток, и грозное оружие ударило по противнику!

Рушились стены, крыша, потолок. Вверх взметнулся огромный столб пыли. Сопротивление врага было сломлено, путь пехоте открыт. Инженерная смекалка, талант, если хотите, вчерашнего выпускника вуза были отмечены высокими правительственными наградами – орденами Красной Звезды и Отечественной войны I и II степени. Вот как описываются подвиги командира роты отдельного батальона электрозаграждения на сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа»:

Виктор
Алексеевич
в армии

«Капитан Клепнев Виктор Алексеевич, командир роты отдельного батальона электрозаграждения лично руководил 9 января 1945 г. установкой 15 штук летающих торпед на переднем крае в районе села Косцельне-Легцуков под сильным артиллерийско-минометным огнем противника. 12 января 1945 г. поддержал своими торпедами наступление нашей пехоты. Разрушено 2 блиндажа противника».

Вена. Фото на память на площади Марии Терезии. 1945 год - н. в.

Победу капитан Клепнев встретил в Австрии, в Вене, и продолжал там служить до 1947 года. Затем демобилизовался. И началась мирная служба чудом уцелевшего на войне сапера.

Почти сорок лет в энергетике

С 1947 по 1961 год Виктор Алексеевич работал старшим инженером, затем начальником службы изоляции и грозозащиты, начальником центральной службы релейной защиты и автоматики РЭУ «Севкавказэнерго», объединявшим Северо-Осетинскую и Чечено-Ингушскую энергосистемы. Выполнял работы по автоматизации и телемеханизации гидроэлектростанций Терского каскада, по усовершенствованию релейной защиты и автоматики сетевых объектов энергосистемы. По его инициативе и при его активном участии в Севкавказэнерго собственными силами была изготовлена первая модель электрических систем на постоянном токе для расчета токов короткого замыкания.

С 1961 года Виктор Алексеевич работал в ОДУ Северного Кавказа – руководителем группы РЗАТИС, начальником Службы режимов – заместителем начальника ОДУ.

В 1973 году в организационной структуре ОДУ произошли существенные преобразования: была введена должность главного диспетчера, на которую был назначен Виктор Алексеевич Клепнев. До этого момента должности начальника ОДУ и главного диспетчера совмещались: должность первого руководителя ОДУ Георгия Степановича Конюшкова официально так и именовалась – начальник – главный диспетчер ОДУ. Главным диспетчером ОДУ Северного Кавказа В. А. Клепнев проработал до окончания своей трудовой деятельности в 1984 году.

Виктор Алексеевич провел большую работу по формированию Объединенной энергосистемы и организации параллельной работы с ЕЭС. При его непосредственном участии проводились первые опыты несинхронного включения и быстродействующего автоматического повторного включения ЛЭП, экспериментальные исследования устойчивости на межсистемных связях с Украиной и Закавказьем, начиналось и набирало темпы оснащение энергосистем современными сложными устройствами релейной защиты и противоаварийной автоматики, телемеханики и связи.

Значительный вклад внес Виктор Алексеевич в воспитание и профессиональную подготовку работников ОДУ, особенно диспетчерской службы, Службы электрических режимов и Службы релейной защиты и автоматики.

После выхода на пенсию он в течение нескольких лет продолжал активную трудовую деятельность в Севкавказэнерго, поддерживая постоянные контакты со своими бывшими коллегами из ОДУ.

За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны В.А. Клепнев награжден тремя орденами и двенадцатью медалями. Его заслуги перед энергетикой отмечены званиями «Заслуженный энергетик СССР», «Почетный энергетик» и знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР».

**Николай
Тихонович
СТРЕЛКОВ**

«...МЫ ЕЩЕ ПОТАНЦУЕМ»

Мы беседуем с Николаем Тихоновичем накануне 70-летия Победы. Несмотря на солидный возраст и не слишком крепкое здоровье, Николай Тихонович бодр, в глазах светится озорной огонек. «Непременно приду на празднование 9 Мая, и мы с вами еще потанцуем», – шутит он.

А потом вспоминает военное детство, и глаза его начинают влажно блестеть. Он гонит прочь горькие воспоминания и старательно переводит разговор на другую тему.

Семья была многодетной, Николай восьмой ребенок. Отец умер в 1930 году, когда младшему Коле было полтора годика. Мама вышла замуж за овдовевшего односельчанина, у которого тоже пятеро детей мал мала меньше. До войны жили как все, небогато. Во время войны – тоже как все. Впроголодь.

Николай – единственный из одноклассников, кто закончил семь классов. «Последний из могикан», – шутя называет он себя. После четвертого класса ребяташки учиться ходили в соседнюю деревню, за семь километров. Война застала, когда Николай закончил пятый класс. Старших учеников прямо из-за парты на фронт забрали. И в шестой класс из всей деревни перешел уже он один. Другие ровесники закончили «курс наук» и пошли работать в колхоз. Да и Николай с пятого класса работал – сначала на лошадях, потом на тракторе.

Родился в 1929 году в деревне Чаща Шишинского сельсовета Топкинского района Кемеровской области. В 1936 году пошел учиться в Симоновскую начальную среднюю школу, где в 1943 году окончил 7 классов. С декабря 1943 по сентябрь 1948 года работал на Усть-Сосновской МТС трактористом. С сентября 1948 по март 1950 года учился в Кемеровском горном техникуме, откуда был призван в ряды Советской армии. В январе 1953 года уволен в запас, в феврале зачислен на 2-й курс Томского политехнического техникума, который окончил в 1955 году, и направлен на работу в Челябинск на Мельзавод № 2. В ОДУ Сибири работал с 1960 года. В 1967 заочно окончил Томский политехнический институт. Активно участвовал в работах по электрическим расчетам, обоснованию выбора ввода новых генерирующих мощностей, схем подстанций. За добросовестный труд неоднократно поощрялся грамотами, благодарностями. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР», Почетной грамотой Минэнерго СССР, медалью «Ветеран труда», был занесен на Доску почета ЦДУ ЕЭС и в Книгу почета ОДУ Сибири.

«Все для фронта, все для Победы» – не просто лозунг. Фронту отдавали все до крошки – и свой труд от первых утренних проблесков солнца до ночной темноты, и плоды этого труда. Ничего не жалея для Победы, жили голодно, собирали по весне колоски, мерзлую картошку, делали лепешки из лебеды. Хлеба не было, выдавали его на трудодни в конце года, и так его было мало, что, получив свою «пайку», горько шутили: килограмм с мешком.

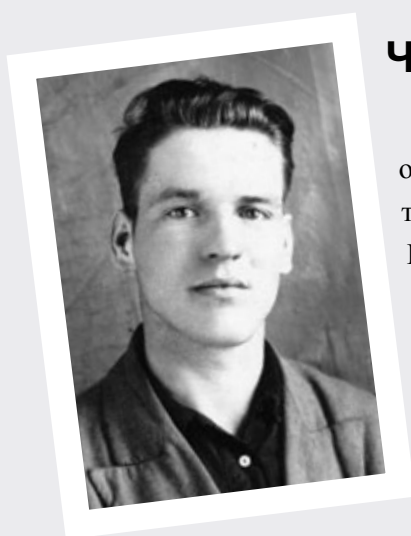
Когда напарника забрали на войну, стало совсем невмоготу, и Николай сбежал на фронт. Не добежал – поймали на ближайшей станции, и снова на трактор.

Страшнее всего было начало войны. Лето, все колхозники в поле. И прямо с покоса сразу человек 30 забрали на фронт. Председатель три дня держал повестки у себя в конторе, не вручал мужикам, чтоб успели сено убрать. Так с поля и отправились на фронт. Тут же в озере искупались, отфыркались, переоделись в чистое. Жены сбегали в деревню, принесли из дому по паре белья. Председатель распорядился, чтоб напекли хлеба в дорогу, уложили в котомки. Так и проводили. Рев стоял невыносимый, в голос плакали женщины, как будто предчувствуя, что не вернутся мужья и сыновья живыми.

Конец войны был проще. Женщины уже выплакались за четыре года, даже, как говорится, «взаймы». Живыми своих родных с фронта уже не ждали. И в глазах не осталось слез, только горе.

Весть о победе он встретил под трактором, который ремонтировал. Женщины тоже были в поле. Председателем к тому времени назначили женщину из соседнего села, малограмотную, но партийную. И вот она привезла в поле трехлитровый бидончик водки и пирожки. Не плакали женщины, выпили по рюмочке, пирожок съели, помолчали горестно – и снова на работу.

Из маленькой деревушки Чаща на фронт ушли 110 человек – в каждой избе был фронтовик, а где и два-три. Вернулись только шестеро, из них трое «недобитков», как они сами себя с горечью называли, которые вскоре умерли от ран.

Студент
Юргинского
механического
техникума.
1948 год

Чуть-чуть маркшейдер, чуть-чуть летчик

В 1943-м Николай окончил седьмой класс. «В деревне я самый образованный человек был, – шутит Николай Тихонович. – Остальные-то ровесники кто три, кто четыре класса окончили. А я газеты читал. Грамотей, одним словом».

С окончанием войны вернулся домой из стройбата отчим. Человек он был интеллигентный, деревенский учитель, и всех детей в семье старался выучить. Отчим и направил Николая на учебу в Юргинский механический техникум. Чтобы поступить, Николай брал в колхозе ночные смены, а днем готовился. Учиться было сложно: многое забыл. Но очень хотелось получить образование, и потому по 10–12 часов в сутки за книжками просиживал. На учебу и обратно ездил на товарняке. А потом один из однокурсников надоумил перейти в горный техникум, на маркшейдерское отделение, – там и стипендия была побольше, и форму выдали. «Приоделся: фуражка как у летчика, форма – приехал домой, деревенские решили, что на летчика учусь».

Ленинград (Санкт-Петербург). Невский проспект – Литейный проспект. 1941 год – н. в.

Ленинград (Санкт-Петербург). Литейный, 44. У карты боевых действий. 1945 год - н. в.

А в 1950 году началась война в Корее, и со второго семестра забрали ребят служить. Записали Николая в авиацию, в стрелки-радисты, и повезли на Восток, в Монголию. И то ли сцепщик был пьян, то ли другая какая причина, но случилось так, что вместо станции назначения под Читой привезли парней во Владивосток. А оттуда на океанском корабле отправили на Сахалин. Как многие мальчишки, мечтал когда-то Николай о флоте. А тут так раскачало посудину – то вверх она поднималась на немыслимую высоту, то в пучину воды падала, – что подумал: «Слава богу, что я в авиацию попал, а не в морфлот».

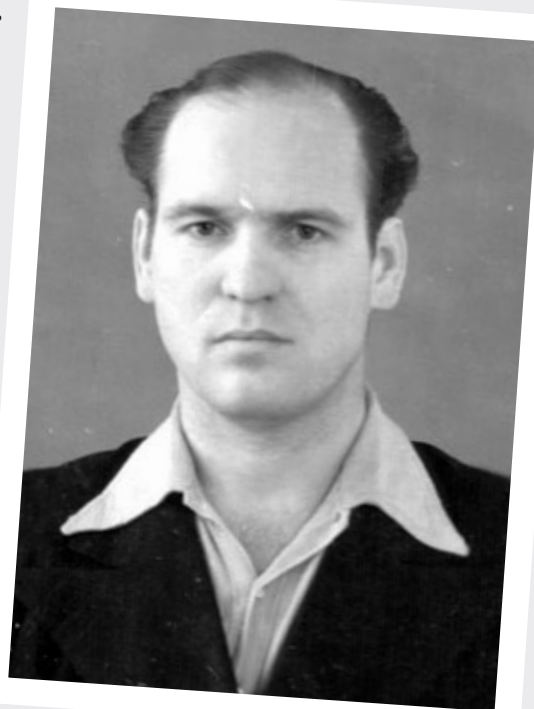

В Южно-Сахалинске ребят в баню сводили, обмундировали и отправили дальше, на север. Усадили 40 человек на пол в «студебеккере» – мороз минус 20, шинельки к полу примерзают. Выскочат солдатики из машины, пробегутся, согреются и обратно. Добрались до места, радистов поселили в бараке прямо в конце взлетной полосы. Как взлетает бомбардировщик – так барак чуть ли не рассыпается. Вместо матрасов выдали матрасовки. Набили их сеном, застелили. Так и перезимовали.

А потом перевели Николая на радиопередающий узел. Отслужил там два года. После чего направили его вместе с другими ребятами, у кого было среднее образование, в школу младших офицеров.

Но кадровым офицером Николай быть не захотел, и после демобилизации вернулся домой. Доучиваться поехал в Томский энерготехникум, на специальность «техник-энергетик». Получив профессию, по распределению направился в Челябинск, на Мельзавод № 2 Челябинского мукомольного треста, заместителем начальника электроцеха.

В 1956 году вернулся на родину, поступил стажером машиниста в котельный цех Ново-Кемеровской ТЭЦ. Вскоре стал машинистом котлов, потом старшим машинистом, инженером по рационализации и изобретательству топливно-транспортного цеха.

В ОДУ Западной
Сибири

Линия электропередачи «имени Стрелкова»

В 1960 году Николая Тихоновича пригласили в ОДУ Западной Сибири. Чтобы стать диспетчером, нужно было сдать экзамены. Готовился усердно, упорно. Экзамены сдавал шесть часов. Задали 76 вопросов. Убедилась комиссия – на совесть выучил «матчасть». И с тех пор Николай Степанович до самого ухода на заслуженный отдых работал в диспетчерской службе. Параллельно учился заочно, получил высшее образование. С должности диспетчера был переведен старшим дежурным диспетчером, потом руководителем группы, а затем заместителем начальника Службы перспективного развития, экономики и энергобалансов. Объехал все ГЭС и все крупные тепловые станции Сибири. После ухода на пенсию продолжал трудиться в ОДУ Сибири.

Рассказывая о годах работы в ОДУ Сибири, Николай Тихонович оживает. Сердцем и душой прирос он к энергетике, к работающим в отрасли людям.

В домашнем архиве – стареньком чемоданчике – среди фотографий и почетных грамот – Николай Тихонович бережно хранит Благодарственное письмо, врученное директором ОДУ Сибири Петром Алексеевичем Петровым в 1996 году.

Из Благодарственного письма:

«Вы один из немногих в ОДУ, кто имеет за плечами более 50 лет трудовой деятельности. С марта 1960 года Ваша жизнь связана с ОДУ Сибири. Здесь Вы окончили институт и получили диплом инженера, здесь Вы претворяли знания в жизнь. Мы хорошо знаем и помним, сколько сил и энергии приложено лично Вами при обосновании схемы реконструкции ОРУ 500 кВ Ново-Анжерской ПС, доказательству целесообразности и возможности сооружения ОРУ 500 кВ Саяно-Шушенской ГЭС в Карловом створе. А линию электропередачи 500 кВ Новокузнецк – Барнаул с полным основанием можно именовать «имени Стрелкова Н. Т.»

Николай Тихонович говорит: «За что я люблю энергетику? Это жизнь. Жизнь людей, городов, промышленных предприятий».

Сколько внутренней доброй силы у этого человека! Пройдя голод, насадный труд и горечь военного лихолетья, жизненные тяготы послевоенных лет, остался он светлым, жизнелюбивым. И сам того не подозревая, этот немолодой человек заряжает своей жизненной энергией, любовью к жизни и к людям.

Здоровья вам, Николай Тихонович. И в День Победы мы с вами обязательно потанцуем.

На встрече
ветеранов

**Юрий
Васильевич
БУРЛАКОВ**

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЭНЕРГЕТИК

Когда началась война, мне было всего десять лет, а моей младшей сестренке не исполнилось и двух. Наш отец работал электромонтером на Казанской ТЭЦ-1. Эта станция была довольно известна среди энергетиков Советского Союза – именно здесь изобрели способ гидрошлакоудаления, авторы которого были отмечены Сталинской премией III степени.

22 июня мы с мальчишками, как обычно, с раннего утра проводили время на улице: играли в бабки (известное развлечение довоенных пацанов – подобие городков, только вместо деревянных чурочек использовали свиные косточки). По громкоговорителям объявили, что началась война. В этот же день военнообязанным начали разносить повестки. Мы, дети, помогали разносчикам повесток – подсказывали, как найти нужный адрес. Я не знал, что у отца, как и у многих энергетиков, была бронь, и с большой досадой ждал, когда же принесут повестку и ему, не понимая, почему у всех отцы уже ушли на фронт, а мой продолжает работать на ТЭЦ.

Родители работали, а мы, пацаны, все дни проводили на улице. Неоднократно предпринимали попытки добраться до фронта, чтобы принять участие в боях. Нас ловили – на железнодорожной станции, на пристани – и возвращали домой. Помню, что у меня было две попытки, и обе неудачные – до-

Родился 25 июня 1931 года. В годы войны, будучи ребенком, работал на Казанской ТЭЦ-I учеником электромонтера. В оперативно-диспетчерском управлении около 30 лет – трудился сначала в должности диспетчера, после – старшего диспетчера.

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», многими памятными юбилейными медалями.

браться до фронта мне не удалось. Тогда отец, пытаясь обеспечить хоть под какой-то надзор за сыном, привел меня на работу в электролабораторию на Казанской ТЭЦ-1. Это был 1943 год – я только что окончил четвертый класс. Меня приняли учеником электромонтера – я ревизировал приборы, реле, принимал участие в электроиспытаниях оборудования, собирал электросхемы под руководством старших, помогал взрослым, выполняя разные мелкие поручения. Работал я с 1 июня по 1 октября – во время войны учебный год в наших школах начинался на месяц позже. Несмотря на то, что по закону дети не должны были работать больше четырех часов в день, я частенько отрабатывал полноценную восьмичасовую смену. Физически работа была не очень тяжелой, и мне нравилась, так что в электролабораторию по утрам я бежал с удовольствием. Кроме того, заработанные мной деньги были подспорьем для семьи, да и карточки на хлеб я уже получал рабочие, а не иждивенческие.

Таким Юра
Бурлаков пришел
работать на
Казанскую ТЭЦ

От моей трудовой занятости была еще одна польза. Для сотрудников станции по вечерам работали курсы повышения квалификации. Мой отец их посещал, ну и я за ним увязался. Сидел на лекциях, выполнял практические задания и на удивление быстро начал разбираться в предмете.

Однажды на ТЭЦ со мной произошел неприятный случай. Одной из моих обязанностей с первого дня работы было занятие очереди в нашей столовой: поскольку весь персонал обедал на ТЭЦ, очередь всегда была большая и можно было потерять в ней много времени. А надо сказать, что на станции я бегал босиком, несмотря на то, что это являлось нарушением техники безопасности. И вот я пролетел весь машинный зал и на выходе, не успев затормозить, ткнулся головой прямо в живот легендарному наркому электростанций и электропромышленности Дмитрию Жимерину.

Нарком с группой людей, среди которых я заметил директора станции, главного инженера и своего отца, заходил в машинный зал. Это была комиссия, которая приехала с инспекцией на Казанскую ТЭЦ, а отец входил в число сопровождающих, так как к тому времени занимал должность председателя заводского комитета профсоюза. Жимерин начал меня расспрашивать, что я тут делаю. Я ответил, что работаю учеником электромонтера в электролаборатории. Тогда он спросил, как моя фамилия. Боясь, что отцу попадет за мою оплошность, я постарался как можно более невнятно пробормотать свою фамилию. Нарком пожурил и меня, и руководство станции за то, что работник бегаёт по цехам без обуви, и отправился с комиссией дальше. К счастью, никаких неприятных последствий ни для меня, ни для отца этот случай не имел.

В электролаборатории я работал и в следующие каникулы – летом 1944 года.

Хорошо помню, как мы встретили День Победы. Рано утром 9 мая проснулись от шума во дворе: кричали люди, хлопали окна, все бежали на улицу. Не сразу в общем гвалте разобрали, что народ кричит: «Война кончилась!». Все обнимались, радовались – царило полное ликование. Мы, мальчишки, собрались в город – жили мы по тем временам на окраине – отметить это событие: хотелось купить почти недоступные нам во время войны мороженое, лимонад, погулять

по улицам. Всем матери дали немного денег на сладости, а у нас в доме не было ни копейки – отец как раз в эти дни находился в командировке в Москве. И я помню, какую досаду выражало мамино лицо, что она не может мне ничего дать, чтобы я отметил с друзьями праздник... Но все же ей удалось у кого-то из соседей занять пять рублей, и я смог погулять вместе со всеми. Вся центральная улица Баумана была запружена народом, и радость была смешана со слезами, потому что дожили до Победы не все.

Школу-восемилетку я окончил в 1947 году и поступил в Казанский механико-технологический техникум, где можно было получить специальность техника-электрика. В 1951 году, едва защитив диплом, я ушел на три с половиной года в армию. Вернувшись после службы, начал работать на Казанской ТЭЦ-2, инженером в электролаборатории. За девять лет работы мне удалось поучаствовать в пуске пяти турбогенераторов и семи котлов на ТЭЦ-2, электрооборудования подстанций. Работа, конечно, была проделана гигантская.

Помню, как включали в работу турбогенератор №6 на Казанской ТЭЦ-2. Мы смонтировали и установили оборудование и были готовы приступить к испытаниям. И тут я заметил, что на табличке со всеми техническими данными указано, что это генератор напряжением 6 кВ, при том что на станции генераторное напряжение 10 кВ. Я не поверил своим глазам. Конечно, на станции начался настоящий переполох. К счастью, быстро выяснилось, что поставщики просто перепутали таблички.

Но самое значимое для меня событие в этот период – включение в параллель Казанского энергопотока в Единую энергосистему СССР в 1963 году, когда после пуска Заинской ГРЭС начала действовать первая ЛЭП 220 кВ, соединившая Казанский энергоузел с Закамьем. Закамский энергоузел был соединен с ЕЭС Советского Союза еще в 1958 году. В конце 1970-х эта связь была существенно усилена включением в работу ЛЭП 500 кВ Заинск – Киндери.

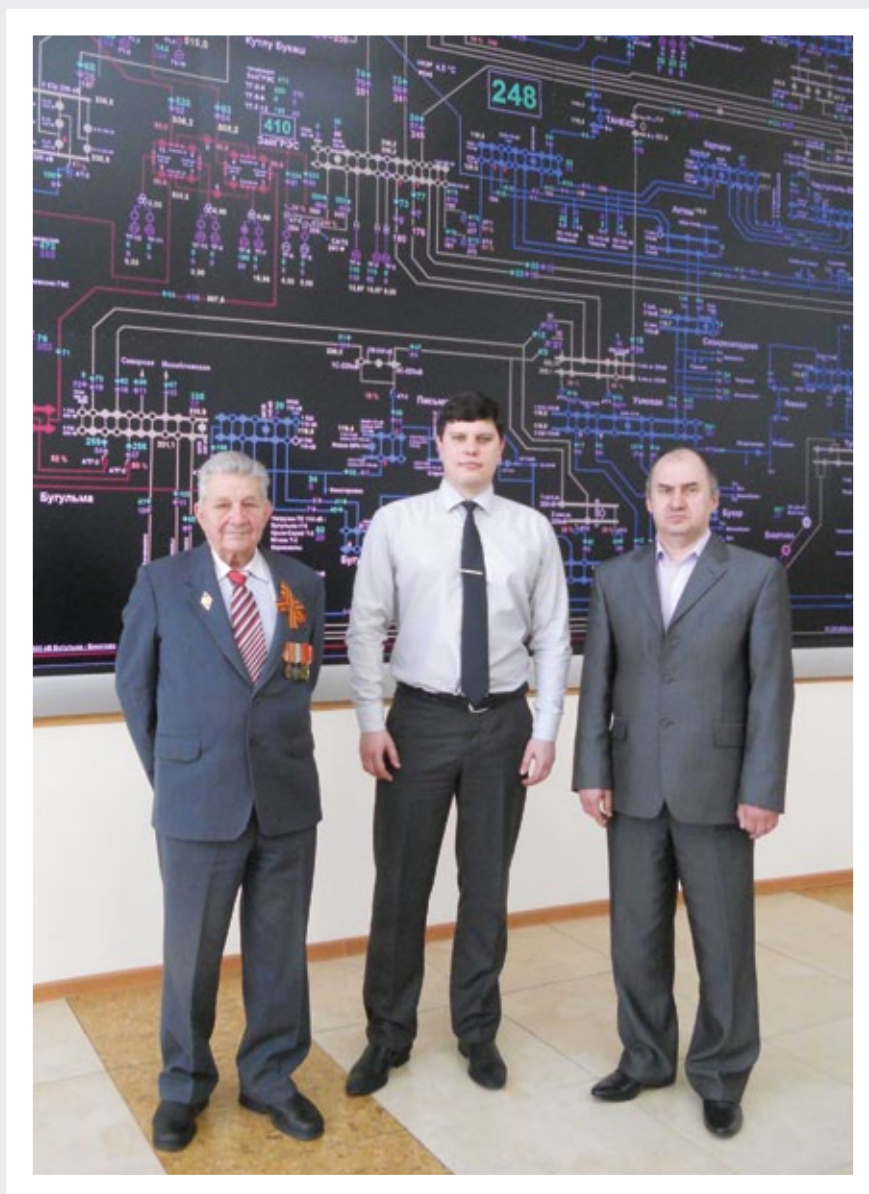

За диспетчерским
пультом

В 1963 году по приглашению главного диспетчера Татэнерго А. Н. Дубицкого я пришел на работу в Центральную диспетчерскую службу, где в должности сначала диспетчера, а потом старшего диспетчера отработал почти тридцать лет. В 1970 году окончил Чувашский государственный университет, получил специальность инженера-электрика.

За время работы, конечно, мне как диспетчеру неоднократно приходилось и принимать участие в пуске новых энергообъектов, и ликвидировать аварии разной степени сложности. Но одна из них мне запомнилась особо. В состав

сетевого оборудования Казанской ТЭЦ-2 входит распреустройство 35 кВ, от которого идут две линии на водозабор, обеспечивающий водой всю Казань. В то время, когда одна из двух систем шин была выведена в ремонт, началась гроза. Молния ударила в работающую систему шин, и подстанция, разумеется, погасла. Соответственно, водозабор остался без электричества, а город – без воды. Хуже всего было то, что без воды не могла работать и сама ТЭЦ-2, на которой водного запаса оставалось не больше чем на пару часов. Мы попытались подать напряжение, но это оказалось бесполезно – шины, поврежденные ударом молнии, напряжение не держали.

Три поколения
диспетчеров РДУ
Татарстана:
В. В. Бурлаков,
Р. Р. Алтапов,
Р. М. Хайруллин

ТЭЦ-3. На моих глазах энергосистема Татарстана выросла с трех электростанций – ТЭЦ-1, ТЭЦ-2 и электростанции имени 3-й годовщины Татарской АССР – до одной из самых мощных энергосистем страны. Мне отраднo осознавать, что в этом есть и частичка моего труда. Общий трудовой стаж нашей династии составляет более 150 лет – кроме меня, в энергетике работали моя мама, ее сестра и брат и мой отец с двумя братьями. А продолжают нашу династию мой сын и внучка Тамара, которая работает в РДУ Татарстана.

Гроза продолжала бушевать, что полностью исключало возможность проведения каких-либо работ на распреустройстве – это запрещено техникой безопасности. Но ремонтный персонал ТЭЦ, не поставив в известность диспетчера, на свой страх и риск вышел на распреустройство и вывел из ремонта вторую систему шин. Мне об этом сообщили, когда шины были уже готовы к работе. Тогда мы успешно подали напряжение, и водозабор начал функционировать. Ликвидация аварии длилась чуть больше часа, но добавила мне седых волос.

Вся моя трудовая жизнь связана с энергосистемой Татарстана, и самая значительная ее часть – с оперативно-диспетчерским управлением. За время, пока я работал диспетчером, в эксплуатацию были введены Заинская ГРЭС, Нижнекамские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, ТЭЦ КамАЗа, Казанская

Макар Витальевич СВЕРЧКОВ

1933–2014

СТРОИТЕЛЬ НАДЕЖНОГО ФУНДАМЕНТА

Я никогда не думал писать о своей жизни. Думал, что это никому не нужно, но по просьбе многих сослуживцев и по армии, и по работе в электроэнергетике все же решил попробовать описать свою жизнь. Как это получилось – судить вам.

Детство

А было ли это детство?

Родился я 19 января 1933 года в холодные крещенские морозы в глухой деревушке Антоново Верховинского сельсовета Бабушкинского района Вологодской области. Окрестили меня в теплой воде в шайке (прямо в избе) и после долгих споров между мамой и бабушкой назвали Макаром. Мама хотела назвать Юрием, но бабушка победила в этом споре. У бабушки был сын, который погиб в Первую мировую войну, и звали его Макар.

Отец, Виталий Ильич Сверчков, занимался сельским хозяйством. В 1933 году вступил в колхоз «Железная смычка» и всю свою жизнь там трудился.

Мать, Клавдия Ивановна Сверчкова (Князева), также работала в этом колхозе до конца своей жизни. В семье было трое детей – все мальчишки, я младший.

Макар Витальевич Сверчков родился в 1933 году Вологодской области. Окончил вечернее отделение факультета «Промышленное и гражданское строительство» Института инженеров железнодорожного транспорта в 1958 году. С 1953 года работал на ГЭС №1 – Московской государственной электрической станции. Начав работу кочегаром котельного цеха, через четыре года стал бригадиром ремонтно-строительного цеха.

В 1958 году назначен инженером отдела капитального строительства ТЭЦ-12, а затем – заместителем начальника этого отдела. Параллельно преподавал в Куйбышевском заочном инженерно-строительном техникуме.

В 1966 году перешел на работу Минэнерго СССР, где в 1967 году возглавил отдел капитального строительства. Принимал участие в проектировании и обеспечении строительства Саяно-Шушенской, Братской и Красноярской ГЭС, Беловской и Назаровской ГРЭС, Новосибирских ТЭЦ №3 и №4, межсистемных линий электропередачи, в том числе ВЛ 500 кВ Иркутск – Тулун, Тайшет – Камала.

В 1971 году поступил на работу в ЦДУ ЕЭС СССР на должность начальника отдела капитального строительства, с 1973 по 1993 год занимал должность заместителя начальника (впоследствии генерального директора) по общим вопросам и капитальному строительству ЦДУ ЕЭС СССР. С 1993 по 2004 год был заместителем генерального директора ЦДУ ЕЭС России, а с 2004 года исполнял обязанности генерального директора ЦДУ ЕЭС России. Вышел на пенсию в 2005 году, но продолжал возглавлять Совет ветеранов ЦДУ и ОАО «СО ЕЭС» вплоть до кончины в декабре 2014 года.

Брат Павел после окончания семилетки поступил учиться в Лесотехнический техникум в городе Тотьма.

Брат Василий после окончания семилетней школы работал секретарем в Верховинском сельском совете.

Летом 1941 года я со сверстниками беспечно занимался детскими играми и помогал колхозу в прополке посевов от сорняков, а также в уборке льна. Вместе с друзьями Колькой Макаровым, Толькой Зарубиным и другими готовились летом 1941 года поступать учиться в 1-й класс Дьяковской начальной школы.

Были большие детские замыслы: как мы соберем все необходимое для занятий, как придем в школу, как будем встречаться с нашей первой учительницей Анной Григорьевной Мараковой...

В то лето было в лесу удивительно много грибов и ягод, и старики в нашей деревне говорили, что это не к добру.

Однажды, возвращаясь гурьбой с речки после купания, мы увидели на дороге, уходящей из нашей деревни, большой обоз лошадиных повозок. На этих повозках сидели мужчины – жители нашей и соседней деревень, а с ними их жены. Мужчины были навеселе, одни пели песни, а другие выкрикивали такие слова: «Мы разобьем эту немчуру и скоро вернемся, ждите нас!» Женщины плакали, а пожилые даже причитали. Это были проводы первых призывников, и мы поняли, что это война.

Я рано научился читать и писать. В пять лет от роду уже писал незатейливые письма брату Павлу в город Тотьму. Однако я родился левшой и все делал левой рукой. Писал, играл на балалайке, пилил дрова, хорошо стрелял и косил траву – все с левой руки.

В школе учеба началась с того, что надо было в тетради написать несколько строк «палочек» и «крючков». Я левой рукой это сделал хорошо и быстро и сказал учительнице, что я все написал и иду играть в лапту на школьную площадку. Анна Григорьевна посмотрела мою писанину и сказала: «Ну-ка, Макарий, напиши при мне еще одну строчку». Я левой рукой это сделал быстро и был доволен сам собой. Но Анна Григорьевна приказала взять карандаш в правую руку и все написать заново. У меня правой рукой ничего не получалось. Я расплакался. Все ребята уже давно играли во дворе школы в детские игры, делились впечатлениями, а я все сидел и плакал.

Все же учительница заставила меня писать правой рукой, и я ей до сих пор благодарен за это.

Наступила осень 1941 года. Мужчин, которые могли бы вести хозяйство, в деревне уже не было, и все заботы по уборке урожая и заготовке кормов для скота, а также заготовке дров на зиму легли на плечи женщин и нас – детей и подростков.

Стали поступать извещения о гибели на фронтах наших мужчин. При поступлении «похоронки» все жители деревни собирались в той избе, куда пришла «похоронка», и при освещении избы лучиной до поздней ночи оплакивали погибшего. В ноябре 1941 года пришла «похоронка» и в наш дом.

Вблизи деревни Наумово Молвотицкого района Новгородской области, в бою с немецко-фашистскими захватчиками погиб мой брат, младший лейтенант Павел Витальевич Сверчков.

Москва. Станция метро «Маяковская». 1941 год - н. в.

В 1942 году был призван в армию на трудовые работы мой отец, Виталий Ильич. Он участвовал в прокладке гати в обводненных и болотистых местах, а также в строительстве мостов через мелководные речки и ручьи, для обеспечения прохода нашей военной техники.

Очень тяжелый труд и постоянное нахождение в воде и сырости, да и плохое питание, сильно подорвали его здоровье. Домой мы с мамой привезли его из госпиталя города Галича полутрупом. Мама и я как могли помогали ему встать на ноги, и через полгода он стал более или менее способен ходить и что-то делать по дому.

В 1943 году был призван в армию и брат Василий, который служил в Москве.

Мы с отцом хотели все сделать для того, чтобы подготовиться к зиме 1944 года. Работали в колхозе на заготовке сена для скота, в поле на прополке посевов льна, а затем его уборке, сажали и убирали картошку. Но осенью умирает мать, и мы остаемся вдвоем с отцом. Осень стояла бесснежная, но очень холодная, был сильный гололед, и отец, выйдя проверить рыбные ловушки на реке, поскользнулся, упал и погиб от сотрясения головного мозга.

Военное отрочество

Армейские будни

Вот я и остался один.

Пришлось самому вести хозяйство, но становилось все труднее и труднее с ним справляться. Надо было и работать в колхозе, и заготавливать дрова, и ухаживать за скотиной, и учиться.

Органы местной власти предложили мне до совершеннолетия переехать в интернат, но я не захотел. Брат Василий обещал меня устроить воспитанником в воинскую часть, где служил сам, если его не демобилизуют из армии раньше положенного срока по семейным обстоятельствам. Но в досрочной мобилизации ему было отказано, а вопрос о взятии меня на воспитание в войсковую часть требовал огромного количества согласований и времени.

В январе 1948 года брат приехал и забрал меня в Москву. Впервые в жизни я увидел железнодорожные рельсы, а потом и поезд, в Галиче. Это на меня произвело огромное впечатление. Очень

удивительно было видеть «дома на колесах», то есть вагоны. Все это, по всей вероятности, и повлияло впоследствии на мое решение, куда пойти учиться после окончания 10-го класса вечерней школы рабочей молодежи – в 1952 году я поступил на вечернее отделение Московского института железнодорожного транспорта.

Воспитанником в воинской части я прослужил только полгода, потом вышел приказ о ликвидации института воспитанников при воинских частях. Я остался в части, но проходил службу уже как доброволец. По возрасту был на 6–7 лет моложе служивших вместе со мной призывников.

Наша часть входила в состав внутренних войск МВД. После трехмесячного обучения на специальных курсах меня направили служить в третью роту, которая занималась охраной и сопровождением ценностей по городам Советского Союза и за границу.

Как я попал в энергетику

В 1953 году, после смерти Сталина и ареста Берии, нашу часть расформировали, и нас перевели в охрану Министерства финансов СССР.

В свободное от службы время я учился в институте инженеров железнодорожного транспорта на вечернем отделении факультета «Промышленное и гражданское строительство». Но совмещать работу и учебу оказалось очень сложно: нас часто отправляли в командировки, которые могли длиться неделями. Я ломал голову, как выйти из создавшегося положения, чтобы и институт окончить, и работу не бросать. В этот момент мне предложили перейти в службу охраны на Государственную электростанцию №1 Мосэнерго. Я согласился, потому что при том режиме работы у меня было бы достаточно времени и для посещения лекций, и для сдачи экзаменов.

ГЭС №1 считалась особо важным объектом, обеспечивавшим электроснабжение всех правительственных учреждений, включая Кремль. Постоять на посту простым охранником мне удалось недолго. Однажды меня вызвал в свой кабинет секретарь парткома Петр Николаевич Обнорский и объявил, что мне, студенту уже третьего курса института и члену КПСС с большим опытом комсомольской работы (а я еще в воинской части был секретарем комсомольской организации) не годится проверять пропуска у работников. «У нас много молодежи, 130 комсомольцев работают на ГЭС. Вы должны возглавить нашу комсомольскую организацию», – объявил мне секретарь парткома. А в качестве основного рабочего места он предложил мне самую начальную ступень карьеры будущего энергетика – помощника машиниста котлов. После сдачи экзаменов я был допущен к самостоятельной работе в качестве машиниста котлов среднего и высокого давления.

Кроме того, руководство ГЭС №1 предложило мне перевестись из института инженеров железнодорожного транспорта в Московский энергетический институт. Главным аргументом было то, что без профильного образования я карьеры не сделаю. Но в глубине души я совершенно не видел своего

Государственная
электростанция
№ 1 Мосэнерго

Делегат
Международного
фестиваля
молодежи и
студентов

будущего в энергетике и не оставлял надежды после окончания института работать на железной дороге. Но судьба распорядилась иначе. На железной дороге я не проработал ни дня, не считая двух производственных институтских практик. А энергетика стала делом на всю жизнь.

Строительство ТЭЦ-12

Однажды меня вызвали в управление кадров Мосэнерго. Поскольку я уже был дипломированным инженером-строителем, мне объявили, что направляют меня работать на реконструкцию ТЭЦ-12 инженером по техническому надзору. Это была громадная по тем временам стройка – фактически, даже новое строительство, а не реконструкция: на ТЭЦ планировалось установить две турбины по 50 000 кВт, теплофикационную турбину Т-100, восемь котлов, построить золотвал на 16 гектаров и жилье для работников – шесть 9-этажных домов у метро «Багратионовская». В общем, работа предстояла масштабная. Я, конечно, согласился, но с некоторой опаской: все же серьезного опыта работы на строительстве таких больших объектов у меня не было.

Через полгода я уже из инженера технадзора стал начальником отдела. Параллельно с основной работой читал лекции по специальности, сопромату и высшей математике учащимся Куйбышевского заочного инженерно-строительного техникума, филиал которого находился на территории ТЭЦ-12.

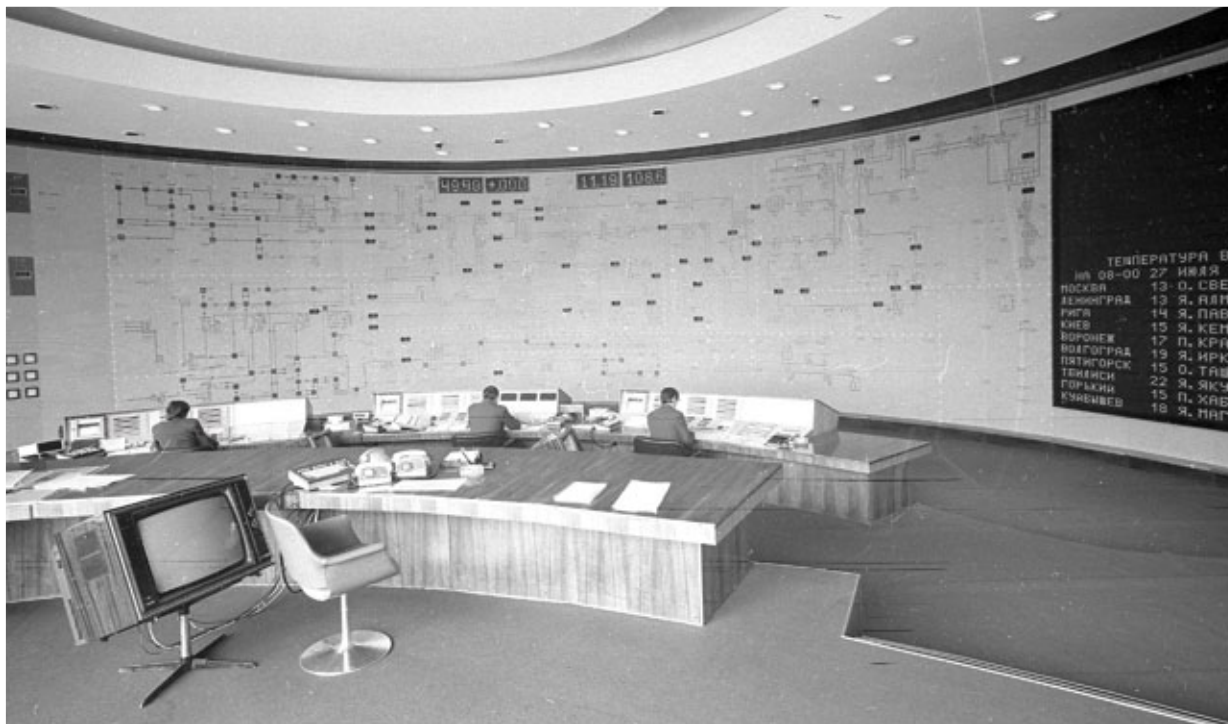
Сибирь и Дальний Восток

Когда в 1966 году закончилось строительство ТЭЦ-12, я перешел на работу в Главвостокэнергострой Минэнерго СССР, который занимался строительством тепловых станций на востоке страны. Работал в должности заместителя начальника производственно-распорядительного отдела. В мои обязанности, помимо прочего, входило курирование треста Средазэнергострой – одного из шести трестов главка, который вел строительство в Средней Азии. Трест строил много энергообъектов. Я побывал на возведении Ермаковской ГРЭС, Павлодарской ТЭЦ-3, Джамбульской ГРЭС, ТЭЦ в городе Ош, Фрунзенской ТЭЦ, следил за строительством линии 220 кВ по озеру Иссык-Куль.

В 1967 году я был назначен начальником отдела капитального строительства Главвостокэнерго. Это была большая и ответственная работа. Все энергетические объекты, которые проектировались и строились в Сибири и на Дальнем Востоке, находились в ведении этого отдела.

В то время страна переживала бум энергетического строительства. Возводились Братская и Красноярская ГЭС, мощные тепловые электростанции – Беловская и Назаровская ГРЭС, Новосибирские ТЭЦ № 3 и № 4 и целый ряд других электростанций, проектировалась Саяно-Шушенская ГЭС. Прокладывались межсистемные линии электропередачи 500 кВ, одна из крупнейших – Иркутск – Тулун – Тайшет – Камала. Развивалась сельская электрификация.

За время работы в Главвостокэнерго Министерства энергетики СССР я неоднократно побывал на большинстве строящихся энергообъектов Сибири и Дальнего Востока, принимал участие в обеспечении их строительства.

Как создавалось ЦДУ

В 1971 году первый начальник Центрального диспетчерского управления ЕЭС СССР, член коллегии министерства энергетики Константин Сергеевич Сторожек пригласил меня на должность начальника отдела капитального строительства. ЦДУ ЕЭС СССР было создано распоряжением Правительства СССР от 23 сентября 1967 года № 2254-р. И к тому времени уже было решено для размещения ЦДУ построить здание площадью 7000 кв. м в Москве на Китайгородском проезде – то самое здание, где сейчас расположена основная часть исполнительного аппарата Системного оператора.

Впрочем, мне предстояло заняться не только этой стройкой. С созданием ЦДУ в нашей стране впервые в мире было организовано трехуровневое централизованное диспетчерское управление: ЦДУ ЕЭС – ОДУ ОЭС – диспетчерские центры энергосистем.

В задачу моего отдела входило построить не только здание ЦДУ в Москве, но и здания зональных управляющих вычислительных центров объединенных диспетчерских управлений в городах, где они расположены. Каждое из них необходимо было обеспечить надежной технологической связью с энергетическими объектами и со зданием ЦДУ.

Подрядчиком строительства здания ЦДУ было определено строительное управление ТЭЦ-20 Мосэнерго. Возведение здания продолжалось пять лет и было завершено в 1976 году.

Диспетчерский
пункт в новом
здании ЦДУ.
1976 год

Дома для диспетчеров

Здания, в которых размещались Объединенные диспетчерские управления, представляли собой слабо оснащенные в техническом отношении и мало приспособленные для выполнения оперативно-диспетчерских функций помещения. Например, ОДУ Северо-Запада в Риге размещалось в двух квартирах старого дома на 4-м этаже, ОДУ Северного Кавказа в Орджоникидзе – на чердаке 7-этажного дома без всяких удобств, ОДУ Средней Волги в Куйбышеве – в подсобных помещениях здания местного отделения института «Энергосетьпроект», ОДУ Востока в Хабаровске – в разных нежилых помещениях РЭУ «Хабаровскэнерго». Не лучше обстояли дела и в остальных ОДУ. Поэтому нам было необходимо одновременно вести строительство зданий в большом количестве городов: Куйбышеве (Самаре), Хабаровске, Риге, Свердловске (Екатеринбурге), Тбилиси, Кемерово, Пятигорске, Алма-Ате, Ташкенте, Санкт-Петербурге и, конечно, в Москве.

Ни один объект в то время невозможно было построить, если он не был внесен в классификатор объектов капитального строительства. В этот перечень

входили все типовые существующие здания – жилые дома, школы, больницы, лаборатории, здания электростанций и подстанций и так далее. Разумеется, такого объекта, как здание ОДУ или ЦДУ там не было. А нет в классификаторе – значит, невозможно начать строительство, открыть титул, совершать банковские операции по перечислению денег на производство работ и так далее. Я обивал пороги в Госстрое, доказывая необходимость внесения зданий ОДУ в общий классификатор. Наконец, это случилось.

Здание
ОДУ Северного
Кавказа
(ОДУ Юга)
в Пятигорске

В плане типовое здание ОДУ выглядело так: в центре находится высотная башня 8–12 этажей, а с трех сторон башню окружает в виде «каре» низкоэтажная часть здания в 2–4 этажа. В низкоэтажной части располагаются руководство и подразделения по обслуживанию оборудования, приему, обработке и выдаче информации. По этому проекту построены все здания ОДУ в бывшем Советском Союзе, кроме зданий в Тбилиси, Самаре и Санкт-Петербурге. Внутреннее устройство то же, что и у остальных зданий ОДУ, а внешний облик отличается от типового. В Тбилиси здание ОДУ Закавказья находится на выезде из города, в самом начале Военно-Грузинской дороги, и одной стороной вплотную примыкает к скале – создается впечатление, что оно врезано в гору. Из-за уникального местоположения здание и строилось по индивидуальному проекту – по-другому

построить там было невозможно. А в Куйбышеве (Самаре) и Ленинграде (Санкт-Петербурге) именно руководство этих городов попросило изменить внешний облик зданий ОДУ. В Самаре оно находится на берегу Волги, мимо постоянно проходят теплоходы с пассажирами, и власти города попросили представить какой-то необычный проект для этого здания. В Питере же нас обязали построить здание, по архитектурному облику полностью совпадающее с находящимися рядом, чтобы не нарушать ансамбль.

При согласовании проектов зданий во всех городах перед нами ставилось несколько дополнительных задач: вклад в развитие города, соответствие архитектуры здания сложившемуся архитектурному стилю и строительство жилых домов для сотрудников, переезжающих из других регионов. Всего мы построили 36 жилых домов, семь из них в Москве.

На совещании
с коллегами

Кстати, получить разрешение на строительство жилья для сотрудников в Москве было практически невозможно. В решении этого вопроса нам очень помогло то, что с 1975 по 1989 год я четырежды избирался депутатом Пролетарского районного Совета депутатов, руководил депутатской группой. Близость к власти ценилась и в те времена тоже. Позиция депутата давала возможность решать проблему на высших уровнях. В итоге ЦДУ получило разрешение на строительство нескольких жилых домов.

Строительство зданий ЦДУ и ОДУ – это бóльшая часть моей профессиональной жизни. Я горжусь тем, что они и сейчас не устарели с точки зрения выполнения оперативно-диспетчерских функций и являются архитектурным украшением Кемерово, Хабаровска, Екатеринбурга, Самары, Санкт-Петербурга, Пятигорска, Москвы, Алма-Аты, Ташкента и Тбилиси.

Москва. Кутузовский проспект. Баррикады. 1941 год - н. в.

**Владимир
Петрович
ИЛЬИН**

1922—2011

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

Танковое училище

Когда началась война, я учился в Харьковском сельскохозяйственном институте на факультете электрификации. Через пять дней мы с группой студентов пошли в военкомат просить, чтоб нас отправили добровольцами на фронт. Нас распределили в военные училища, меня – в Ленинградское танковое. Помню, когда поезд подходил утром к Москве, немецкая авиация впервые большими силами пыталась бомбить столицу. В небе – вспышки от зенитных снарядов, огни прожекторов, горящие немецкие самолеты. Враг к Москве не пробился и вынужден был бросить бомбы в Подмоскovie. Когда мы подъезжали к Ленинграду, несколько немецких самолетов начали бомбить наш эшелон. Поезд остановился, сотни людей, покинув вагоны, разбежались. Наверное, так бывает при землетрясении: земля вокруг дрожала, людей подбрасывало вверх.

По приказу командования наше училище эвакуировали из Ленинграда в Магнитогорск. Мы обучались по ускоренной программе, изучая новые танки КВ и Т-34. Танки были первоклассными: толстая броня – до 55 мм, хорошее вооружение – 76-миллиметровая пушка и два пулемета, радиостанция, мощный двигатель, работающий на дизельном топливе, а не на бензине, что обеспечивало большую скорость и хорошую проходимость по бездорожью. В связи с этим упомяну, что в 1942–1943 годах по ленд-лизу Красная

В годы Великой Отечественной войны Владимир Петрович Ильин в составе 68-й отдельной танковой бригады прошел путь от Москвы до Берлина. Взвод под его командованием участвовал в боях на Брянском, Степном и 1-м Белорусском фронтах, в освобождении Орла на Курской дуге, Украины, Белоруссии, взятии Кенигсберга. В сражении под Ковелем был ранен и контужен, после чего переведен на работу в штаб. После войны учился в Харьковском сельскохозяйственном институте на факультете электрификации, затем – в Московском энергетическом институте на вечернем отделении строительного факультета. С 1945 по 1963 год работал в Министерстве путей сообщения, с 1963 по 1967 – в московском филиале института «Теплоэлектропроект».

В Центральном диспетчерском управлении ЕЭС Владимир Петрович Ильин работал с момента его основания в 1967 году и до 2001 года в должностях инженера, старшего инженера, специалиста службы информационного обеспечения.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и десятью юбилейными медалями. Отмечен званиями «Отличник энергетики Минэнерго СССР» и «Ветеран труда».

Москва. Театр Советской армии. 1941 год — н. в.

армия получила небольшое число английских танков «Валлентайн» и «Матильда», а также американских танков «Шерман», которые в боях себя не оправдали: слабая броня, плохая проходимость, слабое вооружение, большие габариты. Руководство Красной армии вынуждено было отказаться от такой помощи.

Первые бои

В марте 1942 года всем курсантам присвоили звания младших лейтенантов, и мы были отправлены на фронт. Меня направили в резерв Западного фронта в Кунцево представителем штаба бронетанковых и механизированных войск. Там приказали возглавить команду из трех человек, выделили автомашину, снабдили топографическими картами и поставили задачу – обследовать северные районы Подмоскovie, обнаружить наши подбитые танки и составить на каждый из них техническую ведомость на предмет эвакуации или ремонта. В некоторых глухих районах местность была заминирована. Два человека из моей команды подорвались на минах, были тяжело ранены. Тем не менее, мы обнаружили 130 танков, занесли их на карту и составили на них технические данные. За выполнение задания мне была объявлена благодарность штабом бронетанковых и механизированных войск.

В июле 1942 года я был направлен в 68-ю отдельную танковую бригаду 61-й армии Брянского фронта в район города Белева на Оке. После разгрома немцев под Москвой Красная армия отбросила врага на 100–150 км от столицы и закрепились на оборонительных рубежах. Не имея резервов и достаточных сил для наступления, 61-я армия, тем не

менее, в июле-августе 1942 года провела ряд наступательных операций. Были освобождены несколько населенных пунктов и стратегических высот. Мой танковый взвод принимал участие в этих боях. Два наших танка были подбиты и сгорели, четыре человека погибли, я был контужен, но остался в строю. За выполнение задач в наступлении и обороне многие воины были награждены орденами и медалями. Мне вручили медаль «За боевые заслуги».

Это был период, когда немцы устремились к Сталинграду. Маршал Жуков перешел в наступление, приняв командование войсками Западного фронта, куда вошла и наша 61-я армия. Нашему танковому взводу была поставлена задача

Танковая
битва под
Прохоровкой –
одна из самых
грандиозных
танковых
баталий Великой
Отечественной
войны

форсировать Оку, вместе с пехотой овладеть населенным пунктом и занять оборону до подхода основных сил. Мой взвод успешно форсировал реку, ворвался в деревню и занял оборону. Пехота отстала. Немцы в панике бежали, но, видя, что мы их не преследуем, перешли в контрнаступление. Я выделил по два человека с танка с пулеметами для обороны. Контратака немцев была остановлена. Через несколько минут подтянулась пехота, но за это время погибло шесть членов экипажа. В целом активными действиями мы сковали противника и не дали ему возможности перебросить часть сил под Сталинград. За боевые действия по форсированию Оки и захват плацдарма меня наградили орденом Красной Звезды.

Против «Пантер» и «Тигров»

В 1943 году наша 68-я отдельная танковая бригада была передана в подчинение 47-й армии и переброшена в район Курско-Белгородской операции Степного фронта. Шли тяжелые оборонительные бои. Враг, уповая на мощь своих тяжелых танков – «Тигров» и «Пантер», пытался прорвать нашу оборону. Лобовая броня этих танков составляла 100–150 мм, бортовая – в два раза тоньше. Наши танки Т-34 такую лобовую броню не пробивали. Готовя полосу обороны на переднем крае, наши войска отрыли две-три полосы зигзагообразных окопов и противотанковых рвов. Преодолевая их, танки противника были вынуждены поворачивать вправо-влево, подставляя борта под огонь нашей артиллерии. В боях под Прохоровкой в жаркую летнюю погоду сотни боевых машин завязали бой на небольшом участке. Стоял сплошной дым – десятки танков горели, они вели не только огневой бой, но и шли на таран. Немцы были остановлены, разгромлены

Советские танки
форсируют Оку

Берлин. Штурм Рейхстага. 1945 год - н. в.

и вынуждены были отступить. Наша часть с боями прошла Украину, освобождая города и села, взаимодействуя с партизанами. В конце 1944 года завязались тяжелые бои за станцию Ковель, мы ворвались в город, пленили гарнизон. Здесь мой танк был подбит, загорелся, я был контужен и ранен, из машины меня вытащил механик-водитель. В госпитале мне удалили осколки, перевязали. Пролежав там несколько дней, я попросился обратно, потому что боялся, что воинская часть уйдет слишком далеко и меня переведут в другую.

Победу встретил в Германии, в городе Хемнице под Берлином, в составе 1-го Белорусского фронта. К тому моменту меня по состоянию здоровья перевели работать в штаб, где я стал начальником сборного пункта по демобилизации. Всего за время войны я был награжден орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и десятью юбилейными медалями.

У истоков ЦДУ

После войны я был уволен в запас по инвалидности. Началась гражданская жизнь. В то время на всех предприятиях требовалась художественная работа, надо было оформлять доски почета, плакаты о решениях КПСС и так далее. В течение 15 лет я работал в Министерстве путей сообщения, выполнял художественную работу, оформлял декорации Комсомольской площади к различным праздникам. В 1963 году перешел на работу старшим техником в московский филиал института «Теплоэлектропроект», а параллельно учился на строительном факультете вечернего отделения Московского энергетического института. В «Теплоэлектропроекте» мы с коллегами собирали информацию о составе и характеристиках основного энергетического оборудования на электростанциях страны и выпустили альбом «Тепловые электростанции СССР», которым пользовались и в Совмине, и в Госплане. Также я оформлял схемы и графики в составе комиссии, которая решала вопрос целесообразности строительства электростанции рядом с Экибастузскими угольными разрезами.

В Министерстве энергетики СССР оценили мою работу в «Теплоэлектропроекте» и включили в состав группы из 10 человек, которой предстояло разработать структуру ЦДУ ЕЭС СССР, определить его функции и численность кадрового состава. Я занимался сбором информации и графическим оформлением проектов по созданию ЦДУ. Все приходилось делать вручную на листах ватмана, никаких компьютеров тогда не было. Зачастую приходилось работать ночами, потому что рано утром материалы требовались министру энергетики Непорожнему на совещании в Совмине или Госплане. После создания и становления ЦДУ работал в службе информационного обеспечения. Мы собирали со всей страны сведения о выработке и потреблении электроэнергии, запасам топлива, систематизировали их и представляли руководству ЦДУ и министерству для проведения оперативных совещаний. Закончил я трудовую деятельность в 2001 году, отмечен званиями «Отличник энергетики Минэнерго СССР» и «Ветеран труда».

**Альбина
Петровна
КЕРБЛЕР**

ТЫЛОВОЙ БУХГАЛТЕР

Наша семья жила в коммунальной квартире в центре города Куйбышева (ныне Самара). Отец умер в 1933 году, когда мне было 9 лет. Мама воспитывала меня и старшую сестру одна. Чтобы обеспечить семью, ей приходилось много работать.

После окончания 9-го класса, в июне 1941 года, чтобы помочь маме, я устроилась в подсобное хозяйство Обувной фабрики имени 1 мая – там выращивали овощи для работников предприятия. А уже через несколько дней по радио сообщили о внезапном нападении Германии на Советский Союз.

Буквально с первых дней войны жизнь в городе поменялась. На улицах были установлены ночные дежурства на случай бомбежки. Дежурили по два часа в соответствии с расписанием, вывешенном на доме. По ночам следили за светомаскировкой – окна занавешивали так, чтобы не было видно света. Ночью город погружался в кромешную тьму.

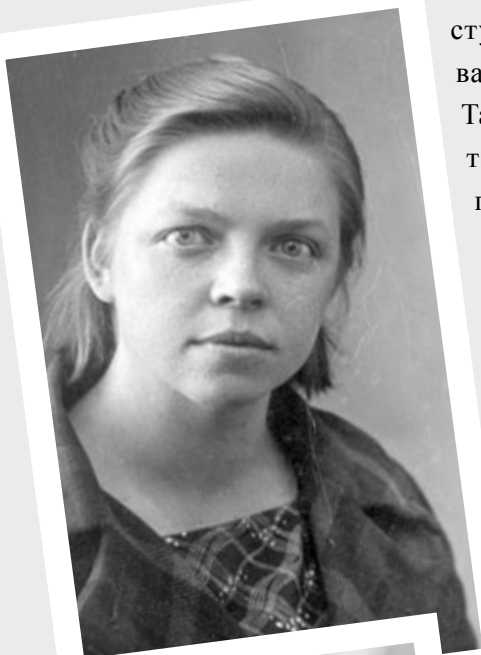
Практически сразу началась эвакуация предприятий из западных регионов страны. Эвакуированные заводы располагали в отдаленном районе города, который назывался «Безымянка». Первое время производства работали под открытым небом, но корпуса для них возводились буквально на глазах.

В Куйбышев было эвакуировано очень много людей. В нашу комнату в коммунальной квартире вселили

Альбина Петровна встретила войну ученицей 10 класса средней школы города Куйбышева. Свой трудовой путь она начала в 1944 году в Городском управлении Куйбышевской областной конторы Госбанка. В 1962 году пришла в ОДУ Средней Волги, где проработала более 20 лет в должности главного бухгалтера. При ее непосредственном участии строилось здание диспетчерского центра ОДУ Средней Волги. В 1983 году она ушла на заслуженный отдых, но до 1993 года продолжала поддерживать коллег, передавая свой опыт. Альбина Петровна награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», несколькими государственными и отраслевыми наградами. Также за многолетний добросовестный труд ей присвоено звание «Ветеран труда».

трех женщин с детьми из Одессы. Это были жены офицеров. В 1944 году, когда освободили Одессу, они вернулись домой. После этого к нам поселили женщину с ребенком из Ленинграда. Эвакуированными было занято и все здание школы, в которой я училась, поэтому 10-й класс заканчивала уже в другом здании. Конечно, было трудное время, но мы всегда жили дружно, как могли друг другу помогали.

В 1942 году, после окончания школы, я поступила в Куйбышевский авиационный институт на факультет авиамоторостроения. Институт был создан на базе части эвакуированных факультетов Московского авиационного института.

Мой набор был первым. В институте не было даже стульев. На лекциях сидели на табуретках и импровизированных скамейках – досках, положенных поверх табуреток. Табуретки носили из аудитории в аудиторию. Но преподавательский состав был очень сильным. К знаниям студентов предъявлялись высокие требования.

На летних каникулах нас послали на сеноуборку, где я заболела малярией. Приступы болезни повторялись через день. Среди жары в августе у меня начинался такой озноб, что зуб на зуб не попадал. Температура поднималась до 40 градусов. Лекарств не было никаких, домой меня отпустили только через неделю, когда совсем не осталось сил. Так и работала в дни, когда не было приступов. Дома мама достала таблетки белой хины, которые помогли мне вылечиться, но последствия болезни не позволили закончить институт. Даже ходить было тяжело, поэтому на втором курсе я бросила учебу.

В июне 1944 года, немного окрепнув, я поступила на работу в Городское управление Куйбышевской областной конторы Госбанка. Сначала работала ученицей оперативного отдела, а потом быстро пошла в рост и меня перевели на должность бухгалтера инкассовых операций. Важно было вовремя осуществлять все расчетно-платежные операции, чтобы по документам клиентов не было задержек в поступлении денег на счета, чтобы в установленный срок предприятия и организации могли получить в Госбанке зарплату для своих работников и денежные средства для других хозяйственных нужд. Дисциплина в Госбанке была очень строгой. В военное время, кроме основной работы, Госбанку приходилось выделять бригады для выполнения дополнительных работ. В составе таких бригад я ездила на лесозаготовку и на полевые работы.

После войны продолжила работу в Госбанке. В 1951 году поступила в Куйбышевский плановый институт, на вечернее отделение, который закончила в 1956 году по специальности «Экономист социалистической

Альбина Петровна
в юности

промышленности». После окончания института работала ревизором в областной конторе Госбанка до 1962 года.

В июне 1962 года к нам в центральную бухгалтерию Областной конторы Госбанка обратился первый начальник ОДУ Средней Волги Борис Иванович Пономарев с тем, чтобы ему порекомендовали сотрудника для работы в ОДУ, которое было создано всего два года назад. Сотрудник, который вел бухгалтерию ОДУ, совсем недавно вышел на пенсию, и организации срочно нужен был бухгалтер. Я к тому времени уже хотела попробовать чего-то нового, поэтому позвонила Пономареву, и он пригласил меня на встречу.

Работа в бухгалтерии ОДУ для меня была новой, но интересной. Я быстро вошла в курс всех дел в бухгалтерии. В итоге даже ввела новый метод учета – по журнально-ордерной системе, который способствовал ускорению составления ежемесячной и квартальной отчетности. Весь бухгалтерский учет я три года вела в одиночку, так как штат ОДУ состоял всего из 34 человек, и ставка бухгалтера была одна. Со временем по мере роста численности персонала возросло и количество сотрудников бухгалтерии.

Впрочем, в ОДУ Средней Волги мне пригодился и опыт работы ревизором Госбанка СССР. Руководство ЦДУ ЕЭС СССР по рекомендации главного бухгалтера Ивана Васильевича Сурикова направляло меня на ревизию в ОДУ Средней Азии в Ташкент, в ОДУ Казахстана в Алма-Ату, в ОДУ Закавказья в Тбилиси. В Тбилиси я ездила в том числе и для передачи моего опыта работы в процессе постановки бухгалтерского учета и отчетности.

Здание диспетчерского центра ОДУ Средней Волги строилось при моем непосредственном участии. Большую роль в строительстве этого здания сыграл начальник ОДУ Борис Пономарев. Он застолбил место в центре города на улице Полевой, организовал расселение людей, живших на выделенном нам месте, выбил деньги для строительства здания. Я занималась связью со Стройбанком, через который проходили все расчетные операции. Во многом благодаря руководству ОДУ и нашему руководителю строительства весь процесс был организован очень четко. Конечно, как все сотрудники, я принимала участие в мелких работах, связанных со строительством – подготовке территории, уборке мусора и т. д.

Я рада, что мне выпала честь работать в энергетике и горжусь, что достигла высокого уровня в постановке бухгалтерского учета и отчетности, отмеченного на уровне ЦДУ ЕЭС СССР.

Здание ОДУ
Средней Волги
строилось при
непосредственном
участии Альбины
Петровны

Альбина Петровна
на рабочем месте

За годы работы я не только организовала качественный бухгалтер учет в ОДУ Средней Волги, но и создала профессиональный коллектив работников бухгалтерии. В настоящее время, конечно, появились новые передовые технологии, позволяющие усовершенствовать всю работу бухгалтерии, но основы ее работы были заложены еще тогда. А самое главное – мы смогли создать традиции, благодаря которым вырастают новые поколения специалистов бухгалтерии, успешно выполняющие стоящие перед ними задачи.

А. П. Керблер и
Е. В. Осечкин
на встрече с
ветеранами в ОДУ
Средней Волги

**Усман
Киамович
КУРБАНТАЛИЕВ**

«ОТ ГРАНИЦЫ МЫ ЗЕМЛЮ ВЕРТЕЛИ НАЗАД...»

Я родился в Оренбургской области в 1925 году, став одиннадцатым ребенком в семье. Мой самый старший брат Сагит к тому времени уже был взрослым, ему исполнилось 22 года, он работал учителем в школе. Отца я совсем не помню — он умер, когда я был еще совсем маленьким. В 1931 году, когда жизнь на Оренбуржье стала совсем голодной и трудной, мы уехали в Южный Казахстан, в город Чимкент. Из-за болезней, плохого питания к тому моменту в семье осталось только пятеро детей — три моих сестры и мы с самым старшим братом.

В Чимкенте жил наш дядя — брат матери, но у него была своя большая семья, и на помощь с этой стороны нам рассчитывать не приходилось. Мы поселились в поселке свинцового завода, там я в 1942 году окончил десятилетку, в которой мой брат Сагит был директором. Жили мы прямо в школе, старшие сестры тоже уже работали. А учились, пока были в начальных классах, «на газетах»: читали вырезки из «Учительской газеты», которая тогда называлась «Закомпрос» — «За коммунистическое просвещение». Учился я в школе хорошо, брата не подводил. А вот поведение, конечно, страдало: и в драках участвовал «стенка на стенку», и по чужим садам лазали, и в горы уходили без спросу.

Родился в 1925 году. В январе 1943 года призван в ряды Красной армии.

В 1956 году окончил Московский энергетический институт по специальности «Релейная защита и автоматика». Трудовой путь начал в должности инженера на Приднестровской ГЭС Днепроэнерго. Участвовал в пуске в эксплуатацию восьми энергоблоков станции мощностью 100/150/300 МВт.

С 1963 года — заместитель начальника электроцеха по релейной защите и автоматике на сооружаемой Конаковской ГРЭС. Участвовал в пуске в эксплуатацию восьми энергоблоков станции мощностью 300 МВт.

С 1973 по 2003 год работал в Центральном диспетчерском управлении ЕЭС СССР (России) в должности начальника Службы разработки средств оперативного управления, а после выхода на пенсию — инженера Службы РЗА. Под его руководством и при непосредственном участии разработан ряд современных средств оперативно-диспетчерского управления.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие» и др., знаком «Заслуженный работник ЕЭС России», медалями ВДНХ СССР и другими отраслевыми наградами.

В 1941 году к нам в поселок приехали эвакуированные из Москвы работники Наркомцветмета, так как Чимкентский свинцовый завод находился в ведении этого наркомата. Конечно, все были с семьями, с детьми, и московские ребята пришли в том числе и в наш класс. Жили местные с эвакуированными очень дружно.

Снаряды для фронта

После окончания десятого класса мы с другом пошли проситься на работу в механический цех свинцового завода. В этом цехе точили противотанковые снаряды к пушкам, и нас поставили на работу в ночную смену – с восьми вечера до восьми утра. Мы были учениками токаря, каждый выполнял свою операцию, как на конвейере. Норму повышали каждые несколько дней. Помню, нужно было выточить сто снарядов за смену. Ты, как робот, на полном автоматизме, не поворачивая головы берешь со стеллажа заготовку для снаряда, вставляешь в свой станок, точишь, потом вынимаешь и так же не глядя перекладываешь на следующий стеллаж, для очередной операции. За работу на свинцовом заводе нам полагалось пол-литра молока в день, а если не получать молоко несколько дней, то вместо него потом выдавали сметану или масло. Это, конечно, очень поддерживало наши семьи. Брат в октябре 1942 года погиб под Ленинградом, и кроме меня мужчин в семье не осталось.

В том же 1942 году я поехал поступать в авиационный институт в Алма-Ате. Аттестат у меня был хороший, я поступил, но вместо учебы нас стали возить на сбор хлопка. А чуть позже объявили, что начался призыв в армию для 1925 года рождения, и кто хочет – может поехать домой и ждать повестку там, кто не хочет уезжать – могут ждать призыва здесь, в институте. Я уехал домой, это был самый конец 1942 года.

«Приходите завтра!»

В ожидании призыва я опять пошел работать на свинцовый завод. Наконец, принесли повестку. Провожали меня в военкомат всей родней. Но... нас, призывников, продержали на сборном пункте до вечера и распустили по домам, с наказом вернуться на следующий день. И таких «проводов в армию» оказалось двенадцать! Каждое утро нас собирали, а к вечеру со словами: «Приходите завтра», – отпускали домой. Большинство матерей, в том числе и моя, уже перестали ходить с нами в военкомат, и тут нас наконец построили и повели на вокзал. Матери, узнав об этом, сумели догнать эшелон на следующем разъезде и попрощались с нами.

Привезли нас в Ташкентское пехотное училище. Меня по причине невысокого роста не хотели брать, но мы были с другом, и нам удалось уговорить комиссию принять в училище нас обоих. Наш призыв готовили к отправке на Сталинградскую битву, но 2 февраля 1943 года наши войска одержали победу в этой решающей схватке Великой Отечественной, и нас оставили в училище еще на полгода.

Прага. Пороховая башня. Население встречает танки освободителей. 1945 год - н. в.

Медаль за город Будапешт

Венгрия. 1944 год

В августе 1943 года нас отправили в Московскую область. В Солнечногорске формировался курсантский корпус из разных училищ, в числе которых было и наше. Мы с другом попали саперами в инженерно-минную роту – седьмой механизированный корпус, шестьдесят седьмую механизированную бригаду. Нас погрузили в эшелон и отправили на Днепр. На платформах везли танки и другую военную технику, на охрану которой мы по очереди заступали в караул. Стоял октябрь, шли постоянные дожди, и в пункт разгрузки – Полтаву – я прибыл уже с температурой под сорок. Меня и еще нескольких заболевших поместили в медсанбат, который следовал вместе с армией на форсирование Днепра.

Когда я поправился, то попал в саперный батальон, с которым и прошел всю войну. Главной задачей нашей роты было обеспечение форсирования рек. То есть, мы готовили

переправу для артиллерии, танков, пехоты. Война уже заканчивалась, наш батальон прошел Венгрию, Австрию, Румынию. Страшные бои шли за Будапешт. Немцы сопротивлялись изо всех сил, за столицу Венгрии дрались ожесточеннее, чем после за свои немецкие города. Наше наступление на Будапешт началось 25 декабря 1944 года, а пал город только 13 февраля 1945. Дальше были Чехословакия, Брно, Братислава...

За взятие Братиславы наш батальон получил имя Братиславского и орден Александра Невского и стал называться 273-й инженерно-саперный Братиславский ордена Александра Невского батальон.

«А война-то закончилась!»

Помню, большое удивление постигло нас под Прагой. Река Влтава была уже форсирована, когда туда подошел наш батальон. На противоположном берегу реки мы увидели... отдыхающих чехов. Оранжевые палатки, надувные матрасы, люди плавают, загорают. Мы долго в шоке пребывали: мы их тут освобождаем, воюем, погибаем – а они купаются!

Бои почти прекратились, и мы занимались в основном разминированием объектов, в том числе мостов. 7 мая наша рота остановилась на ночлег в одном чешском селе под Прагой. А утром я проспал выход, и обнаружил, что рота ушла. Отправился на поиски и по дороге встретил незнакомого подполковника-связиста, который подсказал мне, где искать своих. Когда мы расставались, он сказал: «А война-то закончилась!»

Своих я нагнал в селе Ведровице. 10 мая мы пришли в Прагу, куда накануне вошли танкисты маршала Рыбалко. И советский танк под номером 23, который первым въехал на улицы Праги, чехи позже установили на постаменте на берегу Влтавы. Правда, после событий 1968 года они его убрали...

Домой мы отправились только в июне 1946 года. До этого времени занимались разминированием оккупированных территорий, в частности, берегов озера Балатон, и сопровождением офицерского состава, выполнявшего топографическую съемку и картографирование освобожденных территорий. В Советский Союз возвращались через Венгрию и Румынию на Украину. Прибыли в Запорожье, позже нас перевели в Симферополь. Батальон занимался разминированием берега Черного моря, в том числе зданий и других сооружений. Демобилизовали меня только в марте 1950 года.

Первый опыт на «Приднепровке»

Вернулся в Чимкент. Все мои школьные знания за восемь лет, конечно, подзабылись, и я беспокоился, что не смогу поступить в институт. Поэтому решил еще раз сдать экзамены за 10 класс, только на этот раз в вечерней школе. Получил аттестат и серебряную медаль и сразу решил поступать в Московский энергетический институт, в котором учился мой друг.

После окончания института в 1956 году по распределению попал на Приднепровскую ГРЭС Днепроэнерго инженером электролаборатории. В то время Приднепровская ГРЭС была флагманом советской энергетики. Первая очередь строительства станции предусматривала ввод четырех энергоблоков по 100 МВт с дальнейшим расширением до шести блоков. Строительство станции велось очень быстрыми темпами: в 1954 году был пущен первый энергоблок, а в 1956-м я уже участвовал в пуске четвертого. После завершения третьей очереди строительства с блоками 150–300 МВт общая мощность станции составила 2 400 МВт.

В период строительства станции велось строительство линий электропередачи 154 и 330 кВ, осваивались новейшие средства релейной защиты. Днепроэнерго активно внедряло передовой опыт и новые технологии: именно здесь на линиях 154 кВ были введены в работу новые устройства защиты от междуфазных коротких замыканий, разработанные Службой РЗА Днепроэнерго. Кроме того, Днепроэнерго ежегодно проводило совещания релейщиков, приглашая на них специалистов крупнейших в то время управлений – Донбассэнерго, Свердловскэнерго, Челябинскэнерго.

С помощью прекрасных наставников на Приднепровской ГРЭС я приобрел свой первый опыт работы. Научился наладке аппаратуры релейной защиты и коммутационной аппаратуры. Здесь же мы впервые провели испытания на самозапуск электродвигателей на блоке 150 МВт. Именно эти натурные испытания позволили прийти к важному выводу, что при кратко-

Приднепровская
ГРЭС

временных перерывах питания собственных нужд с последующей работой автоматического ввода резерва опасным является не перегрев электродвигателей, а возможные нарушения технологического режима работы энергоблока. Такой вывод заставил специалистов обратить пристальное внимание на выбор уставок и согласование действия технологических и электрических защит и автоматики энергоблока.

В конце 1963 года меня пригласили работать на строящуюся Конаковскую ГРЭС заместителем начальника цеха по релейной защите и автоматике. Я с семьей – женой и дочерью – переехал в Тверскую область.

«Конаково, Конаково, о тебе узнает вся страна»

На Конаковской ГРЭС уже монтировался первый энергоблок 300 МВт, пуск которого был назначен на конец 1964 года. Как правило, все первые включения блоков приходились на ночь. На щите управления скапливалась уйма руководящего народа, но стоило только включить блок и доложить об этом в высшие инстанции, как всех наших руководителей как ветром сдувало со станции: они отправлялись на банкет в честь удачного пуска. Мы же, релейщики и наладчики, оставались на месте для проверки цепей защиты блока под нагрузкой. После окончания всего комплекса проверок мы, конечно, тоже отмечали событие по-свойски.

На Конаковской ГРЭС многое было сделано для усовершенствования работы оборудования, повышения его надежности, автоматизации контроля ряда параметров оборудования. В 1969 году станция заработала на полную проектную мощность – 2400 МВт. С момента начала строительства прошло всего восемь лет.

Вообще 60–70-е годы прошлого века – золотое время советской энергетики. Это был период ускоренного ее развития на базе ввода тепловых энергоблоков 200–300 МВт и мощных ГЭС. Ежегодно в строй вводилось по 10–12 млн кВт мощности, работа кипела по всей стране. И я рад, что начинал свой путь в энергетике именно в это время.

Тридцать лет работы в ЦДУ

В феврале 1973 года в ЦДУ ЕЭС СССР произошел трагический случай: в авиакатастрофе при заходе самолета на посадку в аэропорту Праги погибли четыре специалиста ЦДУ, в том числе мой институтский товарищ Отар Махарадзе. Заместитель главного инженера Владимир Семенов, с которым мы были хорошо знакомы по моей прежней работе на станциях, пригласил меня на место погибшего Отара. Я согласился и приступил к работе в должности начальника Службы разработки средств оперативного управления (РСОУ).

Как раз в это время строилось здание ЦДУ на Китайском проезде (ныне Китайгородский). Сотрудники ЦДУ тоже активно участвовали в процессе: моя служба, как и все, подносила строителям стройматериалы. Диспетчерский щит еще только монтировался, и Служба РСОУ совместно со Службой телемеханики и связи занималась разработкой и вопросами изготовления на ленинградском заводе «Электропульт» приборов отображения информации и диспетчерских пультов.

Новый диспетчерский щит ЦДУ был введен в октябре 1976 года. Поколения вычислительных машин, устанавливаемых в ЦДУ, быстро менялись. Наша Служба занималась внедрением АСДУ в объединенных диспетчерских управлениях. Это была пора сплошных командировок, так как я входил в состав большинства комиссий по приемке в эксплуатацию АСДУ энергосистем. Кроме того, полным ходом шло внедрение АСУП на энергообъектах: Красноярской, Братской, Саяно-Шушенской ГЭС, сетях 500 кВ Урала.

В 1970 – 80-е годы ЦДУ было тесно связано с павильоном «Электрификация» на ВДНХ. Под руководством ЦДУ в павильоне регулярно проходили выставки средств оперативно-диспетчерского управления, совещания по обмену опытом внедрения АСДУ и АСУП. Мы сотрудничали с ведущими энергетическими научно-исследовательскими институтами, отечественными и зарубежными производителями. ЦДУ самое серьезное внимание уделяло внедрению противоаварийной автоматики, и в начале 80-х было принято решение о разработке новых системных устройств на базе микропроцессорной техники. Такое устройство – комплекс ТА-100 – был разработан и в качестве пилотного проекта был установлен в ЦДУ. С помощью ТА-100 организовывали сбор, обработку и отображение на диспетчерском щите телемеханической информации, которая поступала на центральный диспетчерский щит из всех ОДУ. Очень быстро изготовителем было выпущено еще несколько комплектов ТА-100, которые были внедрены в наиболее важных на тот момент узлах: на Костромской ГРЭС, Братской ГЭС и подстанции Южная, принадлежащей Свердловэнерго. Но в 80-е годы микроэлектроника развивалась так стремительно, что ТА-100 устарел сразу после его внедрения. Ему на смену пришли комплексы противоаварийной автоматики на базе мини- и микро-ЭВМ.

Чуть позже наша служба активно занималась вопросами автоматизации и контроля электропотребления на предприятиях и в ряде энергосистем. Были подготовлены необходимые директивные материалы, вышли соответствующие приказы Министерства энергетики, ускорились работы по выпуску счетчиков электроэнергии, оснащенных цифроимпульсными датчиками, сумматоров и информационно-измерительных систем.

Сотрудники ЦДУ
Г. А. Черня,
М. В. Симакова,
У. К. Курбангалиев

В 90-е годы наша служба серьезно работала над проблемой коммерческого учета межгосударственных перетоков электроэнергии и созданием автоматизированной системы контроля и учета электроэнергии (АСКУЭ). Разработали концепцию АСКУЭ, которую утвердило РАО ЕЭС России. Приборами учета были оснащены перетоки с Украиной, Казахстаном, другими странами.

В ЦДУ я проработал до 2003 года – до ухода на заслуженный отдых. Часто вспоминаю наш дружный коллектив, интересную работу тех лет. К сожалению, многих коллег уже нет с нами, но память о них живет. Важно, чтобы и молодое поколение не забывало тех, кто внес огромный вклад в дело становления и развития Системного оператора. Главный инженер ЦДУ Георгий Антонович Черня, заместитель главного инженера Владимир Александрович Семенов, начальник службы ОАСУ Евгений Исаакович Бланк, заместитель главного инженера Соломон Абрамович Совалов, главный диспетчер Василий Тихонович Калита, начальник Службы РЗА Михаил Арнольдович Беркович и многие-многие другие имена, вписанные в историю отечественной энергетики.

Рабочий визит
в Японию

Делегация
Нигерии в ЦДУ

**Николай
Михайлович
МАЛЫШ**

ДВЕ ПОБЕДЫ СЕРЖАНТА МАЛЫША

Николай Михайлович родился в селе Рощино Приморского края, которое до 1957 года носило название Стройка. Отец умер, когда сыну едва исполнился год. Мама воспитывала восьмерых детей одна. Перед войной семья переехала в город Иман (ныне Дальнереченск), расположенный в Приморском крае у самой границы с Китаем.

В 1942 году, когда Николай был десятиклассником, в школу где он учился пришел морской офицер, который отбирал желающих для поступления в военные училища. Николай загорелся желанием стать военным. Он пытался пройти медицинскую комиссию сначала в военно-морское, а затем в летное училища. Удачной оказалась лишь третья попытка: Николай поступил в пехотное училище в городе Белогорске Амурской области. После шести месяцев учебы в звании сержанта был направлен для прохождения службы в 18-ю отдельную стрелковую Хабаровскую бригаду.

Первым боевым заданием молодого бойца стало сопровождение эшелона с авиационными бомбами, следовавшего в район боевых действий 4-го Украинского фронта. Охраняя важный груз, Николай и шестеро его сослуживцев пересекли всю страну. Особенно нелегко им пришлось, когда эшелон следовал по территории Западной Украины, где часто случались ночные нападения и грабежи. Но несмотря ни на что боеприпасы были доставлены в целости

Родился 20 декабря 1923 года в Приморье. В 1943 году после обучения в пехотном училище получил звание сержанта. Его первым боевым заданием стало сопровождение эшелона с боеприпасами, который направлялся на фронт. В 1944 году стал шифровальщиком, после чего проходил службу в штабе 2-го Дальневосточного фронта, участвующего в разгроме японских милитаристов.

и сохранности. Николай Михайлович помнит, как боевой командир, принимавший груз, пошутил: «Жаль, что бомбы слишком легкие, всего по 50 килограмм, в следующий раз везите побольше, килограмм по 500!»

Вернувшись на Дальний Восток, Николай Михайлович получил предложение пройти переподготовку в особо секретном 8-м отделе штаба 2-го Дальневосточного фронта, и в начале 1944 года стал шифровальщиком. «Чтобы в совершенстве овладеть искусством шифрования, нужно было запомнить множество кодов, – вспоминает Николай Михайлович, – это было одной из самых сложных задач».

Всю войну с Японией Николай Михайлович участвовал в обеспечении взаимодействия советских войск на Дальнем Востоке. Он и его товарищи по шифровальному делу не раз бывали на передовой в самой гуще боевых действий.

Освобождение
Сахалина.
1945 год

Николай Михайлович с особым теплом вспоминает своих однополчан. Вот что он рассказал о своем друге шифровальщике лейтенанте Журавлеве: «Шли бои за освобождение Сахалина от японцев. Наши корабли не могли близко подойти к берегу, были сильные волны, а осадка боевого судна – 2–3 метра. К тому же, японцы обстреливали все береговое пространство. Корабли останавливались

за десять метров до берега, после чего солдаты в полной боевой выкладке прыгали воду, которая несмотря на август была очень холодной. В таких условиях тонули даже хорошие пловцы, что уж говорить о тех, кто не умел плавать. Шифровальщиков сопровождали три солдата охраны, и из всей боевой выкладки у нас была только шифровальная сумка. Достигнув берега, лейтенант Журавлев оставил эту сумку сопровождающим и под вражеским огнем бросился спасать тонущих товарищей. В тот день он вытащил из воды семь бойцов. За этот подвиг лейтенант Журавлев был награжден орденом Красной Звезды».

В 1947 году Николай Михайлович демобилизовался и переехал в Пермь, где нашел свое семейное счастье и любимую работу в энергетике. Более 30 лет работал на энергопредприятиях Пермской энергосистемы, из них свыше 20 лет – на диспетчерской работе. Трудовой путь в энергетике начал в 1951 году с должности слесаря котельного цеха на одной из старейших электростанций региона – Пермской ТЭЦ-6. На заслуженный отдых ушел в 1984 году с должности инженера Центральной диспетчерской службы РЭУ «Пермэнерго». За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «За победу над Японией». Имеет почетное звание «Ветеран труда».

**Николай
Владимирович
ЛИСИЦЫН**

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО...

Начало войны застало нас с братом в городе Горький (ныне Нижний Новгород), где мы гостили на каникулах у своей тетки. Мне в это время было неполных 12 лет, брат был на год старше. То, что начался очень тяжелый период в жизни страны, нам стало сразу понятно, когда мы стояли утром на площади и слушали у радиорепродуктора повторение (впервые его сообщили по радио рано утром) заявления Молотова о нападении Германии на СССР: все слушавшие взрослые выглядели очень серьезными и озабоченными, никаких разговоров о том, что скоро мы победим и война закончится, не было. По всей видимости, большинство жителей понимали всю серьезность сложившегося положения. Сразу была объявлена мобилизация, и мы могли наблюдать, как нескончаемой лентой по городским улицам на вокзал и на пристани двигалась масса мобилизованных в полном обмундировании в сопровождении плачущих родственников. Позже мы поняли, что вернуться домой большинству из них было не суждено: на их долю выпал тяжелый долг принять на себя первый удар немецкой военной машины с участием войск практически всех стран Европы и с тяжелыми боями сдерживать противника вплоть до подступов к Москве.

Родился в 1929 году в городе Александрове Владимирской области. Закончил электротехнический факультет Ивановского энергетического института. После института работал в районном энергетическом управлении «Молотовэнерго», затем трудился на строительстве Сталинградской ГЭС в г. Волжский. В Центральном диспетчерском управлении отработал два десятилетия — с 1982 по 2002 год.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Москва. 1941 год — н. в.

Зловещие перемены

На железной дороге сразу ввели пропускной режим, и вернуться домой в Иваново мы смогли лишь после того, как мама получила для нас специальный пропуск. Пока мы были в Горьком, во дворах домов начали сооружать бомбоубежища – щели. Это были глубокие окопы, покрытые бревнами и засыпанные землей. Позже наша тетя рассказывала, что им часто приходилось там укрываться во время налетов фашисткой авиации на оборонные заводы города Горького. Когда мы вернулись домой, уже ввели карточную систему на продукты, окна обязали заклеить лентами крест-накрест, чтобы при бомбежках было меньше осколков стекла, и ввели обязательное затемнение окон в темное время суток. В подвалах больших домов оборудовали бомбоубежища, всем, включая нас, детей, раздали противогазы.

Весной 1941 года, еще до окончания школьных занятий, мы с братом и несколькими товарищами по дому записались в столярно-слесарный кружок Дома пионеров. Этот кружок располагал двумя большими помещениями, в одном было установлено несколько детских столярных верстаков со всеми инструментами и токарный станок по дереву, в другом были слесарные верстаки, токарный и сверлильный станки. Руководил нами очень доброжелательный и грамотный пожилой мастер, звали его Федор Ефимович. Он успел в первые месяцы дать нам основные навыки работ. Когда начались занятия, уже в условиях войны, Федор Ефимович объявил нам, что получил заказ от одного из заводов на сборку катушек для провода для военных связистов. За эту работу нам полагалась рабочая карточка на хлеб (400 грамм вместо иждивенческой нормы 300 грамм) и некоторая сумма денег. Мы чрезвычайно этим гордились и с удовольствием после школьных уроков трудились в Доме пионеров. Кроме этого, был заказ на гражданскую продукцию – санки: делали из металлической ленты полозья с каркасом и прикрепляли сверху деревянные рейки.

К началу 1941–1942 учебного года практически все школьные здания были переоборудованы в военные госпитали, и учеба продолжалась в подвалах бомбоубежищах, в частных домах и квартирах и других приспособленных помещениях. Но, надо отметить, занятия не прерывались ни на один день. Мы сидели в верхней одежде, писали за отсутствием тетрадей на старых газетах, чернила нередко замерзали в чернильницах. А классный руководитель после пропуска уроков обязательно приходила на дом справиться о причинах отсутствия. В самые тяжелые голодные дни ученикам раздавали по крошечной булочке, а самым ослабленным давали талон на дополнительное питание в специальной столовой.

Тревожные дни

Самыми тревожными были октябрь и ноябрь 1941 года. Немцы вплотную подошли к Москве, в нашем городе на всех подступах выставили противотанковые «ежи», население мобилизовали на рытье противотанковых рвов. Краткосрочная паника в Москве коснулась и нашего города. Эвакуированное в Иваново Министерство легкой промышленности срочно перебазировалось подальше – в

Барнаул. Были слухи, что будут взрывать все фабрики, и поэтому решено было раздать населению весь запас готовой ткани и хлопка (ваты). Несколько дней по городу люди несли полученные материалы. Затем были приняты решительные меры по прекращению паники, и город вернулся к трудовым будням, а наступление под Москвой вернуло уверенность в победе.

С бытовой точки зрения самым тяжелым периодом была осень 1941 года и последующая зима. Продовольственный пай был ограничен лишь хлебной нормой (300–400 грамм), запасов продовольствия практически никто не имел, на рынке ассортимент был исключительно беден, поскольку все сельское мужское население было в армии, и женщины с детьми могли прокормить с приусадебных участков лишь себя. Зимой в квартирах температура держалась в пределах 7–8 градусов, спали в зимних пальто и валенках, электроэнергию в дома подавали очень редко и в качестве осветительных приборов применялись коптилки – бутылочки с керосином с веревочным фитилем. Постепенно почти все квартиры оснастились буржуйками – они быстро нагревали помещение, но тепла не хранили, кроме того, возникли проблемы с дровами. В результате постоянного недоедания и холода у всех детей были распухшие суставы на руках, одолевали чирьи. Самым мучительным был, конечно, голод. Постоянно хотелось есть, использовали даже картофельные очистки. Наша мама работала школьной учительницей, а после работы они с соседкой ходили в госпиталь кормить раненых и мыть посуду и полы. Иногда она приносила из госпиталя нам с братом пирожок с рисом, для нас это был праздник. С приходом весны все свободные площади в городе, кроме дорог и трамвайных путей, были перекопаны под огороды, и летом город выглядел сплошным зеленым ковром. Всем желающим были выделены за городом земельные участки. Выращенный к осени урожай картошки и овощей помог решить продовольственную проблему.

Юные труженики

Наш столярно-слесарный кружок к весне прекратил существование с призывом в армию его руководителя, и все последующие каникулы мы с братом работали в пригородном совхозе, освоив большинство крестьянских профессий. Во-первых, работу с лошадьми: уход за лошадью, чистка стойла, упряжка в телегу и сани, конный плуг или окучник, перевозка грузов – дров, зерна, картофеля, навоза и др. Не забуду, как меня снарядили возить в ассенизационной бочке навозную жижу для подкормки капусты. Бочку надо было наполнить черпаком из колодца на скотном дворе, привезти на поле и вычерпывать ведром. Весь я был облит этим продуктом, но с тех пор для меня не существовало грязных работ.

Пришлось научиться сажать картошку под плуг, окучивать конным окучником, выпахивать урожай плугом, косить траву и зерновые, отбивать косу, помогать кузнецу ковать лошадей, делать щепу (дранку) и ремонтировать кровлю и многое другое. В детском возрасте всякая работа была не в тягость, а вызывала даже гордость, что ты помогаешь выполнять взрослое дело. Помню, как я гордился, когда впервые поднял с телеги на плечи и отнес в хранилище мешок картошки (примерно 50 килограмм).

Москва. 1941 год - н. в.

Иногда нам, мальчишкам, 16-летний тракторист доверял пройти несколько заходов пашни на колесном тракторе с многокорпусным плугом. Трактор был с металлическими колесами с шипами, без кабины. Сейчас это музейная редкость. Кроме общественных работ мы с братом, зная о голоде не понаслышке, беспрекословно работали на личном участке. И еще вместе с местными ребятами разводили кроликов, сами делали клетки, научились забивать кроликов и снимать шкуры, которые сдавали в охотничий магазин за деньги или какой-нибудь товар.

Жертвы войны

Из впечатлений военных лет сохранилась память о большом количестве инвалидов – безногих, безруких, с другими страшными увечьями. Мне довелось, по моему, в 1943 году ехать в поезде вместе с выписанным из госпиталя после ранения молодым парнем лет восемнадцати. Он был одет в свежие гимнастерку и брюки, одна рука была ампутирована выше локтя, другая с отрезанной ладонью и разделенными локтевыми костями наподобие щипцов. Он ехал к матери домой и благодарил врачей, что они сохранили ему часть руки, и я не слышал от него жалоб на свою судьбу. Потом он попросил помочь ему сходить в туалет, а после этого он вдруг во весь голос закричал: «Возьми спичку и поверни глаз!» Оказывается, у него еще был и вставной глазной протез и он, повернувшись, причинял ему страшную боль.

На рынке выздоравливающие раненые заправляли торговлей сахарином. О настоящем сахаре мы и не мечтали, и поэтому покупали порошки сахарина, одного кристаллика которого хватало на стакан кипятка. В 1943 году большинство одноклассников приняли в комсомол, комсомольский билет нам вручал секретарь райкома, наверное, лет двадцати с ампутированной выше локтя правой рукой. До сих пор помню его подпись в билете с характерным для леворуких наклоном. Мое первое комсомольское поручение было связано с какой-то проверкой в комсомольской организации протезно-ортопедического завода. Помню ошарашивающее впечатление, когда молодая работница-комсомолка провела меня в производственный зал, который был заполнен сотнями искусственных рук и ног. Помню также, как зимой 1941 года наш соученик, живший за вокзалом, рассказал нам, что по дороге на занятия увидел, как из товарных теплушек выгружали и складывали на платформе тела эвакуированных из блокадного Ленинграда мертвых детей.

По мере приближения Победы настроение в тылу тоже поднялось, люди стали приспосабливаться к военной жизни, обзавелись огородами, многие стали выращивать поросят, на рынке можно было купить молоко и даже сливочное масло. По карточкам иногда перепадали американские консервы, и пресловутая свиная тушенка казалась немыслимо вкусной.

Приближался день Победы, отобранные в начале войны радиоприемники возвратили их владельцам, и мы слушали последние новости по советскому и зарубежному радио и чувствовали, что скоро конец страшной войне. 9 мая весь город вышел на улицы, радовался такому великому событию и оплакивал «с кровавых не вернувшихся полей». А впереди было еще два класса школы, институт и великие стройки коммунизма.

Престижная профессия

В 1952-м я окончил электротехнический факультет Ивановского энергетического института. Профессия энергетика в то время была престижной – в стране начинался послевоенный подъем отрасли, специалисты были востребованы.

Учились мы с интересом и горящими глазами. Но в остальном вид у нас, послевоенных выпускников школ, был, прямо скажем, не очень. Мы были изможденные постоянным недоеданием, хилые и, как говорили наши преподаватели, «рахитичные».

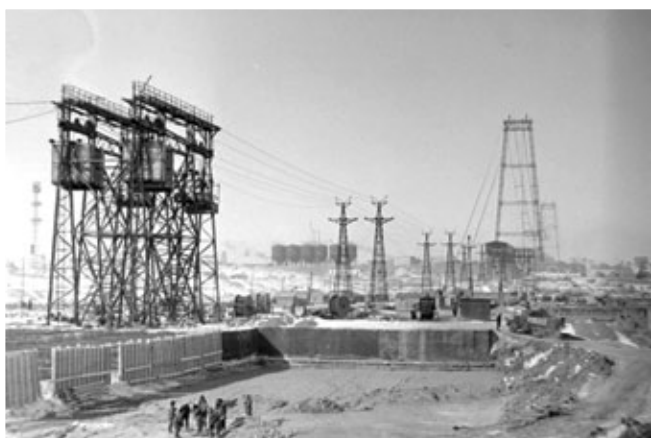
Так получилось, что после окончания института мне разрешили трудоустроиться самостоятельно, а не по распределению. В отделе кадров Минэнерго СССР предложили широкий выбор энергопредприятий – от Урала и до Дальнего Востока. Я выбрал уральский областной город Молотов, сейчас это Пермь, так как знал, что энергетика на Урале была одной из самых развитых в Советском Союзе. Во время войны на Урал были эвакуированы все крупнейшие стратегически важные предприятия промышленности, что подстегнуло значительный рост энергетики. Кроме того, там было построено много электростанций и электросетевых предприятий по плану ГОЭЛРО.

Первый опыт

Семь лет, с 1952 года, я работал в районном энергетическом управлении «Молотовэнерго»: сначала инженером, а с 1954 года – старшим инженером, специалистом по эксплуатации изоляции и защите от перенапряжений. В то время завершалось строительство первой послевоенной электростанции – Камской ГЭС, после пуска которой в Уральской энергосистеме были построены первые линии электропередачи 220 кВ, связывающие Молотов со Свердловском.

Такая «инженерская» жизнь мне очень нравилась. Электрические станции были разбросаны по большой территории, и я должен был периодически объезжать их все. Инженерный обход по линиям электропередачи совершали и пешком, и верхом. Даже трудно предположить, сколько километров я намотал за те семь лет. По мере наработки опыта, чувствовал, что становлюсь настоящим инженером, а не просто дипломированным специалистом после института. За время работы в Молотовэнерго успел неоднократно повысить квалификацию на различных курсах, в том числе окончить заочный факультет усовершенствования инженеров Московского энергетического института.

Уже к концу работы в Молотовэнерго я, скажу честно, заскучал. Молодая душа рвалась идти на какой-нибудь крупный объект, где все кипит и крутится.

Строительство
Сталинградской
ГЭС. 1965 год

Как раз в это время мои товарищи по работе, завершив строительство Камской ГЭС, уехали проводить пусковые работы на первой очереди строящейся Сталинградской ГЭС. Довольно быстро они сманили туда и меня, и в 1959 году я, к тому времени уже с семьей, переехал в город Волжский.

Трудиться на такой крупной стройке было настолько интересно с точки зрения получения уникального профессионального опыта и почетно, что многие приезжали туда даже на более низкие должности, чем на предыдущем месте работы, лишь бы оказаться причастным к строительству крупнейшей

в мире ГЭС. Я начинал с должности старшего инженера, но довольно быстро стал руководителем группы в электротехнической лаборатории.

Самым торжественным и памятным для меня событием за шесть лет работы на Сталинградской ГЭС стало участие в пуске промышленного трансформатора 500 кВ. Это было 23 декабря 1959 года. Слякоть, холод. Собрались все наладчики – заканчиваются последние проверки. Вот я ставлю одним из последних подпись, что трансформатор может быть включен в работу. Председатель пусковой комиссии дает команду на включение – и зашумело, загудело. А уже через неделю была включена линия 500 кВ Сталинград – Москва.

Для меня это, конечно, эпохальные события – работа на самой крупной в мире ГЭС, включение первого в мире трансформатора под напряжение в 500 кВ! После ввода в постоянную эксплуатацию на станцию за

профессиональным опытом приезжали не только технические специалисты со всего Советского Союза и из-за рубежа, но и высокопоставленные гости, отношения к энергетике не имевшие. При мне станцию посещали Шарль де Голль, последний император Эфиопии Хайле Селассие, президент Югославии Иосип Броз Тито, английские лорды – в общем, самое высшее общество. Некоторых гостей я сопровождал в качестве переводчика по техническим терминам, так как увлекался техническим английским и неплохо его знал.

Работа в полевых условиях

Экибастуз – Центр

В 1967 году я устроился в Волгоградэнерго руководителем службы защиты от перенапряжения и испытания оборудования. А в 1975 году у Минэнерго возникли планы построить несколько электростанций в районе Экибастузского месторождения угля в Казахстане. Две там уже работали, но на таком богатом угольном месторождении планировалось создать кластер электростанций. Электроэнергию собирались передавать в дефицитный Центр по самой длинной на планете линии электропередачи постоянного тока напряжением 1 500 кВ Экибастуз – Центр. Протяженность ЛЭП по проекту составляла 2 414 км, передающая подстанция должна была находиться в Экибастузе, а приемная – в Тамбове.

До начала строительства необходимо было опробовать ряд технических решений, для чего в Белом Расте Дмитровского района Московской области начали проектирование опытной установки, преобразующей электрический ток из постоянного в переменный. Трест ОРГРЭС собрал специалистов по постоянному току, в число которых попал и я, нас вызвали в Москву, предоставили квартиры в подмосковном Долгопрудном.

В течение года мы вели подготовительные работы по пуску этого испытательного центра, где должно было проводиться испытание основного оборудования, создаваемого для линии Экибастуз – Центр, а также передовых для того времени проектных решений по схемам преобразовательных устройств. Но из-за начавшегося развала Советского Союза электропередача так и не была завершена. Из всей протяженности линии было построено только несколько сотен километров, включая переход через Волгу около Саратова.

60 лет в энергетике

В 1982 году начался новый этап моей профессиональной жизни – работа в оперативно-диспетчерском управлении. В Центральное диспетчерское управление я пришел на должность старшего инженера, занимался в том числе и вопросами защиты от перенапряжений. Тут большим плюсом оказался мой опыт практической работы и на электростанции, и в сетевой организации: оперативная сводка для меня уже не просто цифры – я ясно представлял все процессы, которые происходят непосредственно на объекте.

Через четыре года я стал заместителем главного инженера и в числе своих обязанностей вел совместную работу с главными энергетиками всех промышленных министерств по текущим вопросам и прогнозам электропотребления. В каждом промышленном министерстве были управления главного энергетика, которые отвечали за энергоснабжение своих подведомственных предприятий. И хотя лимиты потребления устанавливал Госплан, режимы потребления ЦДУ согласовывало именно с главными энергетиками министерств. Допустим, если где-то аварийно выходила из строя линия и нужно было срочно снизить нагрузку, приходилось отключать крупных потребителей. Вопросами договоренности по привлечению крупных потребителей к противоаварийной автоматике ограничения потребления в данном случае я и занимался.

Мне повезло работать в то время, когда Единая энергосистема переживала бурное развитие: в европейской части ЕЭС сформировалась развитая сеть 500–750 кВ, в азиатской части, одновременно с развитием сети 500 кВ, промышленно осваивалось напряжение 1 150 кВ. Были введены крупнейшие энергоблоки на тепловых и атомных электростанциях. Завершено сооружение крупнейших ГЭС Сибири, и том числе Саяно-Шушенской мощностью 6 400 МВт.

Управление таким гигантским, синхронно работающим объединением, протянувшимся на семь тысяч километров с запада на восток и на три тысячи километров с севера на юг, представляло собой сложнейшую инженерную задачу, не имевшую аналогов в мире. В ЦДУ, всегда обладавшем статусом элитной организации, в то время работало много замечательных специалистов: главный диспетчер Василий Калита и сменивший его на этой должности Александр Бондаренко, Соломон Совалов (после его выхода на пенсию меня назначили на освободившуюся должность заместителя главного инженера, которую до этого занимал Соломон Абрамович), Марлен Портной – начальник службы оптимизации электрических режимов, с которым я был знаком еще по работе в Перми, Анатолий Окин – будущий главный инженер, Федор Морозов – начальник ЦДУ, Усман Курбангалиев – начальник службы разработки средств оперативного управления, Владимир Семенов – заместитель главного инженера. Отличительной чертой сотрудников Центрального диспетчерского управления была абсолютная преданность любимому делу и высочайшая ответственность за выполнение своих обязанностей. Мне кажется,

что эта благородная традиция продолжается в современном коллективе Системного оператора.

В Центральном диспетчерском управлении я отработал два десятилетия – с 1982 по 2002 год, и много лет спустя продолжал сотрудничать с Системным оператором, выполняя договорные работы по выполнению определенных расчетов. Мой трудовой стаж почти 60 лет, за

это время я участвовал в пуске и

освоении электростанций общей мощностью около 10 000 МВт.

Я успел поработать на десятках энергообъектов, узнать сотни интереснейших людей, побывать во многих уголках России. Горжусь, что треть моей трудовой жизни прошла в ЦДУ, где действительно сосредоточена элита энергетики, где работают самые интеллектуальные и опытные кадры. С полным основанием могу подвести итог: у меня счастливая рабочая биография.

в ЦДУ ЕЭС

**Никандр
Дмитриевич
КУЗНЕЦОВ**

ЗАЩИТНИК ВЕЛИКИХ ЛУК

Я родился и большую часть детства провел в городе Свердловске. За несколько лет до войны моему отцу с семьей пришлось переехать в город Полевской, где я и учился с восьмого класса.

На летних каникулах после девятого класса мы с ребятами поехали кататься на лодке по прудам. Вернувшись домой, услышали по радио обращение наркома иностранных дел Вячеслава Молотова, который сообщил о внезапном нападении Германии на Советский Союз и утренней бомбежке Киева. Тогда нам с одноклассниками было всего по 16 лет, но мы уже поняли, что нам придется принять в войне непосредственное участие.

В 1942 году я с отличием окончил школу, и для нас, выпускников, организовали вечер, куда был приглашен военком города Полевской. Я и пятеро моих товарищей добровольно вызвались защищать Родину, не дожидаясь положенного времени. Мы уговорили военкома записать нас в военную летную школу, и 10 июня 1942 года были направлены в Курганскую школу авиационных механиков. Уже в Кургане мне предложили перевестись в Тюменское военно-пехотное училище, которое я и закончил в феврале 1943 года, получив звание лейтенанта.

После завершения обучения меня направили в Москву для распределения на фронт. Там я впервые увидел, что представляет собой прифронтовой город. Население в

Родился 14 октября 1924 года в Свердловске (Екатеринбурге). В 1943 году после окончания Тюменского военно-пехотного училища в составе 3-й ударной армии принимал участие в Великолукской наступательной операции. После тяжелого ранения был госпитализирован и демобилизован. В 1944 году поступил в Уральский политехнический институт на специальность «Электрические станции, сети и системы». В 1949 году пришел на работу в ОДУ Урала инженером в Службу электрических режимов. С 1965 по 1986 годы возглавлял Службу вычислительной техники ОДУ Урала. Никандр Дмитриевич награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За годы работы в оперативно-диспетчерском управлении он неоднократно награждался отраслевыми премиями и наградами. В 1981 году ему присвоено почетное звание «Ветеран труда».

основном эвакуировано, на площадях разобрана брусчатка, установлены зенитки. Персонал зенитных орудий – в основном женщины. На улицах и подходах к городу установлены противотанковые ежи.

В Москве я пробыл около недели и проследовал на Калининский фронт. Этот фронт был образован, когда немцы не смогли взять столицу с западного направления и попытались провести наступательную операцию с севера со стороны города Калинина (ныне – Тверь).

Я был назначен командиром стрелкового взвода 145-й отдельной стрелковой бригады 3-й ударной армии. Наше подразделение стояло в обороне города Великие Луки.

Город был весь разбит немецкой артиллерией. Комендант города работал в подвальном помещении в разрушенном здании. Каждое утро начиналось с нескольких залпов немецких дальнобойных артиллерийских орудий. Но, несмотря на постоянные обстрелы, Красная армия закрепилась в городе прочно, и взять его немец уже не мог.

Условия на фронте были очень тяжелые. Дневной паек бойца состоял из трех кусков хлеба и нескольких порций супа «рататуй» из гороха, поставленного в рамках ленд-лиза. Понятно, что солдаты постоянно были голодными. Офи-

Передовая и
город Великие
Луки во время
войны

церам полагалось дополнительно печенье и сливочное масло. Я всегда делил этот дополнительный паек со своими командирами отделений. Наши позиции были в болотистой местности. Люди неделями ходили по этим болотам, не имея возможности снять одежду и просушить обувь, отдохнуть. Но были и плюсы, если это вообще можно так назвать. Особенность ударной армии – это постоянные бои. Поэтому и оплата была, как в гвардейской части – в полуторном размере.

Бои были очень кровавые. Активно использовалась тяжелая ствольная и реактивная артиллерия. Мне самому приходилось корректировать огонь «Катюш» по немецким позициям. Видел, как работают наши артиллеристы – раздеваются по пояс и «насыпают» снаряды в орудие, все тело буквально блестит от пота. Кони, которыми возили пушки, очень чутко слышали обстрелы. Когда нет обстрела, они спокойно пасутся, как только услышат звук залпа с немецкой стороны, наостряют уши и отпрыгнут в сторону. Они как-то чувствовали, куда попадет снаряд.

В последнем моем бою 28 мая 1943 года мне дали приказ взять высоту 101. Во время боя осколок снаряда попал мне в поясницу. Боли почти не почувствовал, провел рукой по месту попадания, увидел кровь, но продолжил наступление. В ходе боя получил второе ранение. Первая мысль была, что снарядом оторвало ноги, но их только перебило осколками. После боя я был госпитализирован в тяжелом состоянии. Первую неделю врачи занимались только ранением ног. Они не сразу увидели первое ранение, да и я сам про него забыл. Его случайно заметила медсестра, что, наверное, меня спасло. В госпитале мне доложили, что из моего взвода живыми и не ранеными осталось два человека. За последний бой я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За отвагу».

Я пролежал в госпитале девять месяцев. В 1944 году был демобилизован по состоянию здоровья и вернулся в город Полевской. Начал потихоньку возвращаться к мирной жизни. В 1944 году поступил в Уральский политехнический институт (УПИ) на специальность «Электрические станции, сети и системы».

После окончания института по распределению я должен был ехать на Нижнетурьинскую ГРЭС, но наш завкафедрой Давид Ефимович Трофименко, который в свое время был также заместителем главного диспетчера ОДУ Урала, порекомендовал меня руководству диспетчерского управления. Меня приняли на работу инженером Службы электрических режимов. Так был определен мой профессиональный и жизненный путь.

После войны энергетика Урала очень быстро развивалась. ОЭС Урала работала в это время с постоянным дефицитом мощности. Часто приходилось ограничивать потребителей. Только в 1956 году после ввода генерирующих мощностей Верхнетагильской ГРЭС стало немного легче.

В первые годы моей работы в диспетчерском управлении Объединенная энергосистема Урала имела сети напряжением 110 кВ, чуть позже появились линии электропередачи 220 кВ. Когда мы осваивали сети классом напряжения 500 кВ, у нас возникло много трудностей. Приходилось работать по различным кривым схемам. Так, мы долго не могли включить в работу линию электропередачи 500 кВ Южная – Златоуст. На одном конце этой линии напряжение было 500 кВ, но со стороны подстанции Златоуст напряжение снижалось до 400 кВ, поэтому первоначально на этой подстанции было установлено оборудование 400 кВ. Из-за больших стоков реактивной мощности было очень сложно отрегулировать оборудование даже этого класса напряжения. Ввод линии был приурочен к празднику 1 мая. Во всех газетах писали, что линия в работе, но в действительности мы ввели ее в эксплуатацию только 3 мая.

В 1956 году в энергосистеме случилась крупная авария, в результате чего отключился Новоуральский атомный завод, и все его производство стояло три дня. Несмотря на то, что я на тот момент работал по специальности

Никандр
Дмитриевич
в молодости

совсем недолго, меня взяли в комиссию, которая была срочно организована для выработки мер по ликвидации этой аварии. В результате продолжительной работы мы подготовили мероприятия по снижению напряжения в энерго-районе Новоуральска, и их реализация позволила восстановить нормальный режим работы энергосистемы, электроснабжения атомного завода и остальных потребителей.

В 1966 году меня назначили начальником недавно организованной Службы вычислительной техники. В течение 20 лет я участвовал в формировании информационно-технологической инфраструктуры ОДУ Урала. Под моим руководством работали программисты, математики. Мы внедряли мощные вычислительные машины ЕС ЭВМ 10-40 и 10-55. Были и малые машины венгерского производства ЕС 10-10. Я непосредственно руководил разработкой программ расчета потокораспределения, эквивалентирования электрической сети и системы. Все это входило в задачи нашей службы до создания Службы автоматизированных систем диспетчерского управления.

Никандр
Дмитриевич
с коллективом
Службы
вычислительной
техники
ОДУ Урала

За то время, что я возглавлял Службу вычислительной техники, я награжден серебряной медалью за разработку, освоение и внедрение в эксплуатацию устройств противоаварийной автоматики и установки «Дельта» для расчетов динамической устойчивости энергосистемы и участие в ходе Выставки достижений народного хозяйства в 1967 году,

премией за внедрение в промышленную эксплуатацию электронно-вычислительной машины М-220, бронзовой медалью за разработку и внедрение Автоматизированной системы диспетчерского управления (АСДУ), созданной на базе современной электронно-вычислительной техники.

В 1976 году я заочно закончил аспирантуру при Ленинградском политехническом институте им. Кирова и защитил кандидатскую диссертацию по проблеме экономичного распределения нагрузок между электростанциями ЕЭС России.

На пенсию я вышел в 1986 году, проработав в оперативно-диспетчерском управлении 37 лет. Мне присвоено почетное звание «Ветеран труда», также награжден медалью «Ветеран труда» и Почетной грамотой Минэнерго СССР, знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР».

**Евгений
Исаакович
БЛАНК**

1922—2012

НА ФРОНТ СО ШКОЛЬНОЙ СКАМЬИ

Призыв в армию

В июне 1941 года я только что окончил среднюю школу в Новосибирске. О войне услышал в первый день – 22 июня. Я с 1937 года занимался конным спортом в Новосибирской кавалерийской школе, и в тот день (это было воскресенье) мы рано утром выехали в конном строю на полевые занятия. Там и услышали, что началась война. Тут было уже не до занятий – мы сразу же отправились обратно в Новосибирск. Первой моей мыслью было – надо идти в армию.

Меня призвали 1 октября. Первое время проходил воинскую подготовку, а кавалеристом я был уже подготовленным. Сначала меня определили в запасной кавалерийский полк в городе Татарске Новосибирской области. Там формировались маршевые эскадроны для отправки на фронт. На передовую попал в ноябре 1941 года, и сразу оказался под Москвой вместе с другими сибирскими частями. Тогда перед всеми, даже кавалеристами, ставилась задача не подпустить врага к столице.

Кавалерия в деле

Сначала это были жесткие оборонительные бои. Нас использовали как обычную пехоту, а лошадей было

Евгений Исаакович попал на фронт, едва успев окончить школу. Он участвовал в битве под Москвой, освобождении Украины, Белоруссии, Венгрии и Чехословакии. Кавалерист, разведчик, неоднократно ходивший за линию фронта. Гвардии старшина Е. И. Бланк закончил войну в Праге. Его тяга к технике предопределила выбор профессии энергетика, которой он посвятил 49 лет своей жизни, из них 42 года Евгений Исаакович проработал в оперативно-диспетчерском управлении. После демобилизации окончил энергетический факультет Среднеазиатского Политехнического института по специальности «Электрические станции, подстанции и системы». С 1953 по 1960 год работал на Ташкентской ТЭЦ инженером электротехнической лаборатории. С 1960 по 1970 год трудился в диспетчерском управлении Средней Азии. В 1970 году переведен в Центральное диспетчерское управление в Москве. Награжден медалью «За оборону Москвы», орденами Красной Звезды.

Москва. Кавалерия на параде 7 ноября 1941 года. 1941 год — н. в.

приказано отвести дальше от линии фронта, чтобы их не побило. Ну а 6 декабря наш кавалерийский корпус осуществил прорыв фронта вместе с танками. Кавалерию использовали именно для таких целей, ведь пехотинцы не так мобильны, а кавалеристы могут идти в ногу с танками. Вот так мы и воевали всю войну вместе с танкистами. После прорыва фронта под Москвой кавалерийские части использовались для глубоких рейдов в тылы противника. Так мы попали под Вязьму, которая была в глубоком тылу у немцев. Шли с боями, громили их тыловые части. Было несколько кавалерийских соединений – корпуса Белова, Доватора, и наш – Соколова. В дальнейшем нас объединили в первую Гвардейскую конно-механизированную группу, командовал ей Плиев. И вместе с танкистами в составе этой группы мы воевали и в Венгрии, затем в Чехословакии. Я был ранен, контужен. Но все равно удавалось остаться служить в своем полку. У меня были легкие ранения в ноги, но я продолжал двигаться и провел в медсанчасти немного времени.

Победа и награды

Известие о победе застало нас в Чехословакии. Осенью 1945 года мы вернулись на Украину, где пришлось повоевать с бандеровцами. А закончилась моя служба в 1946 году. Я был уверен в том, что мы победим, с самого начала войны. Еще до отправки на фронт, когда мы, школьники, собирались на выпускной вечер, все мы были настроены на Победу и верили в нее. После боев под Москвой эта вера особенно окрепла, не было ни тени сомнения.

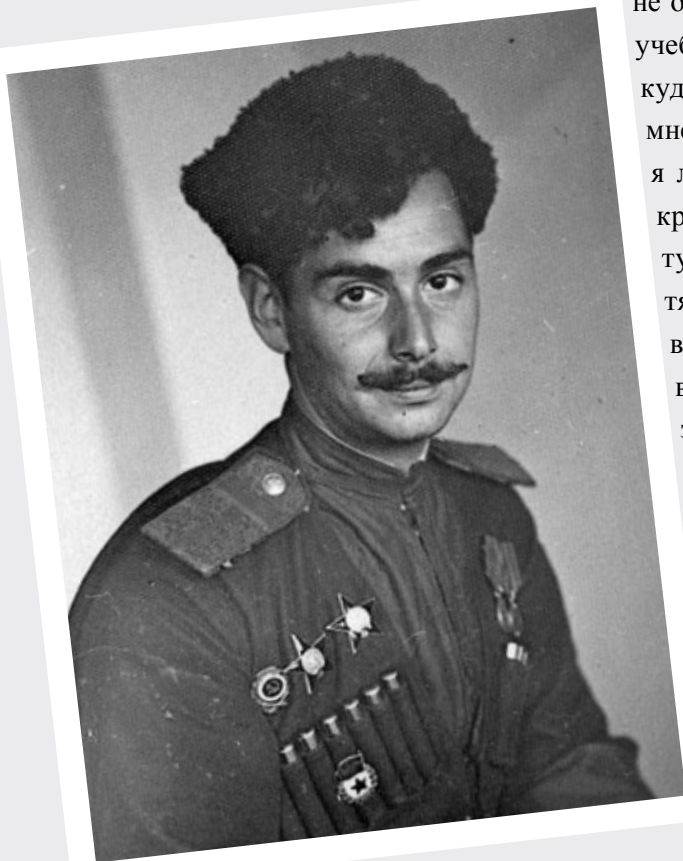
За участие в боях я был награжден медалью «За оборону Москвы», потом орденами Красной Звезды, которые давались за походы в разведку (я долгое время был командиром отделения разведки в своей части). Эти награды особенно дороги мне.

После прорыва
фронта под
Москвой
кавалерийские
части
использовались
для глубоких
рейдов в тылы
противника

Снова за партой

В 1946 году, демобилизовавшись, я приехал в Краснодар, где в это время жила моя мать. Хотел продолжать образование. За годы войны, конечно, знания, полученные в школе, растерялись, было бы трудно поступать в институт. И я поступил в заочную краевую школу для взрослых в Краснодаре. Там учились такие же 22–23-летние парни, которые пришли с войны, в большинстве своем

не окончившие среднюю школу. Я закончил это учебное заведение с золотой медалью, и думал, куда поступать дальше. Еще в средней школе мне все время нравилось что-то монтировать, я любил уроки физики и разные технические кружки. Мой друг пошел в Бауманский институт в Москву, изучать механику и оптику. Он тянул меня за собой, но я отказался – меня привлекала энергетика. Думал, если поступать в институт в Москве, будет холодно учиться зимой – одежды теплой у меня не было. В итоге поехал в Ташкент и там поступил в Среднеазиатский Политехнический институт на энергетический факультет, специальность «Электрические станции, подстанции и системы». Окончил его в конце 1952 года и был назначен по распределению на Ташкентскую ТЭЦ, где в 1953 году и начал свою работу в энергетике – инженером электротехнической лаборатории.

За успешные разведывательные операции Евгений Исаакович награжден орденами Красной Звезды

Жизнь в энергетике

В 1960 меня году перевели в Объединенное диспетчерское управление Средней Азии, а в 1970 году – в Москву в Центральное диспетчерское управление, которое тогда только организовывалось, на должность начальника ОАСУ «Энергия» – отраслевой автоматизированной системы управления. Образована была эта служба для координации объединенных диспетчерских управлений с помощью автоматизированных систем управления и вычислительной техники и электроники. Мы совместно с энергетическими организациями, в том числе институтом «Энергосетьпроект», разрабатывали общие принципы автоматизированного управления энергетическими системами всей страны, участвовали в наладке автоматизированных систем в Москве и в регионах.

Хочу дать напутствие молодому поколению о том, что для достижения своей цели нужно не просто хотеть участвовать в строительстве и развитии энергетики нашей страны, но и всячески этого добиваться, не отступая ни перед какими трудностями!

**Игорь
Александрович
ПАТРИКЕЕВ**

МОЙ ТРУДОВОЙ ФРОНТ

До войны я и мои две старшие сестры с родителями жили в поселке гидростроителей, который был построен около села Подпорожье на реке Свирь. В те годы это был приграничный район, от нашего поселка до Финляндии было всего около 80 километров. Отец работал в тресте «Свирьстрой» бухгалтером, мама некоторое время тоже работала в тресте, а потом занималась нашим с сестрами воспитанием.

Когда началась война, мне было 14 лет. Я успел окончить семь классов. О том, что фашисты напали на нашу страну, мы узнали по радио. Проснулись утром 22 июня, включили, как обычно, радиоприемник, а тут объявляют.

Началась мобилизация, в рабочем поселке возникла суэта, люди стали скупать продукты в магазинах, естественно, с прилавков почти все исчезло. А потом, помню, наступило затишье. После мобилизации наш пяти тысячный поселок опустел. Все руководство куда-то уехало, милиции тоже было не видно, транспорт не ходил. На первый взгляд, тишина и покой. В те дни меня не покидали чувство тревоги и постоянное внутреннее напряжение. Я бы не сказал, что это было из-за страха. Мы были мальчишками, и нам не было страшно, нам было все интересно. К примеру, мы бегали смотреть, как полки самообороны вооружались охотничьими ружьями. Мне кажется, что это были те чувства, которые, перед лицом неизвестности в тот момент испытывали все, и означали они готовность к любым испытаниям.

Родился 19 января 1927 года в городе Весьегонске Тверской губернии. До войны вместе с семьей жил в поселке гидростроителей на севере Ленинградской области. Родители работали в строительном-монтажном тресте «Свирьстрой» Наркомата электростанций, который сооружал гидроэлектростанции на реке Свирь. После нападения фашистской Германии на СССР с семьей речным путем эвакуирован в Пермь (в то время — город Молотов). В 15-летнем возрасте поступил на работу учеником электромонтера в эвакуированный в этот же город трест «Свирьстрой». В сентябре 1942 года переведен на должность электромонтера, на этой должности трудился до мая 1945 года. После войны без отрыва от производства окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. Участвовал в восстановлении Волховской ГЭС в Ленинградской области и строительстве Камской и Воткинской ГЭС. С 1966 по 1987 год возглавлял Центральную диспетчерскую службу РЭУ «Пермэнерго». До выхода на пенсию более 10 лет руководил сектором энергетических режимов Центральной диспетчерской службы ПО «Пермэнерго». Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; как участник строительства и ввода в эксплуатацию Камской и Воткинской ГЭС — двумя медалями «За трудовое отличие», юбилейными медалями, имеет почетные звания «Ветеран труда» и «Заслуженный работник Минтопэнерго России».

Сталинград (Волгоград). Площадь Павших борцов. 1943 год — н. в.

Несмотря на близость поселка к границе, артобстрелов и авианалетов не было. Все боялись, что бомбежки обязательно будут, и первой целью станет железнодорожный мост через реку Свирь недалеко от нашей стройки. Но войска противника никак себя не проявляли. Видно, не было у них такой задачи, да и условия для продвижения вглубь нашей территории тоже были не очень – леса, озера да болота, отсутствие дорог.

До эвакуации в октябре 1941 года в районе поселка шло строительство оборонительных сооружений: вдоль берега реки Свирь строители возводили доты, жители рыли окопы и противотанковые рвы. Но, насколько я знаю, наши войска на эти позиции так и не пришли. Впоследствии их заняли финские войска, которые продвинулись до этого рубежа и стояли там до 1944 года.

Эвакуация

Когда началась эвакуация, нам сразу сказали, что мы, как и весь трест «Свирьстрой», едем в город Молотов (сейчас – Пермь). В это время из почти уже полностью окруженного Ленинграда вернулась моя старшая сестра. Она там поступала в институт. Из дома ушли с чемоданами. С собой взяли только то, что могли унести в руках. Выдали нам так называемые эвакуационные листы, по которым в дороге можно было получать хлеб.

К октябрю 1941 года немецкие войска перерезали в районе города Тихвин единственную в нашем районе железную дорогу, ведущую на восток, поэтому эвакуировались мы водным путем по маршруту река Свирь – Онежское озеро – Рыбинское водохранилище – реки Волга и Кама. До Рыбинска шли на барже. Жили в палатках, установленных прямо на палубе. В Рыбинске нас пересадили на довольно приличный пароход, который и доставил нас в Пермь. Высадились мы на берег недалеко от Перми у небольшого поселка с названием Гайва, который расположен в том месте, где одноименная речка впадает в Каму. В начале 30-х годов в Гайве были построены несколько деревянных барачных для строителей Камской ГЭС. Подготовительные работы по строительству гидроэлектростанции были прерваны войной, и рабочий поселок пустовал. Здесь было решено организовать эвакуационную базу треста «Свирьстрой».

Наша семья эвакуировалась, что называется, в последней волне, поэтому свободного жилья в Гайве уже не было. Для мужчин, прибывших последним рейсом, поставили две армейские палатки на 12 человек каждая, а женщин и малолетних детей перевезли на другой берег Камы и разместили в зданиях, построенных для Камской ГЭС. Так наша семья разделилась – мама с дочерьми на левом берегу Камы, а мы с отцом на правом. Сестры устроились на работу, одна из них работала шофером, а другая лаборантом на химическом заводе имени Серго Орджоникидзе. Виделись редко. Моста не было, перебраться на другой берег можно было только на лодке, а это километр на веслах, потом еще несколько километров пешком. После рабочего дня, который длился по 10–12 часов, как говорится, не набегаясь.

Зима 41-го была очень холодной. В школу я не ходил, мне просто нечего было надеть. Всю зиму топил печь в палатке. Это была моя основная обязанность. Не смотря на голод и холод, никто не болел, так сказать, не до того было. Все были напряжены и мобилизованы.

Первая работа

Весной 1942 года меня взяли на работу в трест «Свирьстрой» учеником электромонтера в электроотдел, который обслуживал поселок и развернутые на базе треста столярные и механические мастерские, а также работал с эвакуированным из прифронтовых областей оборудованием электростанций. Отец был заведующим базой, на которую поступало вывозимое с запада оборудование, но мой электроотдел ему не подчинялся. Поступающее оборудование ремонтировалось, консервировалось, сортировалось, а затем отправлялось на строящиеся и уже действующие на Урале электростанции. Новые мощности вводились для обеспечения работы эвакуированных на Урал заводов. В столярных и механических мастерских для фронта изготавливали сани и тележки.

Работники треста постепенно разъезжались на новостройки и расширяющиеся электростанции. Поэтому к началу следующей зимы нам с отцом дали места в общежитии. Помню, все время хотелось есть. У нас были продовольственные карточки. В день мне полагался один килограмм хлеба. Мой хлебный талон на следующий день всегда был израсходован. Я шел «с опережением» в этом вопросе. Была карточка на получение мяса, по которой вместо него частенько давали сушеные грибы. В рабочем поселке была столовая, где берешь, к примеру, тарелку супа, а там «крупинка за крупинкой бежит с дубинкой».

Мы с отцом предпринимали разные шаги, чтобы решить проблему с питанием. Как-то с мужиками плавали вверх по реке за картошкой, пытались что-то свое обменять на продукты. Но особым успехом наша экспедиция не увенчалась. Весной 1942 года те, у кого зимой были хоть какие-то запасы, начали сажать на берегу Гайвы очистки от картошки и картофельные глазки, а у нас с отцом ничего такого не было, но мы тоже решили вскопать грядку и посадили табак. И хотя табак был дефицитом, у нас он особо не расходился. Чтобы его продать, нужно было ехать на другой берег Камы на базар. Видимо, мы были плохими коммерсантами и особо на этот базар не рвались. Зато я в 15 лет начал курить. От самокруток ходил с обожженными бровями и ресницами.

Управленческий опыт

В 1943 году после победы советских войск в Сталинградской битве в Гайве появился первый лагерь военнопленных. Для него отгородили колючей проволокой часть бараков, которые раньше занимал «Свирьстрой». В лагере содержались солдаты и офицеры венгерской армии, воевавшей на стороне фашистской Германии. Когда появились пленные, мы поняли, что в войне наступил перелом.

Берлин. Регулировщица у Бранденбургских ворот. 1945 год — н. в.

Настроение у нас, конечно же, повысилось. Пленных нам давали на работу. У меня, мальчишки, в подчинении ежедневно было несколько венгерских офицеров и унтер-офицеров. Многие из них неплохо говорили по-русски. Это был мой первый управленческий опыт.

Строительство
Камской ГЭС.
Начало 1950-х
годов

Через некоторое время этот лагерь куда-то перевели, а на левом и правом берегах Камы появились новые лагеря, куда направляли в основном по 58-й статье тех, кто во время оккупации сотрудничал с немцами. Были и те, кто по глупости заработал срок, например, за пьянку, или за связь с иностранкой. В основном это были молодые, красивые и здоровые русские парни. В 1949 году, когда я уже был стар-

шим прорабом ЛЭП и подстанций «Молотовгэсстрой» и работал на строительстве Камской ГЭС, из этих лагерей у меня в подчинении были два профессора Киевского политехнического института, которые выдавали электроинструмент. Лагеря на берегах Камы просуществовали до окончания строительства Камской ГЭС в 1956 году.

В 1943–1944 годах трест «Свирьстрой» участвовал в восстановлении Волховской ГЭС, оборудование которой в начале войны было частично демонтировано и вывезено на восток. В этот период мне приходилось часто ездить в командировки в Ленинградскую область.

Дыхание войны

После Сталинградской битвы в Гайву начали привозить нашу и немецкую разбитую военную технику и орудия. Нас часто снимали с работы и отправляли на разгрузку эшелонов с так называемым фронтовым металлоломом. По искореженным танкам с огромными дырами в броне было видно, что происходит на войне, сколько смертей она принесла. Все было в копоти, пахло гарью и порохом.

В танках мы иногда находили оружие и снаряды. Из снарядов доставали порох, а найденное оружие мои товарищи смазывали и прятали на работе в верстаках. Но милиция не дремала, как-то она провела рейд и все эти трофеи конфисковала. В то время я тоже обзавелся оружием. Найденную мной мелкокалиберную винтовку я, в отличие от товарищей, держал дома. Это продолжалось

до тех пор, пока я не решил ее испытать прямо там – взял и выстрелил в угол комнаты. После моей выходки соседи пожаловались участковому. Он пришел, нахмурился и говорит: «Отдавай без разговора, а не то уши откручу». Уши он мне, конечно бы, не открутил, потому что я уже был большой и хулиганистый, но, тем не менее, ружье пришлось отдать.

У меня и моих товарищей был опыт обращения с оружием, так как все мы проходили военную подготовку. Я был старшиной группы. Мне поручали проводить занятия по стрельбе. Перед каждым занятием я ходил в военкомат, получал там два карабина, автомат и патроны к ним.

Жизнь без войны

В штате «Свирьстроя» числилось несколько советских немцев, переселенных на Урал с Поволжья. Во время так называемого спецпереселения их отделили от семей. Это были мужики возрастом около 40 лет. Очень разумные. К примеру, их невозможно было заставить идти по дороге, где ходят машины. Прежде чем сброситься кому-нибудь на подарок ко дню рождения, они собирались и обсуждали, чтобы подарок был полезным. Такие вот они премудрые были. Как-то смотрю, трое немцев собрались в кружок и шушукуются. Ну, думаю, опять мудрят над чем-то. Подхожу, спрашиваю: «Че, мужики?», а они мне: «Так война-то кончилась». Вот так от немцев я узнал о нашей Победе. Свои продовольственные карточки на текущий и на следующий день я уже как обычно израсходовал. Так что День Победы я отметил скромно – горбушка хлеба и чай с сахаром. Водка в карточке не входила. Это было дорогое удовольствие. Бутылку водки либо выменивали на буханку хлеба, либо покупали по цене 1000 рублей.

После войны я заочно за один год окончил 8-й и 9-й классы и поступил в 10-й. Встретил свою будущую супругу – Викторину, которая училась в Перми в институте. Во время войны со своими дедом и бабушкой она была эвакуирована из Одессы. Дед ее был итальянцем, а бабушка – из казачьей семьи, она в эвакуации в Перми работала директором школы. Благодаря Викторине и знакомству с ее семьей я, как говорится, немного остепенился, перестал хулиганить и как-то повзрослел. Окончил 10-й класс и стал считать себя самым умным. Разубедить меня было некому, в электроотделе в то время не было ни одного инженера, всех забрали на фронт.

Игорь
Александрович
в молодости

Строительство
Воткинской ГЭС

С июня 1945 года по октябрь 1956 года работал в тресте «Молотовгэсстрой», который в 1949 году приступил к продолжению строительства Камской гидроэлектростанции. На строительстве Камской ГЭС был мастером ЛЭП, старшим прорабом ЛЭП и подстанций, начальником участка строительного управления ЛЭП и подстанций.

В 1955 году началось строительство Воткинской ГЭС. Я перевелся на должность начальника участка ЛЭП Строительно-монтажного управления этой ГЭС. И тут понял, что молодые инженеры меня со всех сторон «подпирают» и надо учиться. Поступил и успешно окончил Всесоюзный заочный энергетический институт.

В диспетчерском управлении

В 1964 году перевелся на работу в Чайковские электрические сети Пермэнерго на должность начальника службы подстанций и в этом же году стал начальником оперативно-диспетчерской службы. С 1966 по 1987 год возглавлял Центральную диспетчерскую службу РЭУ «Пермэнерго». Когда я перешел на работу, связанную с оперативно-диспетчерским управлением, энергосистема региона была дефицитной, перетоки мощности – предельными, но мы сумели обеспечить ее надежную работу. Несмотря на то, что энергосистема работала на пределе устойчивости. У нас была только одна крупная авария, из-за которой погасла почти вся область. Объем отключений составил около 1000 МВт. Для ликвидации аварии пришлось отделить энергосистему региона от ЕЭС. На восстановление электроснабжения потребителей и нормального режима работы энергосистемы ушло всего несколько часов. Это авария послужила толчком в развитии системной автоматики. Она же стала моим первым серьезным испытанием на новой работе.

Для ликвидации дефицита электроэнергии и мощности в энергосистеме региона в тот период развернулось активное строительство новых генерирующих мощностей и линий электропередачи различного класса напряжения, проводилась масштабная реконструкция действующих электростанций, подстанций и линий электропередачи. Наша диспетчерская служба обеспечивала ввод новых и реконструированных энергообъектов в эксплуатацию. В 70-е годы началась эпоха компьютеризации и автоматизации. Мы осваивали большие ЭВМ, а затем персональные компьютеры, внедряли автоматизированную систему диспетчерского управления, оперативно-информационный комплекс и современную систему связи, то есть все то, без чего сейчас невозможно представить работу диспетчера.

В 1987 году я перешел на должность начальника сектора энергетических режимов Центральной диспетчерской службы РЭУ «Пермэнерго» (с 1988 года ПО «Пермэнерго»). После выхода на пенсию в 1988 году еще два года работал в ЦДС на должности инженера, а затем диспетчера. Получается, что энергетике я посвятил 58 лет своей жизни.

**Дмитрий
Данилович
САХНО**

ОСВОБОЖДАВШИЙ МАНЬЧЖУРИЮ

Когда началась война, мне было всего 14 лет. Хорошо помню 22 июня 1941 года. Было тепло, светило яркое солнце, мы с отцом собирались на рыбалку, в это время по радио выступил Вячеслав Молотов и сообщил о нападении фашистской Германии на СССР. Это была страшная новость. На фронт мне тогда было еще рано, мобилизовали меня только в 1943 году, в возрасте 17 лет.

Война постоянно требовала новых кадров, я и мои одноклассники знали, что нас вскоре призовут. В декабре 1943 года, когда мы окончили первую четверть 10-го класса, нас отправили на пересыльный пункт в город Биробиджан, где выдали армейское обмундирование. Шинель, помню, была не новая, уже побывавшая в боях, с дырками от пуль, потерянная. На пересыльном пункте парней направляли в разные части – кого в авиацию, кого на флот, кого в пехоту. Меня после месяца подготовки отправили в 23-ю отдельную снайперскую школу в селе Раздольном Приморского края, а после прохождения там подготовки – в 1051-й стрелковый полк 300-й стрелковой дивизии Первой краснознаменной армии Первого дальневосточного фронта.

В 1944 и до лета 1945 года я находился в 300-й дивизии, расквартированной в поселке Хороль Приморского края. Мы ожидали, что нас отправят на Западный фронт,

Родился в 1926 году в городе Имане (современный Дальнереченск) Приморского края. В 1945 году принимал участие в боевых действиях на Дальнем Востоке, освобождал Маньчжурию от империалистической Японии. Награжден более чем десятью орденами и медалями, включая орден Отечественной войны II степени и медали «За победу над Японией» и «За боевые заслуги».

Закончив Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта по специальности «Электрификация железных дорог», Дмитрий Данилович пришел в энергетику. До работы в ОДУ Востока трудился на различных предприятиях отрасли, в частности дежурным инженером Хабаровской ТЭЦ-1. Набрав опыт, в 1971 году пришел в еще молодое ОДУ Востока и посвятил оперативно-диспетчерскому управлению двадцать три года жизни. Дмитрий Данилович участвовал в создании службы оперативной информации, которую впоследствии возглавил и проработал в ней до пенсии. За многолетний труд был награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР», двумя грамотами Министерства энергетики и электрификации СССР, а также целым рядом отраслевых наград. На заслуженный отдых вышел в 1994 году.

Маньчжурия.
Советские войска
проходят по
улицам города
Чанчунь.
1945 год

В составе группы
советских войск
в ГДР. Дрезден,
1952 год

постоянно тренировались – ни зимой, ни летом не делая передышки. Однако уже к началу 1945-го с запада начали прибывать военнотружущие, которыми усиливали нашу дивизию и другие дальневосточные части. Стало ясно, что воевать мы будем в Маньчжурии. К августу наша дивизия вплотную передислоцировалась

к границе с Китаем и встала у озера Хасан. Весь месяц в том районе шли проливные дожди. 9 августа нам был зачитан приказ о переходе государственной границы. Во всех частях проходили митинги, собрания, организованные командирами и политработниками. После зачитания приказа мы перешли границу с оккупированной японцами Маньчжурией. Одновременно с нашим

фронтом выступили Второй Дальневосточный и Забайкальский фронты. Основной удар наносился по городу Харбину.

Местность, по которой нам предстояло наступать, была гористая и покрытая непроходимой тайгой – никаких дорог. После дождей пришлось идти буквально по колено в воде. Первые два дня мы были вынуждены делать просеки в тайге. Рубили деревья и укладывали их на землю в гати, чтобы дать возможность пройти технике. Через два дня мы вышли на дорогу и тут впервые встретились с частями Квантунской армии. За пограничными заставами начинался Мишанский укрепрайон. Для его преодоления проводилась массированная артиллерийская и авиационная подготовка, только потом в бой шла пехота. На пути к Харбину нам предстояло взять уезды Южный и Северный Мулин и сильно укрепленный город Муданьцзян. Именно под этим городом мы встретили самое сильное сопротивление, именно при его взятии понесли самые тяжелые потери.

При штурме Муданьцзяна пришлось преодолевать одноименную реку – широкую и полноводную горную реку с быстрым течением. Когда вышли к ней, открылся вид на сам город. Мосты были предварительно взорваны японцами. Командование приняло решение о форсировании с использованием подручных средств. Мы пилили деревянные опоры линий электропередачи, вязали тюки из палаток, набивали их сеном. С помощью таких средств

и переправлялись. В ходе форсирования понесли большие потери. Я как снайпер осуществлял прикрытие при переправе. С нашей стороны велась сильная артиллеристская и авиационная подготовка, поэтому, когда перешли реку, подавленный обстрелом и бомбардировкой неприятель оказывал уже слабое сопротивление. С прибрежной полосы части Квантунской армии были выбиты, но в самом городе еще оставались доты и дзоты, в которых засели японские смертники. Кроме того, при взятии Муданьцзяна нам оказали сопротивление белогвардейские части, сформированные из эмигрировавших в Китай казаков и белых офицеров. Город был взят к ночи, поэтому нам была дана команда дальше не двигаться. Только к рассвету наши части выступили на Харбин, к которому после взятия укрепленного Муданьцзяна открывалась прямая дорога.

На пути к Харбину нам уже не оказывали сильного сопротивления, город брался одновременно частями нашего и Забайкальского фронтов, а также Амурской Краснознаменной военной флотилией. 3 сентября нам объявили о капитуляции Квантунской армии, и я в составе нашей дивизии принял участие в параде победы над империалистической Японией в Харбине.

До марта следующего года я находился в Маньчжурии и участвовал в разоружении японских частей. Все захваченное в ходе войны вооружение было передано Китаю. В марте 1946 года нашу дивизию направили в город Бикин на юге Хабаровского края, где тогда располагалось много частей. В это время там отбирали крепких высоких парней для Второй гвардейской мотострелковой Таманской дивизии. Я тоже оказался в числе выбранных для службы в этой элитной части. Так я попал в Москву. В дивизии провел четыре года. За время службы принял решение учиться и поступил в Горьковское военно-политическое училище имени Фрунзе. Закончил его в 1951 году и был направлен в группу войск в Германии на должность заместителя командира роты по политической части. Там прослужил до 1955 года, после чего был уволен по состоянию здоровья в запас в звании капитана. Сейчас я подполковник запаса.

Благодарность
снайперу Сахно
за отличные
действия в боях
с японцами

После увольнения из армии я вернулся в Иман. Мне еще не было 30-ти лет, и я решил освоить новую профессию. Поступил в Хабаровский техникум связи на радиоотделение. Окончив техникум, стал работать в Хабаровском сельском райкоме партии. Параллельно поступил в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта на специальность «Электрификация железных дорог». После окончания института начал свой путь инженера-энергетика в Хабаровском краевом управлении Сельэнерго. Правда, эта

После окончания училища с офицерскими погонами на плечах. 1952 год

организация просуществовала недолго. Затем я перешел в Хабаровскэнерго, а после – в энергоинспекцию Хабаровского энергосбыта. Работа там оказалась не самой интересной, и я начал искать пути в серьезную энергетику. Как раз к тому времени в Хабаровске было создано ОДУ Востока. Я пришел к первому директору Георгию Григорьевичу Мамаджаниянцу и попросил взять меня на работу. Он ответил, что для диспетчерского управления я еще не готов и предложил поработать на ТЭЦ. Я пошел работать на Хабаровскую ТЭЦ-1 дежурным инженером станции. Условия были там тяжелые: зимой – холод, летом – жара, сквозняки, шум, копоть. Отработав на станции три года, я снова пришел к директору ОДУ Востока, уже имея за плечами опыт работы на ТЭЦ, и напомнил ему о его словах. Георгий Григорьевич взял меня на должность старшего диспетчера.

Когда я пришел в ОДУ Востока, оно, по сути, еще только формировалось. У нас не было ни диспетчерского щита, ни компьютеров. Были стол и два телефона – один городской, второй для связи с Хабаровскэнерго, Дальэнерго и Амурэнерго. Вместе с другими диспетчерами я ездил по энергосистемам, изучал схемно-режимные особенности Амурской, Хабаровской и Дальневосточной (сейчас – Приморской) энергосистем. После детального изучения энергосистем мы стали налаживать работу оперативно-диспетчерской службы и уже полноценно управлять режимом.

Моя работа в ОДУ Востока в качестве диспетчера пришлась на период становления ОЭС Востока. В тот период были введены линии 220 кВ, связавшие Хабаровскую энергосистему с Амурской и Приморской. Началось строительство крупнейших станций – Зейской ГЭС и Приморской ГРЭС. Естественно, все эти объекты вводились при режимной проработке и непосредственном участии ОДУ Востока.

Я участвовал в создании службы информации при оперативно-диспетчерской службе, которую впоследствии возглавил. Эта служба собирала информацию о состоянии в энергосистемах ОЭС Востока и в изолированных энергосистемах, готовила рапорт. На этом посту я и проработал до выхода на пенсию в 1994 году.

Я всегда считал и считаю, что человек должен быть профессионалом своего дела, постоянно учиться, повышать свой уровень подготовки. Только знания и навыки, которые приобретаются с опытом, позволяют человеку справляться с самыми сложными задачами, как в работе, так и в целом в жизни.

**Евгений
Васильевич
ОСЕЧКИН**

Родился в Куйбышеве 15 августа 1927 года, мальчишкой пережил войну. В 1949 году с отличием окончил энергетический факультет Куйбышевского индустриального института по специальности «Центральные электрические станции» и всю свою дальнейшую жизнь посвятил энергетике Поволжья. Полтора десятилетия он руководил Объединенным диспетчерским управлением Средней Волги, а после выхода на пенсию проработал в Системном операторе еще двенадцать лет.

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ СЛУЖИЛ ЭНЕРГЕТИКЕ»

Евгений Васильевич хорошо помнит, как началась война. Он окончил шестой класс школы, старший брат Леонид – десятый. Их отец Василий Иванович Осечкин, выпускник Высших стрелковых курсов, кадровый командир Красной армии, воевал еще в Гражданскую, был награжден орденом Красного Знамени. 1 мая 1941 года полк Василия Осечкина прошел парадом по площади Куйбышева. Женя, как всегда, был там с отцом.

— Вскоре после того первомайского парада 707-й артиллерийский гаубичный полк отца, где он в тот момент исполнял обязанности командира полка, уехал в Тоцкие военные лагеря на переподготовку. Накануне его отъезда произошел примечательный случай, который я помню всю жизнь. 6 июня меня неожиданно вызвали с урока в школе и сказали отправляться домой. Я побежал со всех ног в полном недоумении — думал, что-то случилось. Оказывается, отец решил отвести нас в фотоателье, чтобы сделать семейную фотографию на память. К сожалению, это общее фото стало последним...

18 июня красноармеец принес домой к Осечкиным записку: «Лиза, встречай, буду 18 июня проездом. Вася». У Лени в этот день был школьный выпускной, и он не смог пойти с мамой и Женей повидаться с отцом. Они дождались эшелон глубокой ночью. Василий Иванович спустился из штабного вагона гладко выбритый, в начищенных сапогах. Обнял жену и сына, и так простояли они четверть часа до отхода эшелона. И больше уже не встретились...

Семья получила извещение, что командир Красной армии Василий Осечкин пропал без вести. Его полк участвовал в первой в истории Великой Отечественной наступательной операции. Наши войска форсировали Днепр, отбили у фашистов города Жлобин и Рогачев. За участие в этих боях Василий Иванович был представлен к ордену Ленина. Но позже фашисты перешли в наступление и полк был практически полностью уничтожен. Однако в числе погибших Василия Осечкина не нашли.

— Уже потом, много позже, мы узнали, как обстояло дело на самом деле. В бою папа был тяжело ранен и попал в плен — держали его, как и других советских командиров, в госпитале под Гомелем, к тому времени уже захваченном немцами. Позже перевели в тюрьму в городе Барановичи. Едва поправившись, отец организовал побег, в который кроме него пошли еще шестеро пленных советских офицеров. Им необходимо было спуститься с семиметровой стены госпиталя. Отец шел последним, сорвался со стены и сломал ногу. Товарищи донесли его до ближайшей деревни и оставили польской женщине, которая сказала: «Идите, не беспокойтесь, я его спасу». А утром сдала отца немцам.

Последнее
семейное фото.
1941 год

Василия Ивановича Осечкина как организатора этого побега расстреляли в тот же день – 22 марта 1942 года. Евгений Васильевич не знает, как сложилась судьба остальных. Но уже в мирное время двое из спасшихся в том побеге командиров приезжали в Самару. Они встретились, и от них Евгений Васильевич узнал о последних днях жизни отца.

— Леня ушел в армию в первые же дни, и мы с мамой остались одни. Мне было 14 лет.

Уже после снятия блокады брат попал под Ленинград на охрану общественного порядка — говорили, что как раз в это время в обескровленном войной городе начали поднимать голову белофинские бандформирования. Во время одной из таких схваток Леня был ранен: его отбросило взрывом гранаты и сильно ударило о дерево. Был поврежден позвоночник, внутренние органы. После этого Леня больше не вставал. Маму вызвали в Ленинградский госпиталь, и он умер у нее на руках 25 июня 1945 года. Из выпускного класса брата в живых остался только один человек — все остальные погибли в годы войны.

Военное детство

Оставшись в 14 лет единственным мужчиной в семье, Женя все военные годы работал. Сначала в литейном цехе станкозавода. Ребята делали корпуса для мин. Большим счастьем было то, что на заводе подростков кормили и даже выдавали мыло, которое в военном Куйбышеве достать было невозможно.

Потом была работа грузчиком в магазине: с тележкой ездил на склады, находившиеся в разных районах города, и привозил в магазин продукты, папиросы. До сих пор со слезами на глазах Евгений Васильевич вспоминает два эпизода, которые произошли с ним в 1942 году в Куйбышеве.

Однажды в магазин нужно было доставить папиросы с табачной фабрики. Путь был неблизкий, и на ямах да колдобинах веревки, которыми были закреплены на тележке коробки, размотались и папиросы рассыпались по тротуару. Женя стоял ни живой ни мертвый: папиросы были страшным дефицитом, а мародеров и бандитов везде было достаточно. Да и война давно сдвинула границы морали. Но тут к мальчишке подошли трое мужчин, помогли собрать товар и надежно увязали коробки на тележке. «Мы, — говорят, — пацан, после начала войны эти папиросы только в кино видели. Дай нам, пожалуйста, хоть по парочке». Женя дал каждому по 10 папирос, и сейчас, спустя семь десятилетий, помнит, как горячо они его благодарили.

1943 год

— А второй случай, на всю жизнь отпечатавшийся у меня в памяти, произошел на куйбышевском базаре. Мама получила по талонам две чекушки водки — большая по тем временам ценность! — и отправила меня на базар, чтобы я их продал и принес деньги, на которые мы могли бы какое-то время кормиться. Пойти сама она не могла: была больна. Стою я с этими чекушками, и тут возле меня появляются трое фронтовиков-летчиков. Обрадовались водке, взяли ее и тут же выпили. «А деньги?» — чуть не плача, спрашиваю я робко, уже понимая, что никаких денег мне не видать. Военные набросились на меня: «Какие тебе еще деньги, мы воюем, кровь проливаем, а ты тут водкой торгуешь!» В эту

Лето 1943 года

минуту мимо проходил наш сосед по дому, который сказал: «Мужики, как же вам не стыдно! У него отец погиб под Гомелем, брат воюет, а вы пацана обобрать хотите». Они стали меня расспрашивать, кто был мой отец, где воюет брат. Потом вытащили из карманов деньги, гораздо больше, чем стоила выпитая водка, сказали: «Беги домой, неси матери». Знаете, я умирать буду, а лица их вспомню...

Потом была работа на военных складах — разбирали обмундирование, пришедшее

с фронта. В 1944 году комитет комсомола направил Евгения Осечкина отрядным пионервожатым в детский лагерь: война шла к концу, начали открываться пионерские лагеря. Перед этим, летом 1943 года, Женья экстерном сдал экзамены по школьной программе 9-го и 10-го класса, а в 1944 году стал студентом.

Как книга на судьбу повлияла

— Как получилось, что я, сын кадрового офицера, попал в энергетику? В подростковом возрасте я, конечно, хотел продолжить дело отца и даже готовился к поступлению в Академию бронетанковых войск. Но потом, как это часто бывает, все решил случай: я прочитал книгу об энергетике под названием «Страна P_f» (как известно, это стандартное обозначение мощности и частоты). Мне тема показалась очень интересной, я моментально увлекся и уговорил своего приятеля Володю Иванова вместе поступать в Куйбышевский индустриальный институт на факультет «Электрические станции». Шел 1943 год, в институт принимали без экзаменов, достаточно было аттестата о среднем образовании.

Группа подобралась «возрастная» — в основном демобилизованные молодые люди, которые прошли фронт, многие после ранений. Вчерашних школьников было всего несколько человек. Понятно, что за годы войны фронтовики многое из школьной программы подзабыли, и справляться с нагрузкой в институте им было очень сложно. Женя, окончивший школу на одни пятерки и имевший качественные свежие знания, поступил, как он сам говорил, «на службу» к бывшим бойцам: занимался с отстающими, помогал писать курсовые, готовил ребят к экзаменам. Группа подобралась исключительная: учились все с большим интересом, с полной самоотдачей, были готовы посвятить энергетике всю жизнь. Да и преподаватели старались передать студентам не только свои знания, но и любовь к энергетике, а также опыт — не только профессиональный, но и жизненный.

— Помню, как первый раз на практике мне пришлось работать на шинах высокого напряжения. Я прекрасно понимал, что электропитание отсоединено, но сам факт того, что нужно залезть наверх и дотронуться до шин, где еще минуту назад было напряжение 6 киловольт, не давал мне приступить к выполнению задания. Первый раз было очень страшно. Потом привык.

После окончания института Евгений по распределению уехал на работу в объединение «Башнефть» в Уфу. Прибыв на место, он буквально умолил руководство подписать ему перевод в объединение «Куйбышевнефть» — не хотелось уезжать далеко от дома и оставлять маму одну. Так, не проработав в Башкирии ни дня, Евгений Васильевич вернулся на родину. Но в «нефтянке» надолго не задержался. Несмотря на то, что у него — молодого перспективного специалиста — быстро пошел карьерный рост, и за короткое время он прошел все ступени до должности начальника отдела, работа в нефтяной отрасли Осечкина не привлекала: он рвался в энергетику, горячо мечтая о любой должности на электростанции.

26 декабря 1950 года Евгений Осечкин уволился из объединения «Куйбышевнефть», а 2 января 1951 года был принят на должность дежурного электротехника на Куйбышевскую ГРЭС. С этого дня и до конца своей трудовой жизни он служил энергетике.

Евгений Осечкин на работе

Братская помощь Египту

Путь Евгения Васильевича в энергетике был довольно прямым и понятным. После работы на Куйбышевской ГРЭС, где он уже занимал должность заместителя начальника электроцеха, Осечкина пригласили главным инженером в Энергосбыт Куйбышевэнерго. Но уже через некоторое время, в апреле 1960 года, он перешел в Центральную диспетчерскую службу Куйбышевэнерго: сначала на должность главного диспетчера, потом — начальника ЦДС.

— В 1966 году, когда я еще работал главным диспетчером ЦДС Куйбышевэнерго, руководство Главного диспетчерского управления (будущее ЦДУ — Центральное диспетчерское управление) в Москве сделало мне предложение, от которого я, как говорится, не мог отказаться. В то время начальником ГДУ был Корюн Татевосович Нахапетян, а начальником Центральной диспетчерской службы —

Василий Тихонович Калита: имена в отечественной энергетике легендарные. Они хорошо знали меня по работе, были в курсе моего опыта и профессиональных возможностей. Поэтому, когда дружественной нам Объединенной Арабской Республике Египет понадобился главный диспетчер Объединенного диспетчерского управления Нижнего Египта для налаживания работы энергосистемы и включения в нее строящейся с 1960 года с помощью советских специалистов

На Асуанской
ГЭС. 1967 год

Асуанской ГЭС, Нахапетян и Калита остановили свой выбор на мне.

Асуанская ГЭС вошла в историю как самая масштабная «стройка социализма» за пределами СССР. Оборудование и материалы для ГЭС поставляли около 300 советских предприятий. Но главным продуктом советского экспорта для Асуана стали опытные инженеры. На строительстве станции работало около двух тысяч квалифицированных советских специалистов, а число египетских рабочих достигло 34 тысяч человек.

В 1968 году Евгений Васильевич вернулся в Советский Союз и вскоре был назначен директором Куйбышевской ГРЭС – станции, которой он в самом начале трудового пути отдал восемь лет жизни.

Дом для ОДУ Средней Волги

В феврале 1973 года Евгения Васильевича назначили начальником ОДУ Средней Волги. Именно ему, наряду с ежедневной систематической работой по организации оперативного управления энергетикой Средней Волги, досталось колоссальное по трудозатратам, отнявшее много сил и времени строительство нового здания Объединенного диспетчерского управления, которое начал строить еще предшествующий начальник ОДУ Борис Пономарев. В результате к концу 1981 года у ОДУ оказалось не просто здание, а комплекс, уникальный на тот момент в масштабах целой страны. Кстати, проект архитектора А. Н. Герасимова, по которому строился диспетчерский центр, получил первую премию Союза архитекторов РСФСР.

Евгений Васильевич возглавлял ОДУ Средней Волги в течение 15 лет – до 1988 года. Каждое рабочее утро он начинал с посещения диспетчерского щита. А по воскресеньям на протяжении всех этих лет принимал участие в селекторных оперативных совещаниях, которые накануне начала рабочей недели проводил сначала Петр Степанович Непорожний, а после его ухода с поста руководителя министр энергетики Анатолий Майорец и позже – Анатолий Дьяков. Сегодня Евгений Васильевич признается, что работа в ОДУ была интереснейшим периодом его жизни. Объединенная энергосистема бурно развивалась: вводились в строй крупные генерирующие и электросетевые объекты: Нижнекамская и Чебоксарская ГЭС, Балаковская АЭС, Балаковская ТЭЦ-4, строилась системообразующая сеть 500 кВ, формировалось первое кольцо линий-пятисоток. В этот же период началась разработка цифровых централизованных систем противоаварийной автоматики (ЦСПА) и автоматического регулирования частоты и мощности (АРЧМ) ОЭС Средней Волги. Важное для устойчивой работы энергосистемы значение имело конструирование комплекса ЦСПА Средней Волги с «низовыми» устройствами противоаварийной автоматики на Балаковской АЭС и Заинской ГРЭС.

— Мне очень повезло в период моей работы в ОДУ:

у нас сложился воистину коллектив единомышленников, в котором не было равнодушных к результатам своей деятельности. Все стремились выполнить порученное дело не просто хорошо, а очень хорошо. Такое отношение коллектива к работе обеспечивало не только стабильное функционирование Объединенной энергосистемы, но и давало возможность для ее развития.

Под руководством Евгения Васильевича коллектив успешно решал вопросы планирования и реализации режимов работы ОЭС Средней Волги, развития систем противоаварийной автоматики. Именно при Осечкине началось развитие автоматизированной системы диспетчерского управления: в 1974 году был

сдан в эксплуатацию оперативно-информационный комплекс (ОИК) – первый в структуре Минэнерго двухмашинный информационный комплекс на самых современных для того времени ЭВМ М6000. За разработку программного обеспечения двухмашинного ОИК ряд сотрудников Службы вычислительной техники ОДУ Средней Волги был награжден медалями ВДНХ. В течение нескольких лет этот комплекс тиражировался как в диспетчерских центрах ОЭС Средней Волги, так и в других ОДУ.

«Энергетика – слава твоя!»

С 1988 года, после выхода на пенсию, Евгений Васильевич занимался в ОДУ сначала вопросами гражданской обороны, позже – вопросами перспективного развития Объединенной энергосистемы Средней Волги в новых экономических условиях работы. При его активном участии на научно-техническом совете РАО «ЕЭС России» была принята «Концепция развития электроэнергетики региона Поволжья». Свою производственную деятельность в этот период Евгений Васильевич удачно сочетал с участием в научно-технической работе, в течение многих лет возглавляя государственную экзаменационную комиссию одной из кафедр Куйбышевского политехнического института, готовил молодых специалистов-энергетиков к самостоятельной работе.

В 2002 году
Евгений
Васильевич ушел
на заслуженный
отдых

В 2002 году Евгений Васильевич ушел на заслуженный отдых, но продолжает интересоваться жизнью родного ему ОДУ, следит за событиями, происходящими в отрасли. В 2013 году инициативная группа, созданная из сотрудников ОДУ Средней Волги, выдвинула Евгения Васильевича для участия в областной общественной акции «Народное признание». Это – ежегодная общественная награда, которая присуждается жителями Самарской губернии лучшим труженикам региона, совершившим много полезных дел на благо общества.

Самых уважаемых жителей губернии народным голосованием выбирают по шести номинациям. В тот год на участие в конкурсе инициативные группы выдвинули 439 кандидатов. Евгений Васильевич стал номинантом премии «Народное признание».

И награды этой он, несомненно, достоин. Удивительной стойкости, внутренней красоты и интеллигентности человек, который прожил в энергетике целую эпоху, отдав любимому и единственному делу более пятидесяти лет.

Системный оператор
Единой энергетической системы

2015